

interaction

интеракция

interview

интервью

interpretation

интерпретация

INTER

2' 2024

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2024. Том 16. № 2
Interaction. Interview. Interpretation
2024. Volume 16. No. 2

ISSN (Online) 2687-0401

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2002 г.

Выходит 4 раза в год

2024. Том 16. № 2

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2

EDN: SOUTXU

Учредители
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Издатель
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Главный редактор
Редакция
Технический редактор
Компьютерная верстка
Корректор
В. В. Семенова
А. В. Ваньке
Е. Ю. Рождественская
А. В. Стрельникова
И. Н. Тартаковская
О. Н. Салангина
В. Е. Кудымов
А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International Public License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

Изображение на обложке: Свобода, фреска в школе.

Автор картины — Синтия Сент-Джеймс (родилась 11 февраля 1949 г.) — американская художница,
писательница, педагог и актриса 70-х годов.

9 772687 040006 >

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2024
© Interaction. Interview. Interpretation, 2024

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

- СУШКО Павел Евгеньевич** — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkope@mail.ru
- ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com
- ЧЕРНОВА Жанна Владимировна** — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru
- ЧЕРНЫШ Михаил Федорович** — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, директор, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), mfche@yandex.ru
- ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна** — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru
- ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна** — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Leading researcher, SI RAS — FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAEVA — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Director, FCTAS RAS (Moscow, Russia), mfche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiarskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

- [Anna V. STRELNIKOVA](#) — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru
- [Irina N. TARTAKOVSKAYA](#) — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com
- [Alexandrina V. VANKE](#) — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	9
Исследовательские дискурсы: поколения	10
<i>Елена Омельченко</i> Забываемое поколение X. Ретроспективный взгляд из будущего	10
<i>Надежда Нартова</i> Метафорические основания поколенческого воображаемого городской российской молодежи	29
<i>Елизавета Балацук, Елизавета Кресникова</i> Трудовые ценности в поколенческом аспекте на примере младших миллениалов Санкт-Петербурга	50
Исследовательская рефлексия	69
<i>Евгения Кузинер</i> Исследование бездомности: методология, эмоциональная вовлеченность и место исследователя в сенситивных полях	69
Первые шаги	89
<i>Ольга Салангина</i> Особенности межпоколенной семейной коммуникации миллениалов с родителями: отношение к браку	89
<i>Элла Жесько, Леонид Петрухин</i> Интерсекциональный подход к изучению неравенства: групповой научно-образовательный проект	113

Contents

Editor's Letter	9
Research Discourse: Generations	10
<i>Elena L. Omelchenko</i> Forgotten Generation X. A retrospective look from the future	10
<i>Nadezhda Nartova</i> Metaphorical Foundations of the Generational Imaginary of Urban Russian Youth	29
<i>Elizaveta Balatsiuk, Elizaveta Kresnikova</i> Work values in the generational aspect on the example of younger millennials of Saint-Petersburg.....	50
Research Reflection	69
<i>Evgenia Kuziner</i> Homelessness: Methodology, Emotional Involvement and the Researcher's Role in Sensitive Field	69
First Steps.....	89
<i>Olga Salangina</i> Features of Intergenerational Family Communication of Millennials with Their Parents: Attitude to Marriage.....	89
<i>Ella Zhesko, Leonid Petrukhin</i> Intersectional Approach in Social Inequality Research: Group Project	113

Письмо редактора

Наш новый номер в основном посвящен проблематике поколений. Поколение как понятие широко используется в научной литературе и публичном дискурсе для описания социальной динамики от прошлого к будущему в обществе в целом или отдельных его подсистемах, но при этом до сих пор не приобрело четкого научного обозначения для своей адекватной эмпирической апробации в определенных жестких критериях.

Хотя обычно это ретроспективное направление в социологии, однако оно обладает определенным оптимистической нагрузкой, к его использованию и рассуждениям о поколениях прибегают в большей степени тогда, когда состояние неопределенности и рисков в социальной реальности заставляет оглянуться назад, в прошлое, для поиска аналогов и попытаться заглянуть в будущее для поиска ответов на вопросы, связанные с тревогами и надеждами настоящего времени. Тогда и возрастает научный интерес к беби-бумерам или к молодежи 1968-го, к поколению 90-х или к миллениалам.

Поэтому мы и выбрали эту тематику центральной для статей настоящего номера. При всей многоаспектности и многотемности интереса к поколениям в статьях есть, на мой взгляд, одна единая линия, отражающая тренд в современных подходах к поколениям. Основным трендом, заметным и в этих статьях, является фокус не на межпоколенных изменениях, а на внутриспоколенных различиях; отход от понимания поколения как единой когорты с единым поколенческим сознанием («дух поколения»). Возможно, это связано с современными социальными процессами, когда скорость социальных изменений опережает «шаг» поколения, и тогда миропонимание отдельных фракций внутри генерации не успевает за сдвигами в социально-исторической перспективе. Различия внутри поколения перекрывают межпоколенные изменения.

В статьях номера эти процессы и размышления по-разному отражаются в статьях наших авторов — Елены Омельченко, Надежды Нартовой, Елизаветы Балацук и Елизаветы Кресниковой, а также молодого автора Ольги Салангиной.

Вторым направлением тематики номера стала наша традиционная рубрика исследовательской рефлексии при работе с маргинальными группами и их чувствительными проблемами. Евгения Кузинер рассматривает ее на примере работы в поле с такой труднодоступной группой как бездомные, а Элла Жесько и Леонид Петрухин — на примере работы с мигрантами и их изменяющейся идентичностью.

Желаем заинтересованного и критичного чтения,

Редактор номера
В. В. Семенова

Исследовательские дискурсы: поколения

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.1

EDN: AATYIC

Забытое поколение X. Ретроспективный взгляд из будущего¹

Ссылка для цитирования:

Омельченко Е. Л. Забытое поколение X. Ретроспективный взгляд из будущего // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 2. С. 10–28. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.1> EDN: AATYIC

For citation:

Omelchenko E. L. (2024) Forgotten Generation X. A Retrospective Look from the Future. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 2. P. 10–28. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.1>

Омельченко Елена Леонидовна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
Россия

E-mail: eomelchenko@hse.ru

Разговор о поколениях обычно сводится к людям, молодость которых совпадает с «настоящим» временем. С нарастающим интересом обсуждаются проблемы и запросы тех молодых, которые демонстрируют видимые отличия от предыдущих поколений и вызывают у взрослых тревоги или надежды. Поколение X — это из прошлого, молодость российских «иксов» падает на конец XX, начало XXI века, если ориентироваться на принятую поколенческую хронологию. Актуальность разговора о поколении X можно связать с набирающей популярность дискуссией о «девяностых», о героях и антигероях времени перемен, ожиданий и разочарований. Последние 10–15 лет главными героями поколенческой драмы остаются миллениалы и «зумеры», внимание медиа, вслед за маркетологами, начинает поворачиваться к поколению «альфа». Поколение X затеряно между беби-бумерами и миллениалами и почти забыто. В фокусе статьи — конец прошлого и начало XXI века, постсоветские/

¹ В статье использованы материалы исследований, осуществлённых в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

российские «иксы», молодежь, рожденная в 1960-х — 1980-х годах. Обращение к материалам исследований и проектов того времени позволяет сфокусироваться на характеристиках молодежи, которой было тогда «двадцать с чем-то». Взгляд в прошлое с дистанции в 30 лет поможет увидеть то, что могло выпасть из поля зрения, и обнаружить в настоящем следы культурной активности той молодежи. В статье внимание обращено на особенности молодости «иксов», на символические и реальные битвы на культурных молодежных сценах того времени, на принятие или сопротивление дискурсивному конструированию молодежной идентичности в политическом, медийном и академическом поле. Для более тонкого сегментирования особенностей противостояний на молодежных культурных сценах того времени выделяются «ранние иксы» — молодежь 1990-х годов, «средние иксы» — молодежь начала XXI века и «поздние иксы», молодость которых пришлось на переход от первого ко второму десятилетию XXI века. Для фиксации этих различий используются отсылки к исследовательским проектам, реализованным в те годы, а также к публикациям, посвященным их результатам.

Ключевые слова: российская молодежь; поколение X; культурные молодежные сцены и солидарности

Введение

On the floors of Tokyo
Or down in London town to go, go
With a record selection and a mirror's reflection
I'm dancing with myself²

С культурно-исторической точки зрения поколенческая модель должна соотноситься не столько с демографической группой, сколько со временем, на которое приходится взросление молодежи. Так, Юрий Левада подчеркивает, что «для социологического анализа важнее исследовать не демографическое поколение, людей одного возраста в некий период времени, а определенные значимые группы, которые задают нормы взаимодействия и присваивают им культурные значения» [Левада, 2005: 40–41]. При этом анализ ключевых черт поколений и главных «героев» вольно или невольно принято соотносить с определенной хронологией. Годами рождения «поколения X» в задокументированной, хотя и часто критикуемой, хронологии приняты 1960-е — конец 1980-х годов³. Годами рождения

² Billy Idol — британский и американский рок-музыкант, фронтмен панк группы «Generation X». Песня «Dancing with myself» написана в 1979 году под впечатлением от танцующей молодой толпы на тойской дискотеке: все танцуют со своим отражением в зеркальных стенах, а не друг с другом.

³ Поколенческие хронологии могут значимо различаться. Подвижная природа российских «иксов», связанная с особыми историческими и глобальными сломами, выпавшими на период их взросления, находит отражение и в подвижности их хронологии. Годы рождения поколения X могут сдвигаться исследователями как в «поздних» беби-бумеров (начало 1960-х годов), так и в ранних миллениалов — первое и даже второе десятилетие XXI века [Henseler, 2013].

их предшественников — беби-бумеров — считают период с середины 1940-х по середину 1960-х годов, «поколения Y» (миллениалов) — с начала 1990-х годов по первое десятилетие XXI века.

Беби-бумеров считают самым длинным и самым массовым послевоенным поколением XX века. В границах их периода расположилось несколько когорт; повышение, а затем резкое падение уровня жизни которых приводит, по мнению ряда западных исследователей, к усилению межпоколенческого и внутрипоколенческого конфликтов в дальнейшем [Roberts, 2012].

Как следствие, «время» последующих за беби-бумерами поколений становится короче и приписываемые им характеристики перекрывают друг друга. Рамки поколения X определяются крайне широко, внутри него можно обнаружить несколько различающихся страт: ранние, зрелые и поздние «иксы» (иногда их рамки раздвигают до так называемого поколения «икс-икс» или ранних «игреков»). В статье будут описаны некоторые контуры различий этих трех страт, однако основной фокус будет обращен не к возрастной хронологии, а к культурным героям (актерам) молодежных сцен, образам и метафорам, культурным кодам того времени, которые признаются и присваиваются молодежью следующих за «иксами» поколений.

Имя «поколение X» состоит из двух противоположных переменных, затрудняющих поиск адекватных отсылок. «Поколение» закрепляет в конкретном времени группу людей, родившихся в течение примерно двадцати лет. «X» подчеркивает неопределенность, отсутствие, пустоту. С ярлыком «X» зарождается традиция называть следующие за ним поколения буквами «Y» и «Z», не соотнося эти названия с содержательными характеристиками молодежных групп в меняющихся социальных контекстах.

О поколении X, выросшем в тени беби-бумеров и достигшем совершеннолетия до массового поколения миллениалов, как правило, забывают. Однако культурный след этого поколения заметен по ярким метафорам, в которых закрепились юношеское отчуждение, недовольство и цинизм той эпохи, что нашло отражение в общем рефрене того времени: «Whatever/Nevermind». В западном контексте «классический» портрет поколения конструируется через ряд повторяющихся образов-отсылок: самое малочисленное поколение, «средний ребенок». Это дети, которые росли в неполных семьях или семьях, где оба родителя напряженно работали, — «дети с ключом на шее». Они круглосуточно смотрели MTV, слушали гранж-группы, такие как Nirvana, носили фланелевые рубашки, занимались шопингом и играли в видеоигры, такие как «Тетрис» и «и «Донки Конг»⁴.

В российском академическом и популярном поле след поколения X не столь заметен, особенно в отношении его культурных героев. После перевода на русский язык знаменитой работы Дугласа Коупленда «Поколение X: Сказки для ускоренной культуры» [Коупленд, 2017] такое же «поименование» поколения стало популярным и в России⁵. В журнале «Общественное мнение»,

⁴ Whatever, Nevermind: Gen X years, stats, work, spending trends. Канал Youtube: The Future of Commerce. URL: https://www.youtube.com/watch?v=OM1_iDsNQWY (дата обращения: 13.05.24).

⁵ Книга Дугласа Коупленда была переведена на 22 языка и продана более чем в 30 странах. Это, по сути, мощная социологическая картина поколения X от первого лица. Эндрю, герой книги,

проводившем в середине 1990-х годов открытую либеральную культурную политику, публикуется серия статей, посвященных этому сюжету. Российские исследователи обращаются к теории поколений⁶, начинают циркулировать версии поколенческой хронологии с именами, полностью соответствующими принятой в США терминологии. Однако использование в качестве базы западной версии поколенческого отсчета вызывало и продолжает вызывать критику российских исследователей. Критические сопоставления характеристик и хронологического отсчета поколения X, отчасти и Y, с теми, которые приняты в западной литературе, появляются только к концу первого десятилетия XXI века. Это связывалось с особым историческим путем постсоветской России [Семенова, 2009; Омельченко, 2011]. Молодежь 1980–1990-х годов, пережившая двойной период распада общества, лишь частично могла сравниваться со своими западными сверстниками. Детство и юность ранних «иксов» пришлось на позднесоветский период, они успели побыть пионерами и комсомольцами, поступить в университет на самом пике социального коллапса, а получать высшее образование — уже в другой стране.

Предлагаемый здесь ретроспективный анализ особенностей культурных молодежных пространств и практик постсоветских/российских «иксов» опирается на исследования конца прошлого — начала XXI века, реализованные коллективами НИЦ «Регион» (УлГУ) и ЦМИ (НИУ ВШЭ). В этих проектах основное внимание уделялось меняющимся культурным формам молодежной социальности, новым измерениям и главным изменениям групповых молодежных идентичностей и практик того времени. В статье выбор оптики связан с пониманием групповых идентичностей молодежи поколения X как особых суб- и контркультурных сообществ, что объясняется исследовательским опытом автора, а также имеющимся исследовательским материалом. В каждом из выбранных периодов внимание будет обращено к тем, кому на момент цитируемых исследований было «двадцать с чем-то». Рожденные в период от 1960-х до конца 1990-х / начала XXI века выросли волнами, не равномерно и не синхронно. «Двадцать с чем-то» ранним «иксам» было в перестроечный период, зрелым «иксам» — в последнем десятилетии XX века, поздним «иксам» — в первом — начале второго десятилетия XXI века. Конструкция «поколения X» используется исключительно в качестве символической отсылки, образа, с учетом критики упрощенного взгляда на молодежь как некую определяемую общность в целом. Поколение X, как и другие, «не говорит единым голосом, состоит из множества личностей и иногда узнаваемых типов, по которым можно отнести людей к некоему, не всегда четко определяемому общему» [Henseler, 2013: 8].

объясняет, что в японских газетах поколение двадцатилетних, застрявших в бессмысленной и бесперспективной офисной работе, называли синдзинруи, или новыми людьми, такие же есть, по его словам, и в Соединенных Штатах, «но у них нет имени — это поколение X, намеренно скрывающее себя» [Henseler, 2013: 12].

⁶ Знаменитый проект эстонского социолога Микка Титмы «Пути поколения» («Включение молодежи в рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенцию» (1982–1996 гг.)) // ФОМ. URL.: <https://fom.ru/posts/10863> (дата обращения: 14.05.24); Стартует специальный проект «Новое поколение» Фонда «Общественное мнение» (под руководством Ларисы Паутовой). URL: <http://fomgeneration.wordpress.com> (дата обращения: 14.05.24).

Краткое обращение к теории

Выбор логики в этой части статьи определялся поиском теоретических отсылок к поколенческим конструктам, связанным с субкультурными и контр-культурными профилями молодежи.

Интерес ученых к поколенческой теории то возрождался, то утихал, будучи всякий раз связан с особыми историческими этапами. Один из ключевых вопросов академических дискуссий о роли поколений в историческом и социальном времени относится к обсуждению противоречия между преемственностью (наследованием) и развитием (изменениями). Зарождение этой дискуссии можно обнаружить еще в работе Аристотеля «О порождении животных». Описывая способы размножения (половое, бесполое, спонтанное), мыслитель рассуждает о передаче от родителей к детям социальной субстанции, похожей на ген характера, подчеркивая при этом, что только от самцов зависит передача отличающихся (специфических) характеристик [Lesko, Talburt, 2012: 121]. Идея определяющей роли мужчин в наследовании социальных и культурных идей своего времени оказалась живучей. Не только единицы или страты поколений (следуя идеям К. Мангейма), но и поколенческий разрыв (generational gap) будет мыслиться и описываться в патриархальном духе. Так, например, мужской профиль поколения найдет себе место в исследованиях 1960–1980-х годов, посвященных «молодежным субкультурам»⁷. Кроме того, до XX века поколенческая теория развивается преимущественно в рамках философской и исторической мысли с вниманием к значимости контекста социального времени [King, 1972], переживаемого разными поколениями внутри отдельного периода [Jaeger, 1985].

В дальнейшем модель поколения как суммы индивидов начинает критиковаться за пренебрежение к очевидным различиям жизненного опыта представителей разных социальных групп, дополняясь критикой со стороны гендерных исследований. Дискуссии выходят за рамки исторической и философской областей. Идеи Карла Мангейма о равной значимости классовой и поколенческой преемственности закрепляются в понятии «поколенческая страта» как связи исторических и социальных особенностей, как точки отсчета для людей, достигших совершеннолетия в определенном месте и времени. Особое значение для выбранного нами фокуса имеет понятие «поколенческая единица», введенное Мангеймом для описания подгрупп людей, которые разделяют поколенческий контекст, но по-разному его интерпретируют [Pilcher, 1994].

В отличие от немецкой и европейской традиции интерпретации ключевых событий (войн XX века), формирующих поколения, американские ученые фокусируются на других поколенческих приметах. Авторы книги «Одинокая толпа» [Reisman et al., 1950], исследуя представителей среднего класса

⁷ Ученые Бирмингемского центра современных культурных исследований (создан в 1964 г.) разработали теорию молодежных субкультур и культурных практик, безусловно, одну из самых значимых теорий XX века. Основным направлением ее критики по отношению к предшествующим теоретическим воззрениям стало переосмысление классовых оснований культурных групповых идентичностей молодежи и гендерной слепоты базовых концептов.

в американских пригородах, обращаются к ценностным изменениям, отраженным в менталитете различных групп и отдельных субкультур. Эти идеи стимулируют развитие «фабрики» массовых опросов по сбору статистических данных. Зарождается новая демография поколений, ориентированная на поиск различий возрастных групп в отношении к религии, в политических взглядах и семейных структурах. Активное использование подхода маркетологами для позиционирования товаров и предложений, ориентированных на поколенческие группы, фактически помогает создавать «поколения».

Возрождение социологического интереса к поколениям связано с контркультурным бумом в середине 1960-х годов. Накопленное в молодежной среде недовольство перерастает в прямые протесты против конкретной государственной политики и практики (против войны во Вьетнаме, призыва в армию, возрастных ограничений на употребление алкоголя, возраста согласия в сексуальных вопросах), формируются две молодежные протестные культуры [Feuer, 1969]. Контркультура «хиппи» сосредоточена на сексуальных и психоделических экспериментах, создании альтернативных семейных структур, вестернизации восточных духовных практик, включая буддизм, йогу и веганскую пищу. Другое крыло протеста — международная молодежная партия «йиппи» — сфокусировало свою активность на политических, а не культурных изменениях. Широкое тиражирование протестных настроений журналистами и поп-социологами конструировало эту картину противоречий ценностных миров как противостояние молодежи и «взрослых», что будет впоследствии описано как «разрыв между поколениями»⁸. Вместе с дискуссиями вокруг разрыва поколений не утихают споры вокруг понятия «поколение». Молодежь как отдельная категория социального конструирования закрепляется и начинает структурироваться по возрасту. Возраст становится стандартной переменной для сбора данных в демографических исследованиях, лингвисты и культурологи начинают изучать язык молодежной культуры, социологи — молодежные субкультуры и стили (особенно это закрепилось в работе Бирмингемского центра культурных исследований), маркетинговые исследования фокусируются на молодежных потребительских стилях и использовании «молодежности» как хорошо продаваемого знака продления молодости.

Джон Ульрих в работе, посвященной генеалогии лейбла «Поколение X», называет его «пробелом, который заполняется позже в ходе формирования личной и коллективной истории»⁹. Отсылая к К. Мангейму, он пишет, что внутри поколения может появляться любое количество «единиц поколения», соотносимых с новыми субкультурами конца XX века [Ulrich, Harris, 2003], подчеркивая разнообразие групповых идентичностей, располагающихся внутри того времени, включая панк- и постпанк-субкультуру, альтернативную

⁸ В 1969 году создается компания GAP, первый магазин Generation Gap открывается в Сан-Франциско рядом с университетом. Именно GAP превратил джинсы из рабочей одежды в модный атрибут. Другим фирменным товаром GAP стали белые хлопковые футболки. Компания стала продвигать свое имя, а вместе с ним — идею поколения и поколенческого разрыва.

⁹ Джон Ульрих, по мнению Кристин Хенселер, «проделяет фантастическую работу, отслеживая историю и особенности «пустоты», ассоциируемой с ярлыком Gen X» [Henseler, 2013: 27]

музыку, а также молодежный мейнстрим, популярную музыку, селебрити и реалити-шоу, героев Интернета¹⁰.

Кардинальные перемены в обществе, демонстрирующие очевидный перелом в поколенческом сознании, нашли отражение в дискуссии о «разрыве поколений» в российском академическом поле. Теодор Шанин, обращаясь к идее Д. Кертцера о связи понятия с бунтом университетской молодежи и другими событиями 1968 года, подчеркивает характер поколенческих конфликтов, соотносимых с изменениями общества в целом, с трансмиссией культурных ценностей и социальной мобильностью [Шанин, 2005: 28]. Поколенческие разрывы и кризисы, характерные для начала нового века, задают направление исследований. Так, Юрий Левада, один из авторов книги «Отцы и дети», подчеркивает, что плавный переход от одного поколения к другому возможен только в традиционных обществах или в рамках одной семьи. Борис Дубин считает поколение формой социальной связи или символической солидарности действующих индивидов, «нормативной рамкой воображаемого соотнесения с другими “по горизонтали”, такими же, как “ты”» [Дубин, 2005: 63–64]. Виктория Семенова, включаясь в дискуссии о поколенческих разрывах и конструировании понятия поколения, подчеркивает значимость методологических проблем, встающих перед исследователем при переходе к эмпирическому тестированию поколения. Развивая идеи К. Мангейма об условности границ поколений и важности различения типов, их представляющих (доминирующие, востребованные временем и подчиненные) Виктория Семенова выделяет тех, кто дает название поколению, тех, кто ориентируется на образцы, заданные первой группой, и тех, кто составляет общий контекст времени [Семенова, 2005: 80–81].

Интересный подход к концептуализации постсоветского поколения был реализован при анализе данных проекта, посвященного исследованию роста потребления наркотиков в молодежной среде [Пилкингтон, 2006], с акцентом на взаимодействие дискурсивных имен поколений и нарративов самой молодежи о себе и своей жизни¹¹.

В отличие от Запада, где считалось, что «пассивные» поколения регулярно сменяют «активные» [Edmunds, Turner 2002: 117], в России поколенческая картина к концу XX века выглядела иначе. Последнее советское поколение взрослело в период застоя, но после распада СССР оказалось парадоксальным образом как не готовым к исчезновению того, что ему знакомо, так и замечательно подготовленным к этому слову [Yurchak 2006: 1]. Вместе с тем в официальном дискурсе циркулировали совсем другие представления

¹⁰ Более поздние исследования молодежных культурных практик, как правило, избегают ссылок на ярлыки поколений. Изучение молодежи в мультикультурном масштабе определяет выбор парадигм, допускающих множественность и изменчивость. Начинают развиваться идеи неотрайбов, клубной культуры и культур стилей жизни как отражение прозрачности субкультурных границ и фрагментации устойчивых культурных идентичностей [Muggleton, Weinzierl, 2003].

¹¹ Исследование «Бытовое, но не „нормальное“» было проведено при финансовой поддержке ESRC в 2002–2003 годах. Это совместный проект Бирмингемского и Ульяновского университетов. Руководители Хилари Пилкингтон и Елена Омельченко. Проект проходил в трех российских областях (Самарская область, Краснодарский край, Республика Коми). Методология проекта — интервью, опрос, этнографическое наблюдение [Омельченко, 2005].

о той же молодежи 1980-х — начала 1990-х годов. Она описывалась как морально дезориентированная, экономически и социально маргинализованная и апатичная, как потерянное и невостребованное поколение [Саясова 1990]. Тот же риск деградации фиксировали и другие исследователи, говоря о молодежи как о неспособной к «интеграции» в новые условия жизни, поэтому обреченной на «неудачу и деградацию» [Williams, Chuprov, Zubok, 2003: 160].

Хилари Пилкингтон отходит от прямого обозначения поколения и переходит к анализу молодежного опыта того времени — к так называемой наркотизации молодежи как одному из определяющих опытов постсоветского поколения, что в известной степени можно соотнести с профилем поколения X в западном контексте. Автор пишет, что дискурсивно последнее советское и первое постсоветское поколение позиционируется как поколение «потребителей наркотиков», но на обыденном уровне употребление наркотиков у молодежи было рутинной, обычной практикой, взаимоотношение между поколенческим опытом и поколенческим сознанием выстраивалось проблематично: молодежь не принимала пассивно дискурс «наркотизированности», а активно перерабатывала его в зависимости от пола, региона, возраста и групповых норм, присущих сверстникам [Pilkington, 2013: 392].

Последующий обзор данных и их аналитических интерпретаций, относящихся к проектам, реализованным в конце XX — начале XXI века, дает возможность взглянуть с исторической и временной дистанции на российский вариант поколения X, обозначив ключевых героев молодежных культурных сцен в контексте меняющихся этапов исторического времени. Следуя выбранной терминологии, далее предложим (суб)культурные профили трех поколенческих страт российский «иксов»: ранние — молодежь 1990-х годов, средние — молодежь конца XX века и первого десятилетия XXI века, поздние «иксы» / ранние миллениалы — молодежь переходного времени от первого ко второму десятилетию XXI века.

Молодость ранних «иксов» в контексте (суб)культурного противостояния на молодежных сценах 1990-х годов

Российские «иксы», как и их западные сверстники, считаются детьми беби-бумеров, в отношении культурно-исторического наследия которых молодежь выстраивала свою поколенческую идентичность. Советские беби-бумеры, родившиеся в послевоенный период, были свидетелями так называемой хрущевской оттепели, короткой идеологической и культурной передышки после XX съезда КПСС и разоблачения культа личности И. Сталина, передышки, связанной с надеждой на возможность демократических и либеральных преобразований. Первые советские «стиляги» — российская версия английских «Тедди бойз» — появились одновременно с широкой популярностью западной молодежной музыки и открытием первых танцполов и молоде. Передышка была недолгой. К середине 1960-х годов стиляги и популярная западная музыка были признаны «врагами» правильной советской

молодежи и комсомола. След от потерпевшей поражение оттепели остался яркий, термин «шестидесятники» прочно вошел в исторические, научные и популярные словари вместе с идеями свободы, справедливости и прав человека [Воронков, 2005].

В этой социально-исторической перспективе дети беби-бумеров (и шестидесятников как отдельного поколенческого слоя) могут быть названы ранними, первыми «иксами». Период ранней социализации этих юношей и девушек проходит в контексте глобального переустройства общества: крах СССР и Восточного блока, видимая демократизация и либерализация общественных отношений, снятие цензуры, информационная атака на советское прошлое, роспуск прокоммунистических молодежных организаций (пионерских и комсомольских), кризис институтов среднего и высшего профессионального образования.

Молодежь этого времени оказывается предоставленной самой себе. Вплоть до середины 1990-х годов не было как таковой молодежной политики или государственных программ, ориентированных на молодежь. Стремительное развитие рыночных отношений приводит к резким катастрофическим изменениям молодежной жизни — коммерциализации образования, росту молодежной безработицы и преступности, детской и подростковой бездомности. Яркой приметой времени становится широкое распространение в спальных районах российских городов (преимущественно Поволжья) молодежных группировок, участники которых явочным порядком начинают заявлять свои права на город, формируя и физически продвигая нормы «правильной» («пацанской») жизни [Стивенсон, 2017; Омельченко, 2011].

«Ранние иксы» в контексте глобальной повестки

В 1990-х годах проводился исследовательский проект, посвященный образу Запада среди российской молодежи, эмпирические и аналитические результаты которого важны для понимания специфики российских «двадцатилетних с чем-то» в контексте глобальной молодежной повестки [Pilkington et al., 2002]. Методология проекта включала в себя проведение глубинных интервью и этнографического наблюдения культурной молодежной жизни от периферии до столицы (Ульяновск, Самара, Москва), что позволило получить достаточно целостную картину «расположения» ключевых молодежных групп относительно их интерпретации и отношения к Западу.

Значимо различались сами контуры Запада — культурные, географические, бытовые. Географически он мог размещаться в представлениях молодежи не только в Северной Америке или Старой Европе, но и в Японии. Запад был далеко, а культурная жизнь и повседневные практики советской молодежи значимо отличались от того, что было характерно для ее западных, в частности американских и британских, сверстников. Существенные различия шли по демаркационной линии: те, кто был более информирован (учился за рубежом или путешествовал), и те, у кого представления формировались

частично по доступным культурным продуктам (кино, музыка), частично вслед за мнением своей группы, по слухам и сплетням. При этом представления о Западе у всех были достаточно размыты, но у первых они были максимально критичны, у вторых — менее критичны. Групповые идентичности всех трех городов формировались вокруг явного или неявного спора между «продвинутой» молодежью («неформалами», «субкультурщиками») и «нормальной», обычной, крайнее крыло которой было представлено «гопниками» (включая группировщиков)¹². Эта исследовательская находка демонстрировала значимую примету того времени — противостояние на молодежных культурных сценах двух молодежных «сил». Между ними шла борьба за улицы и новые молодежные пространства (бары, танцполы/дискотеки, клубы), борьба, которая часто принимала форму открытого противостояния, а точкой отсчета в структуре групповых ценностей выступал образ Запада. «Продвинутые» были открыты новым знаниям, включая западную культуру, хотя более критичны к отдельным сторонам западной жизни (особенно образованию). «Нормальные» были ориентированы на воспроизводство локальных традиций (своей компании, соседства, района, города) и защиту патриархальных ценностей. Фоном культурного противостояния был рост «спонтанного» патриотизма, соединяющего ностальгию и обиду за «доставшуюся» им с рождения страну — где «все не так». В качестве замещения формировался образ «душевной России» — с высоким уровнем культуры, лучшим в мире образованием, открытыми, «человеческими отношениями» в дружеских, приятельских компаниях¹³. Социально-классовая структура этих сообществ была неоднородной. «Продвинутых» в своем большинстве можно условно отнести к нарождавшемуся городскому среднему классу, тогда как среди «нормальной» молодежи, особенно «гопников», было много юношей и девушек с городских окраин или выходцев из семей с низким культурным капиталом, что отчасти и определяло затрудненный доступ к образовательным и культурным ресурсам. Эта борьба привела отчасти к сворачиванию субкультурной активности и «победе» гопников, которые постепенно вытеснили «неформалов» с культурных молодежных сцен.

Средние «иксы», или Поколение R в контексте субкультурного бума и глобального кризиса

Противостояние «продвинутых» субкультурных групп и «нормальной» молодежи находит продолжение в развернувшейся символической борьбе уже внутри молодежных сил. Так, внутри субкультур начинают выделяться фрагменты групповых идентичностей, в которых фиксируется прозрачность границ

¹² Эти понятия были результатом анализа самоидентификаций информантов, участвовавших в исследовании.

¹³ В последующих проектах, посвященных патриотизму, мы обнаружили, что «любовь» к России в начале XXI века к концу первого десятилетия переросла в чувство «гордости» за Россию, связанное со специфическим набором имперских амбиций и достаточно высоким уровнем бытовой ксенофобии [Омельченко, Пилкингтон, 2012].

и популярность «миксовых» идентичностей, клубных культур, не требующих верности и демонстрации «пожизненной» принадлежности определенной субкультуре. В этом находит отражение, с одной стороны, завершающийся субкультурный бум, с другой — наступление постсубкультурной эры, о чем говорилось в ключевых работах западных исследователей того времени [Омельченко, 2006].

Кризис 2008 года стал новым вызовом для молодежи того времени — волна увольнений среди хорошо оплачиваемых групп молодых специалистов, особенно в сфере рекламы, журналистики и IT, снижение средней заработной платы в сфере обслуживания, потеря коммуникативных связей. В ходе интервью с молодежью мы, вслед за западными коллегами, начали использовать новое имя — «поколение (ранние миллениалы, поздние «иксы»)» — поколение рецессии, спада как новое глобальное поколение XXI века. Кризис объединил молодых людей разных стран, предоставив им схожий жизненный опыт, но с различающимися реакциями в каждой стране. В России это усиление коррупции, затруднение доступа к высшему образованию, рост безработицы среди молодежи, хотя и несравнимо меньший, чем в Европе¹⁴. Обсуждаемые в информационном пространстве поколенческие черты обнаруживают некое сходство с портретом западного варианта «иксов»: «пофигизм», а не карьеризм, отказ от следования массовым культурным продуктам и участия в официальной политике, популярность практик дауншифтинга и социальный скептицизм [Омельченко, 2011].

Молодежь того времени порождала у «взрослого» общества страхи и провоцировала моральные паники. В конкурировавших друг с другом дискурсах, отражавших структуру тогдашней власти, был дан старт активному формированию новой молодежной политики (государство берется за молодежь). Дискурс «молодежь как угроза» не только в российском, но и западном академическом поле начала связываться с утратой молодыми экономических средств и шансов на доступ к ключевым ресурсам (рынок труда, образование), что приводило к духовной опустошенности, социальному цинизму, потребительской зависимости и коммерциализации интимной близости, повышению вероятности особых форм насилия (протеста) вместе с отказом от прямого политического участия (отказ от лояльности государству). Эксперты, принявшие участие в интервью, подчеркивали катастрофическое влияние кризиса на будущее, последствия которого будут видимы на протяжении многих лет. В нарративах молодежи, принявшей участие в исследовании, отчетливо проявились антикапиталистические настроения. Антикапиталистический настрой был ответом на социальную несправедливость, отказ от доверия политическим и культурным институтам мог проявляться в росте популярности идей анархизма, левых постпанковских настроений, развитии аутентичного, не массового производства.

Быстрое развитие и совершенствование информационных технологий и каналов коммуникации сопровождается появлением в академическом и медиапространстве новых ярлыков, которые частично осваиваются и самой

¹⁴ Западная статистика фиксирует рост безработицы среди молодежи по всей Европе в среднем на 25% за 2008–2010 годы. В России последствия кризиса 2008 года не столь очевидны, как в 1998 году. Так, уже к марту 2009 года индекс общего состояния общества начал расти.

молодежью: поколение «Текст», «MTV», «Экран», «ИТ», «iPod». Вовлеченность молодых россиян в информационное пространство и интернет-сети достигает 85%, а в крупных городах и столицах — почти 100%, что делает их все более похожими на западных сверстников. Рынок мобильной связи становится одним из самых динамично развивающихся и прибыльных направлений в России. Героями социальных и культурных сетей признаны сообщества «ВКонтакте», повлиявшие на формирование новых типов коммуникации и потребительских практик, занятости и занятий. Анонимность участия в сетевых сообществах сменяется самопрезентациями, фото- и видеосессиями, авторскими дневниками и блогами. Онлайн-пространство превращается в место проявления искренности, доверия и поддержки, гражданского участия, протестов и альтернативных рейтингов. Блогосфера и Twitter начинают опережать официальные СМИ не только по скорости реакции, но по качеству и достоверности информации. Включенность в Интернет способствует формированию горизонтальных сообществ, растет значимость эксклюзивных и уникальных вещей, распространяются практики «отдам даром» и обмена, покупки в секонд-хендах. Начинается эра просьюмеризма и DIY-практик, в чем находит выражение потребительски ориентированный антикапитализм.

Поздние «иксы» в рамках новых интерпретаций социальности: от субкультур — к солидарностям

Для ранних и средних «иксов» более значимым был поиск групповой, субкультурной идентичности, стилистические особенности и культурные симпатии (музыка, кино, литература) в контексте разделения на «продвинутых» и «нормальных». Исследования конца первого — начала второго десятилетия XXI века фиксируют появление новых форм молодежной социальности (временной/событийной, виртуальной). Их отличают новые интерпретации коллективизма и базовых ценностей, цементирующих принадлежность к группе: понимание доверия, социальной справедливости, безопасности и риска, отношение к группам «исключенных» и меньшинствам и вовлеченность в неформальную (гражданскую) активность. В этот период в серии проектов, обращенных к пониманию природы новых групповых социальных связей, внимание исследователей фокусируется на потребительских и культурных предпочтениях, телесном перформансе, межгрупповом взаимодействии в контексте городской жизни¹⁵. Разрабатываемая концепция солидарности помогла проанализировать новые способы непрямого взаимодействия между молодежными группами, принадлежность к которым определялась по разделяемым ценностям в кругу «своих» и оппозиции ценностям в сообществах «чужих».

¹⁵ В 2011 году исследователи Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ продолжают изучать городское пространство в контексте формирования новых молодежных солидарностей. Проект «Молодежная солидарность в локальном и глобальном контекстах: экономика, политика, культура» (в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ).

Концептуальный переход от изучения субкультурных и стилевых групп и их отличий от молодежного большинства к исследованию солидарностей был связан с приметами нового времени. Этот период отмечен формированием буферных культур, в которых сочетались стилистические заимствования как от субкультурных субстанций «продвинутых», так и от ценностей мейнстрима «нормальных»: рейв-культура, эмо, аниме-сообщества, новый городской молодежный поколенческий слой — хипстеры. В отличие от замкнутых субкультурных сообществ, буферные культуры отличались массовостью, чему способствовало коммерческое продвижение брендов. Субкультурные границы стали прозрачными, групповые идентичности — подвижными и могли меняться в ходе субкультурной карьеры индивидов [Omelchenko, Pilkington, 2013; Омельченко, 2014]. Солидарности, как опосредованные мостики коммуникации культурного меньшинства и большинства, «культурные беседы» разных молодежных групп, отражали симпатии и враждебность внутри молодежного пространства. Анализ интенсивности и напряженности принятия и неприятия «других» позволил сделать выводы о ключевых ценностях, вокруг которых разгорались символические битвы. В центре ценностных споров того времени оказались гендерные режимы, права меньшинств, отношение к ксенофобии и мигрантофобии, понимание патриотизма и локальной принадлежности. Если до первого десятилетия XXI века важной была защита субкультурной идентичности и символическая битва за «правильных/настоящих» и «неправильных/ненастоящих» последователей, включая борьбу за ресурсы (суб)культурного капитала, то ко второму десятилетию начинается не менее серьезная битва за подлинность и адекватность в принятии ключевых ценностей: культурные роли утрачиваются или присваиваются через сотрудничество или противостояние с другими, альтернативными группами.

Приметами времени становятся спортизация и эстетизация городских пространств и молодежных практик вместе с ростом популярности здорового образа жизни. Модными оказываются паркур, воркаут, бойцовские клубы, «ночные и дневные дежурства», стритрейсеры, скейтеры, развитие получают игровые формы общения. Для включения в эти сообщества важно соответствовать внутригрупповым контекстуальным значениям «настоящего», «быть в теме», делиться знаниями, разоблачать и преодолевать фальшивки и имитации. Появляются эстетизированные ниши внутри субкультурных фракций, которые могли быть характерны для разных форм группового общения: как для компании молодых интеллектуалов, так и у футбольных болельщиков, празднующих победу своей команды [Omelchenko, 2013: 261–263].

Заключение. Удалось ли найти поколение X?

Проведенный анализ молодежи поколения X (ранних, средних и поздних «иксов») с точки зрения их культурных практик и сообществ демонстрирует разнообразие, а также противоречия приписываемых им маркеров. По результатам исследований фиксировалась значимость борьбы за субкультурную принадлежность одновременно с отказом от субкультурных имен

и включением в мейнстримный молодежный поток; поддержка «обиженного», в меру прагматичного патриотизма, граничащего с гражданской апатией, и при этом «гордость» за принадлежность к России и лояльность к власти.

Символические и реальные битвы между «продвинутыми» и «нормальными» — одна из ключевых характеристик российских «иксов». Это противостояние в определенной степени сохраняется на молодежных культурных сценах до сих пор, разворачиваясь уже внутри множества групповых фрагментов. Имена и телесный перформанс, по которым юноши и девушки узнают «своих», принадлежащих к сообществу, могут меняться, важными и более устойчивыми остаются базовые ценности, вокруг которых цементируется групповая идентичность. В той или иной степени это борьба «советского» прошлого (замкнутого на локальность и патриархальность) и «нового», отчасти прозападного настоящего/будущего (открытого глобальному миру и чувствительного к глобальным трендам).

Сравнение подходов и эмпирических наблюдений исследователей из разных стран показывает, что эксперты сходятся только в том, что поколение X — первое глобальное поколение. Вместе с тем именно это поколение отмечено реальными событиями, которые произошли сугубо в пределах национальных границ, что определило вполне конкретные особенности и различия. Дух поколения X, по мнению Кристины Хенселер, «можно обнаружить между реальными, четко очерченными пространствами и более подвижными глобальными течениями» [Henseler, 2013: 44].

В мировом измерении молодежь, достигшая совершеннолетия к 1990-м годам и около, изменяется под влиянием событий глобальных масштабов: падения Берлинской стены в ноябре 1989 года, распада коммунистического блока, неолиберальной экономической политики, ускоренного развития новых медиатехнологий. Молодые люди поколения «перехода» стали свидетелями символических и реальных преобразований. Политические перемены и напряженность, с которыми они столкнулись, приводили к крушению их надежд на лучшее будущее и разочарованиям, связанными с потерей идеалов, возможностей, образования, занятости, доходов и даже жизни.

Краткий обзор результатов исследовательских проектов конца XX — начала XXI века позволяет ретроспективно различить ряд значимых черт постсоветского поколения, условно отнесенного к «поколению X». Ранние «иксы», молодые люди 1990-х годов, получив образование и повзрослев в советские времена, столкнулись с кардинальными переменами, включая распад Советского Союза, переход к рыночной экономике, изменения ценностного поля. С помощью компьютерных, мобильных и интернет-технологий они научились открываться глобальному миру. Российское общество стремительно дифференцировалось, советские коллективистские и патерналистские ценности и ожидания сосуществовали параллельно с новыми принципами индивидуализма, свободы самовыражения и рыночными отношениями. Для части молодых людей новые времена означали открытие новых путей и возможностей для путешествий, обучения за рубежом, развития карьеры;

для других — резкое снижение уровня жизни. В символической и реальной борьбе «продвинутых» и «нормальных» на культурных молодежных сценах самоопределение в отношении Запада и его ценностей оказалось самым важным для постепенного включения российской молодежи в глобальные культурные потоки. Средние и поздние «иксы» — ранние миллениалы знают о Советском Союзе и жизни в нем преимущественно по музеям, кино и книгам, молодежи поколения Z приходится подробно объяснять, что такое комсомол. Эти поколения столь же гетерогенны, как предыдущие, разные поколенческие слои и единицы демонстрируют сосуществование разных тенденций и новых групповых культурных идентичностей благодаря большей вовлеченности в глобальные молодежные культурные рынки. Выросшие во времена социального расслоения и ценностной дезориентации, они продолжают дистанцироваться от государства и формальной политики, параллельно приобретая базовые навыки гражданского участия. Геополитические изменения последних двух лет, расширение зон международных конфликтов и противоречий делают поколенческий опыт всех трех фракций внутри поколения контекстуально схожим. Сегодня «иксам», молодость и взросление которых пришлось на разные периоды кардинальных постсоветских трансформаций, может быть и 35, и 45, и 55 лет. Очевидно, что их жизненные траектории сложились по-разному, культурный багаж их молодости стал частью их идентичности. Оставим анализ этого фокуса для будущих исследований.

Ретроспективный анализ демонстрирует схожесть поколенческого опыта всех трех страт российского поколения X — ранних, средних и поздних «иксов», что объясняется чередой кардинальных социально-культурных перемен и следующих друг за другом кризисов, менявших общий экономический и политический контекст, в котором проходило взросление юношей и девушек. При этом значимые различия профилей взросления ранних, средних и поздних «иксов», показанные при анализе их культурных диспозиций в рамках молодежных сцен тех лет, затрудняют более широкие обобщения и определения некоего целостного и завершенного портрета поколения X.

Поколение X — не только самое забытое, но и самое подвижное. Как время, приписываемое молодости этих людей, так и люди, относимые к этому поколению, то запаздывают — оказываясь, вместе с бумерами, в 1960-х годах, то забегают вперед, переходя границу «игреков», отвоевывая время и культурное пространство. Обращение к опыту «иксов» позволяет увидеть гетерогенность молодежного пространства того времени, обнаружить в культурном опыте приметы, приписываемые сегодня «игрекам» и «зетам», в очередной раз критически осмыслить границы поколений и метафоричность поколенческих образов. Выбранный фокус вместе с учетом временной дистанции, помог найти следы поколения X в контексте масштабных социальных трансформаций и вернуть молодежи того времени присутствие и субъектность в сегодняшнем настоящем.

Благодарности

Искренне благодарю коллег и друзей НИЦ «Регион» УлГУ и ЦМИ (НИУ ВШЭ) за профессиональную поддержку и человеческое участие в проведении проектов, поддержании солидарного духа в коллективном развитии тем в направлении исследований молодежной субъектности.

Литература/References

Воронков В. М. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 168–201.

Voronkov V. M. (2005) Proekt "shestidesyatnikov": dvizhenie protesta v SSSR [The "Sixties" Project: the Protest Movement in the USSR]. In: Yu. Levada, T. Shanin (eds.) *Otcy i deti: Pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii* [Fathers and Children: A Generational Analysis of Contemporary Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 168–201. (In Russ.)

Дубин Б. В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 61–80.

Dubin B. V. (2005) Pokolenie: smysl i granicy ponyatiya [Generation: the Meaning and Boundaries of the Concept]. In: Yu. Levada, T. Shanin (eds.) *Otcy i deti: pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii* [Fathers and Children: A Generational Analysis of Contemporary Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 61–80. (In Russ.)

Коупленд Д. Поколение X: Сказки для ускоренного времени / Пер. с англ В. Ярцева. М.: AST Publisgers, 2017.

Coupland D. (2017) *Pokolenie X: Skazki dlya uskorenennogo vremeni* [Generation X: Tales for an Accelerated Culture]. Transl. from Eng. by V. Yarcev. Moscow: AST Publisgers. (In Russ.)

Левада Ю. А. Поколение XX века: возможности исследования // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 39–61. EDN: [HTMNIP](#)

Levada Yu. A. (2005) Pokolenie XX veka: vozmozhnosti issledovaniya [The Generation of the Twentieth Century: Research Opportunities]. In: Yu. Levada, T. Shanin (eds.) *Otcy i deti: pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii* [Fathers and Children: A Generational Analysis of Contemporary Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 39–61. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. От субкультур — к солидарностям и назад к субкультурам? Споры о терминах и этнография молодежной социальности // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 3–8. DOI: <https://doi.org/10.31857/S50000392-4-1> EDN: [RXTBZJ](#)

Omelchenko E. L. (2014) From Subcultures to Solidarities and Back to Subcultures? Debates on Terms and the Ethnography of Youth Sociality. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 1. P. 3–8. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S50000392-4-1>

Омельченко Е. Л. От сытых нулевых-к молчаливым десятым: поколенческие уроки российской молодежи начала XXI в // Социологический ежегодник. 2011. Т. 2011. С. 243–263. EDN: [PBHQJV](#)

Omelchenko E. L. (2011) From the Fat 2000s to the Silent 2010s: Generational Lessons of the Russian Youth of the Beginning of the 21st Century. *Sociologicheskij ezhegodnik* [Sociological Yearbook]. Vol. 2011. P. 243–263. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 2. С. 151–183.

Omelchenko E.L. (2006) The Beginning of Youth Era or the Dearth of Youth Culture? Youth in the Public Space of Modernity. *Zhurnal issledovaniy socialnoj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 4. No. 2. P. 151–183. (In Russ.)

Пилкингтон Х. Чем больше это обсуждается, тем больше к этому влечет: размышления о дискурсивном порождении поколенческого опыта // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 379–407. EDN: [KCKFRZ](#)

Pilkington H. (2006) "The More They Talk about It, the More You Feel Like Doing It". Reflections on the Discursive Production of Generational Experiences. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture]. No. 5. P. 379–407.

Саясова И. К. Невостребованное поколение // Криминологи о неформальных молодежных объединениях / Под ред. И. И. Карпец. М.: Юрид. лит., 1990. С. 56–62.

Sayasova I.K. (1990) Nevostrebovannoe pokolenie [Unclaimed Generation]. In: I.I. Karpec (ed.) *Kriminologi o neformal'nyh molodezhnyh obedingeniyah* [Criminologists About Informal Youth Associations]. Moscow: Yurid. lit. P. 56–62.

Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009. EDN: [QOKHWP](#)

Semenova V.V. (2009) *Socialnaya dinamika pokolenij: problema i realnost*. [Social Dynamics of Generations: Problem and Reality]. Moscow: ROSSPEN.

Семенова В. В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 80–107. EDN: [SNPZMV](#)

Semenova V.V. (2005) Sovremennye koncepcii i empiricheskie podhody k ponyatiyu "pokolenie" v sociologii [Modern Concepts and Empirical Approaches to the Concept of "Generation" in Sociology]. In: Yu. Levada, T. Shanin (eds.) *Otcy i deti: pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii* [Fathers and Children: A Generational Analysis of Contemporary Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 80–107.

Стивенсон С. Жизнь по понятиям. Уличные группировки в России / Пер. с англ. Ю. Казанцевой. М.: Страна Оз, 2017.

Stephenson S. (2017) *Zhizn po ponyatiyam. Ulichnye gruppirovki v Rossii* [Gangs of Russia: From the Streets to the Corridors of Power]. Transl. from Eng. by Yu. Kazanceva. Moscow: Strana Oz.

С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма / Под. ред. Е.Л. Омелченко, Х. Пилкингтон. У.: Ульяновский государственный университет, 2012.

Omelchenko E.L., Pilkington H. (eds.) (2012) *S chego nachinaetsya Rodina: molodezh v labirintah patriotizma* [Where the Motherland Begins: Young People in the Labyrinths of Patriotism]. Ulyanovsk: Ulyanovskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.).

Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Южно-российский журнал социальных наук. 2005. № 3. С. 6–25. EDN: [OLBGBQ](#)

Shanin T. (2005) History of Generations and Generation History in Russia. *Yuzhno-rossijskij zhurnal socialnyh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences]. No. 3. P. 6–25. (In Russ.)

Edmunds J., Turner B.S. (2002) *Generations, Culture and Society*. Buckingham: Open University Press.

Feuer L.S. (1969) *Conflict of Generations: The Character and Significance of Student Movements*. New York: Basic Books.

Henseler C. (ed.). (2013) *Generation X Goes Global: Mapping a Youth Culture in Motion*. New York: Routledge.

Jaeger H. (1985) Generations in History: Reflections on a Controversial Concept. *History and Theory*. Vol. 24. No. 3. P. 273–292. DOI: <https://doi.org/10.2307/2505170>

King J.K. (1972) The Generation Theory in German Literary Criticism. *German Life and Letters*. Vol. 25. No. 4. P. 334–343. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0483.1972.tb00792.x>

Lesko N., Talburt S. (ed.) (2012) *Keywords in Youth Studies: Tracing Affects, Movements, Knowledges*. New York: Routledge.

Omelchenko E. L., Pilkington H. (2013) Regrounding Youth Cultural Theory (in Post-Socialist Youth Cultural Practice). *Sociology Compass*. Vol. 7. No. 3. P. 208–224. DOI: <https://doi.org/10.1111/soc4.12023>

Omelchenko E. (2013) Russian Youth from the 1990s Until 2010: Generational Changes. In: C. Hensler (ed.) *Generation X Goes Global*. New York: Routledge. P. 248–267. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203100219>

Pilcher J. (1994) Mannheim's Sociology of Generations: an Undervalued Legacy. *British Journal of Sociology*. Vol. 45. No. 3. P. 481–495. DOI: <https://doi.org/10.2307/591659>

Pilkington H. (2013) *Russia's Youth and Its Culture: a Nation's Constructors and Constructed*. London; New York: Routledge.

Pilkington H., Omelchenko E., Flynn M., Bliudina U., Starkova E. (2002) *Looking West: Cultural Globalization and Russian Youth Cultures*. University Park: Pennsylvania State University Press.

Roberts K. (2012) The End of the Long Baby-Boomer Generation. *Journal of Youth Studies*. Vol. 15. No. 4. P. 479–497. DOI: <https://doi.org/10.1080/13676261.2012.663900>

Ulrich J. M., Harris A. L. (ed.). (2003) *GenXegesis: Essays on Alternative Youth (Sub)Culture*. Madison: Popular Press, 2003.

Williams C., Chuprova V., Zubok J. (2003) *Youth, Risk and Russian Modernity*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315198552>

Yurchak A. (2006) *Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation*. Princeton: Princeton University Press.

Сведения об авторе:

Омельченко Елена Леонидовна — доктор социологических наук, директор Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** eomelchenko@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 74361; **ORCID:** 0000-0002-5951-3682; **ResearcherID:** K-5885-2015.

Статья поступила в редакцию: 12.04.2024

Принята к публикации: 05.06.2024

BAK: 5.4.4

Forgotten Generation X. A Retrospective Look from the Future¹⁶

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.1

Elena L. Omelchenko HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: eomelchenko@hse.ru

The conversation about generations reduces to people whose youth coincides with the contemporary times, with a growing interest to the problems and demands of those young people who demonstrate visible differences from the previous ones and cause anxiety or hope in adults.

¹⁶ This article is an output of a research projects implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Generation X is from the past, the youth of Russian Xs is from the late 20th, early 21st century, if we focus on the accepted generational chronology. The relevance of talking about Generation X can be associated with the gaining popularity of the discussion about the 90s, about heroes and anti-heroes of the time of changes, hopes and disappointments. For the last 10–15 years, the main characters of the generational drama have been millennials and zoomers, while media attention is turning to the alpha generation, following the marketing experts. Generation X, people who belong to this group by birth, are lost between boomers and millennial and are almost forgotten. Turning to the research and projects of that time will allow us to focus on the characteristics of the “twenty-something” youth. A look back in time from a distance of 30–40 years will help to see what may have fallen out of sight and to find traces of the cultural activity of those youth in the present. The article will focus on the peculiarities of X gen youth times, on the symbolic and real battles on the cultural youth scenes, on the acceptance and resistance to the discursive construction of youth identity in the political, media and academic fields. The article will use references to the research projects conducted in those years, as well as to the publications on their results.

Keywords: Russian youth; Generation X; cultural youth scenes and solidarities

Author Bio:

Elena L. Omelchenko — Doctor of Sociology, Director, Centre for Youth Studies, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** eomelchenko@hse.ru. **RSCI Author ID:** [74361](#); **ORCID:** [0000-0002-5951-3682](#); **ResearcherID:** [K-5885-2015](#).

Received: 12.04.2024

Accepted: 05.06.2024

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.2
EDN: FJOYWW

Метафорические основания поколенческого воображаемого городской российской молодежи¹

Ссылка для цитирования:

Нартова Н. Метафорические основания поколенческого воображаемого городской российской молодежи // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 2. С. 29–49. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.2> EDN: FJOYWW

For citation:

Nartova N. (2024) Metaphorical Foundations of the Generational Imaginary of Urban Russian Youth. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 2. P. 29–49. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.2>

Нартова Надежда

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: nnartova@hse.ru

Концепт поколения не теряет своей актуальности на протяжении многих десятилетий, более того — в условиях размывания традиционных социальных стратификаций приобретает особую значимость при обсуждении проблематики социальной идентичности. Поколенческая оптика активно используется не только в академическом, но и в политическом, медийном, маркетинговом дискурсах. Приписываемое в публичной дискуссии название когорты становится ее именем, порой стигмой или брендом, но при этом не всегда рекрутируется и используется самими индивидами для описания своего поколения. Применяемые в поколенческих именах метафоры структурируют понимание поколения, его особенностей и места в социально-историческом процессе. Особый интерес представляет молодежь, которая активно выстраивает картину мира и определяет собственное поколение. В фокусе статьи метафорические основания поколенческого воображаемого современной российской молодежи. На основании материалов

¹ В статье использованы материалы исследований, осуществлённых в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

61 качественного интервью с городской образованной молодежью среднего класса в Санкт-Петербурге были выделены четыре ключевые метафорические концепции поколения, одна из которых общая для всей исследованной молодежи, три — когортно специфичные. Общая включает в себя метафору «технологические изменения». Когортно специфичные, отражающие и разницу жизненных этапов, и поколенческие особенности, представлены метафорой «обманутые надежды» среди 30-летних, метафорой «дети 90-х» среди 25-летних и метафорой «движение вперед» среди 20-летних.

Ключевые слова: молодежь; поколение; метафора; поколенческое воображаемое; качественные методы

Введение

Полагаю, не будет преувеличением сказать, что проблема поколений является частью культурного и интеллектуального беспокойства уже не одно столетие. Так, одно из классических произведений русской литературы — роман Ивана Тургенева «Отцы и дети» — было опубликовано в 1862 году и описывает различия между старым и новым поколениями дворянства накануне реформ по отмене крепостного права, значимых для России. И хотя, вероятно, не многие россияне возвращаются к тексту после прохождения школьной программы, название романа стало нарицательным для описания сдвигов в социокультурном пространстве — различий в ценностях, нормах и образе жизни между старшими и младшими поколениями.

Концепт поколения основательно вошел в нашу жизнь, он не только не устаревает, но и становится все более актуальным, поскольку «старые» коллективные идентичности, такие как класс или социальное происхождение, размываются, и поколение становится новым классификационным маркером [Corsten, 1999: 249–250]. Например, Виктория Семенова, исследуя российские поколения в пореформенный период, указывала, что во время кризиса всех советских идентичностей «солидарность с людьми своего поколения» оставалась единственной значимой солидарностью с большими социальными группами [Семенова, 2002: 184–185]. Поколенческая рамка особенно важна для исследований молодежи, поскольку позволяет рассматривать происходящие с ней процессы в более широкой временной, исторической и социально-культурной перспективе, чем дает возможность исследователям быть более чувствительными и аналитически точными [Woodman, Leccardi, 2015].

Концепт «поколение» активно используется не только в академических, но и в политических, медийных, маркетинговых дебатах. Приписываемое когорте в публичной дискуссии название становится ее именем, порой стигмой или брендом. «Миллениалы» стали символом современного городского образа жизни, ассоциируемого с использованием сервисов доставки и кофе

на вынос, а слово «бумер» превратилось в ироничное имя старшего поколения, характеризуемого «устаревшими представлениями» и общей «отсталостью».

Однако публичные, присвоенные институциями имена не всегда воспринимаются и используются самими индивидами для описания своего поколения. Российские исследования [Семенова, 2002; Максимова, 2014] показывают, что аналитически сконструированные названия поколений отличаются от тех, которые сами люди используют в своих самопрезентациях. Поколенческие дискурсивные конструкции, подчеркивают Вирпи Тимонен и Катрина Конлон, формируются в повседневности на основе интерпретации индивидами современности, а также сходств и различий между когортами [Timonen, Conlon, 2015: 2].

При этом человеческое мышление метафорично, то есть «концептуальная система человека структурирована и определена с помощью метафоры» [Лакофф, Джонсон, 2023: 25], когда постижение одной вещи происходит в терминах другой [Лакофф, Джонсон, 2023: 60]. Такой перенос касается и такого абстрактного культурного понятия, как поколение. Метафоры творят реальность, а не просто обеспечивают возможность концептуализации существующей реальности [Лакофф, Джонсон, 2023: 172]. Таким образом, в зависимости от метафорического наполнения поколение будет перформативно конституировать себя, тем самым определяя и свой образ действия.

В таком контексте особенно интересна молодежь. Будучи всегда под пристальным вниманием других — от исследователей до маркетологов, которые ее определяют, классифицируют, категоризируют и каким-то образом номинируют, — сама молодежь субъектна и активна в выстраивании собственной картины мира [Omelchenko, 2021]. Поэтому встает вопрос, какими именами она маркирует себя и своих ровесников. Иными словами, в фокусе статьи метафорические основания поколенческого воображаемого современной российской молодежи. Изучение собственных «поименований» позволит не только разбить гомогенизирующую внешнюю номинацию поколений, но и даст возможность понять, через какие метафоры молодежь структурирует свой опыт.

Опираясь на качественные интервью с молодыми образованными петербуржцами в возрасте 18–35 лет, собранные в 2023 году, в статье я рассматриваю категории, в которых молодежь определяет себя как поколение, контексты этих категорий и, соответственно, способы структурирования социально-исторического процесса и определения своей позиции в нем.

Теоретические основания исследования

Ключевую рамку понимания поколения задал Карл Мангейм, определив поколение через общность совместно проживаемого когортой исторического опыта и, как следствие, выработанных перспектив мышления и действия. Для Мангейма важно, что «поколение как реальность» зарождается, когда расположенные на одной ступени жизни современники разделяют не только

общую судьбу, но и связанные с ней идеи и концепты [Мангейм, 2000: 38]. При этом Мангейм подчеркивает, что поколение или его единицы формируются не «только свободным участием множества индивидов в одних и тех же, хотя бы и по-разному интерпретируемых, событиях, но, кроме того, тождественными реакциями, определенным родовым сходством в поведении и формировании общих навыков» [Мангейм, 2000: 38]. Таким образом, Мангейм подчеркивал, что поколение появляется не через одновременность проживания когортой определенного исторического периода, а посредством формирования общих разделяемых форм проживания и интерпретации: «подразумевается способность смотреть на вещи под тем же углом зрения, наделять понятия особенными для этой группы смысловыми нюансами, испытывать психологические и интеллектуальные импульсы в характерной для этой группы конфигурации. Далее, это означает усвоение формообразующих принципов интерпретации новых впечатлений и событий, отвечающих предустановленному группой шаблону» [Мангейм, 2000: 38].

Майкл Корстен развивает и специфицирует тезисы Мангейма, указывая, что общность взглядов и интерпретаций поколений вырабатывается в рамках «культурных кругов», под которыми он понимает временные и случайные встречи людей одного возраста в разных социальных контекстах, в первую очередь это относится к молодежи в формативный период [Corsten, 1999: 262]. Корстен указывает, что общности производят себя как поколения через установление семантического порядка — самотематизацию, то есть путем формулирования одинаковым образом определенных тем, используя схожие критерии для интерпретации своего опыта [Corsten, 1999: 262]. Через разделяемые темы, значения, интерпретации, поколенческие дискурсы примиряют личную и социальную идентичности, поскольку в них «члены (молодежного) поколения могут распознать свой собственный типичный образ жизни» [Corsten, 1999: 264].

Виктория Семенова методологически и эмпирически развивает подход Корстена и указывает, что «языковые коды являются способом проявления групповой идентичности, по этим символическим основаниям происходит узнавание “своих” и формируется самоидентификация “мы-поколение”» [Семенова, 2009: 103]. Выделяя лексические формы самопрезентации своего поколения среди россиян разных когорт, Семенова не только определяет смыслообразующие составляющие поколенческих культур, но и показывает динамическую трансформацию лексических конструкций у разных поколений. Автор подчеркивает, что «языковые тематизации разных поколений сосуществуют как полифоническая организация временной перспективы и новые поколения в своей повседневной практике тематизируют мир по-своему, с учетом новой исторической перспективы» [Семенова, 2009: 103].

При этом для классической теории поколений именно синхронное переживание этапа жизни и исторических событий является основанием для формирования ментальных структур поколения [Corsten, 1999: 254], тогда как другие типы различий практически не учитываются. Теория поколений, особенно в молодежных исследованиях, представлялась альтернативой

классовому подходу, однако именно из-за нечувствительности к различиям внутри генераций и, как следствие, излишней генерализации и гомогенизации подвергалась существенной критике [Roberts, France, 2021].

Поколенческие идентичности и модели поведения не вырабатываются в структурно нейтральной среде. Пьер Бурдьё указывает, что «представления агентов меняются в зависимости от их позиции (и связанных с ней интересов) и от их габитуса, понимаемого как система схем восприятия и оценивания, как когнитивные и развивающие структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире. Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик. В обоих случаях эти операции выражают социальную позицию, в которой он (габитус) был сформирован» [Бурдьё, 2007: 75]. Исследователи подчеркивают, что важно видеть отличия в классовых позициях в общем контексте различий в положении поколений, поскольку позиции будут определять ресурсы, возможности и свободу действий для реагирования на различные кризисы, которые формируют реакцию поколений [Moreno, Urraco, 2018: 6]. Это значит, что позиции, занимаемые агентами, будут влиять на видение себя как поколения, формируя тем самым специфичные единицы поколения, которые потенциально могут существенно различаться в рамках когорт. Как отмечают Стивен Робертс и Алан Франс, «габитус может существовать отдельно без теории поколений, но не наоборот» [Roberts, France, 2021: 781].

Более того, за саму номинацию поколений, определение их границ и характеристик может разыгрываться символическая борьба не только среди влиятельных агентов, таких как государство, медиа, наука, но и между, и внутри поколений. Бурдьё подчеркивает, что «в обществе всегда существует конфликт между разными символическими властями, стремящимися навязать свое видение легитимных делений, то есть создавать группы. Символическая власть в этом смысле есть власть worldmaking» [Бурдьё, 2007: 83]. В условиях неравенства, в том числе межпоколенческого и внутрипоколенческого, возможность определения самого поколения становится одним из оснований для перераспределения власти, ресурсов и влияния как на институциональном уровне [Семенова, 2009], так и в повседневной жизни [Boyle, 2023]. Например, номинирование молодежи как пассивной девальвирует ее политически [Manning, 2013], а определение ее как «цифровой» повышает ее статус в управлении новыми технологиями и меняет вектор трансляции навыков с нисходящего «от старших к младшим» на восходящий «от младших к старшим» [Correa, 2014].

Бурдьё подчеркивает исключительное значение категоризации: «слова, названия конструируют социальную реальность в той же степени, в какой они ее выражают, и являются исключительными ставками в политической борьбе, в борьбе за навязывание легитимного принципа видения и деления» [Бурдьё, 2007: 79]. При этом понятийная система в основе своей метафорична [Лакофф, Джонсон, 2023: 188]. Разные метафоры могут структурировать разные аспекты одного концепта. Джордж Лакофф и Марк Джонсон указывают,

что «категоризация является естественным способом отождествления вида объекта или опыта при помощи высвечивания одних свойств, преуменьшения других и сокрытия третьих. Каждое измерение дает возможность высвечивать те или иные свойства. Для того чтобы высветить некоторые свойства, необходимо преуменьшить или сократить другие; именно это происходит всякий раз, когда мы категоризируем что-либо» [Лакофф, Джонсон, 2023: 188]. Таким образом, «проблему представляет не истинность или ложность метафоры, а вытекающие из нее способы восприятия и следствия, а также санкционируемые ею действия» [Лакофф, Джонсон, 2023: 184]. Лакофф и Джонсон подчеркивают, что «метафоры могут творить для нас реалии, в особенности социальные реалии. Следовательно, метафора может стать ориентиром для будущих действий. Такие действия будут, конечно, соответствовать метафоре. Это, в свою очередь, будет усиливать способность метафоры обеспечивать связность опыта. В этом смысле метафоры могут быть самоисполняющимся пророчеством» [Лакофф, Джонсон, 2023: 182].

Джон Урри также подчеркивает конститутивную роль метафоры для производства и анализа социального: «все человеческое мышление, включая частные и абстрагированные практики науки и социальной науки, основано на метафоре», более того, он утверждает, что «выявление метафорического основания различных форм мышления — главная цель и задача социальной науки» [Урри, 2012: 38]. В своем анализе Урри демонстрирует, как метафоры порождают формы социального воображения, структурирующие не только теоретическую концептуализацию, но и политические решения и повседневную практику. Воспроизводство социального порядка или его изменения, согласно Урри, определяются сохранением старых или появлением новых метафор, то есть «новые значения и реальности зависят от разных типов метафорического мышления» [Урри, 2012: 38].

Таким образом, исследуя дискурс поколения как (само)рефлексию сформировавшейся в определенных исторических условиях возрастной когорты, мы должны не только держать в голове социально-экономические позиции говорящих, задающие рамки представлений, но и смотреть на формируемые поколенческие имена как метафоры, категоризирующие место поколения в более широком социально-историческом контексте и структурирующие поколенческое воображаемое.

Методология и эмпирическая база

Эмпирическую базу статьи составляют интервью, собранные Центром молодежных исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург в 2023 году в проекте «Поколенческая идентичность, жизненные выборы и устойчивость российской молодежи» (руководитель Е.Л. Омельченко). В рамках коллективного исследования изучалась молодежь Санкт-Петербурга в возрасте от 18 до 35 лет, работающая по найму в разных секторах экономики, а также самозанятые, предприниматели и временно нетрудоустроенные. Всего было собрано 92 интервью.

Гид полуструктурированного лейтмотивного интервью предполагал обсуждение широкого спектра тем: траектория жизни, жизненные события и выборы за последние три года, устойчивость и тактики совладания с трудностями, отношение к лидерству, представления о прошлом, настоящем и будущем России. Одной из ключевых тем интервью было обсуждение поколений. Информанту задавались вопросы о характеристиках его собственного поколения, о его границах, отличиях от предшествующих и последующих, о его видении будущего для своего поколения и т.д. Завершала этот блок просьба дать поколению имя, назвать его.

Именно ответы на последний вопрос стали объектом анализа в данной статье. Просьба о поименовании поколения предполагала от информанта относительно краткое резюмирование своих рассуждений, артикуляцию ключевого элемента в определении поколения. Однако, поскольку интервью — гибкий метод, где инструмент не является жесткой опросной структурой и интервьюер ведет разговор, учитывая и его ход, и другие обстоятельства, например, усталость информанта, данный вопрос прозвучал не во всех интервью. К тому же, несмотря на то что обсуждение поколений состоялось во всех интервью, ряд информантов затруднились с ответом на просьбу о наименовании поколения. В итоге в 24 интервью вопрос не был задан, 7 информантов не смогли ответить.

Таким образом, эмпирическую базу статьи составили ответы 61 информанта. Среди них 29 мужчин и 32 женщины. Более половины информантов — 35 человек — имеют высшее образование, 7 учатся в бакалавриате, 6 продолжают обучение в магистратуре и 4 учатся в аспирантуре/ординатуре, 9 человек имеют только школьное образование или СПО. Работает подавляющее большинство информантов (50 человек), при этом 45 из них заняты интеллектуальной деятельностью, а 5 — ручным трудом на производстве и в сервисе (бариста, промышленный альпинист, работники заводов). Все информанты проживают в Санкт-Петербурге.

Вопрос социальной структуры современного общества, включая российское, сложный и дискуссионный, определение и отнесение индивидов к тому или иному классу всегда будет сопровождаться оговорками и обладать долей условности. Тем не менее, опираясь на определение среднего класса Елены Здравомысловой с коллегами, включающее четыре параметра — «высшее образование, регулярную занятость, нефизический характер труда, управленческие позиции» [Здравомыслова и др., 2009: 16], — можно сказать, что в данной статье анализируются представления о поколении образованной городской молодежи среднего класса. Этот пункт важен, так как условия проживания (мегаполис), наличие высшего образования, занятость интеллектуальным, а не физическим трудом формируют опыт и перспективу, отличную от молодежи из других социальных сред.

Эмпирический материал анализировался следующим образом: сначала отбирались ответы на вопрос о названии поколения. Важно подчеркнуть, что эти ответы не были развернутыми нарративами, они не содержали обсуждения

поколений, а были краткими, состояли из нескольких предложений, иногда — из одного слова или фразы.

Затем была проведена процедура открытого кодирования, когда ответам присваивались коды на основании языка информанта, отражавшие ключевую идею его высказывания: «интернет», «информация», «мечта», «тяжелые 90-е», «потерянный взгляд», «дети легкого времени» и другие. Некоторые первичные коды повторялись, некоторые нет. Всего было выделено 32 уникальных кода. За границами внимания было оставлено небольшое количество ответов информантов, использующих для поименования поколения институционализированные имена (в основном «миллениалы»).

Далее схожие по смыслу коды группировались в коды второго порядка — категории. Всего было сформировано 16 категорий. Работа с категориями показала, что в них есть группы близких, которые тематически описывают феномен поколения схожим образом. Поэтому категории были объединены в темы. Первая из них включала категории, связанные с развитием технологий: «интернет», «информация», «цифровизация». Вторая тема объединяла категории, апеллирующие к 1990-м годам: «трудные времена», «особая социализация», «общее постсоветское наследие», «наличие опыта совладания». Третья тема связывала категории, отражающие существенные изменения социального контекста в настоящем: «критическое изменение реальности», «неопределенность в выстраивании планов», «вынужденность адаптации». К четвертой теме были отнесены категории, в которых артикулировалось движение: «переход от старого к новому», «перемены», «устремление к будущему», «переход во взрослость». Вне тематического объединения остались две категории, представленные единичными ответами и, соответственно, кодами: категория «эффективность» с кодами «работяги» и «успех» и категория «рутинное множество», базирующаяся на кодах «листья» и «просто люди». Эти две категории были исключены из последующего анализа.

В каждой из доминирующих четырех тем аналитически реконструировалась структурная метафора, которая связывала категории, отражающие разные ее аспекты, и эмпирически задавала «точку отсчета» использования соответствующих лексем в поименовании поколения в ответах информантов. Таким образом были сформулированы четыре метафоры: «технологические изменения», «обманутые надежды», «дети 90-х», «движение вперед».

В рамках содержательного анализа высказывания информантов анализировались как текст по всей базе. Только после выделения ключевых метафор последние были сопоставлены с полом и возрастом говорящих. Гендерных различий выявлено не было, а вот возрастные были. Внутри абстрактного «молодежного поколения», разные когорты, находящиеся на разных этапах как жизненного пути, так и осмысления себя как поколения, использовали разные метафоры. Это позволило говорить об эмпирических общих и специфичных метафорах.

Как любое качественное исследование, данная работа имеет свои ограничения. Во-первых, особенности эмпирического материала. Фокус только на ответах информантов на просьбу дать имя поколению выводил из анализа

предшествующие рассуждения информанта на поколенческую тему. Однако позволял работать с ними как с резюмирующими, отражающими ключевые элементы представлениями молодых мужчин и женщин. Во-вторых, сама процедура кодирования всегда является субъективным процессом — от прочтения до аналитической типологизации. В рамках качественного исследования это ограничение полностью не убрать, всегда возможны иные трактовки. В этом случае поэтапность работы с эмпирическим материалом дает возможность прийти к относительно обоснованным выводам. К тому же, более широкая дискуссия и результаты других исследований позволяет верифицировать их. В-третьих, методология работы с метафорой предполагает, что структурные метафоры непосредственно не артикулированы, но они порождают язык, которым описывается тот или иной феномен. Концепт поколения — это культурная категория, которая всегда является метафорической. Поэтому реконструкция метафорического основания поколенческого воображаемого — это аналитическое действие, безусловно интерпретативное, но тем не менее не являющееся исследовательским «внешним» присваиванием имени поколению.

Результаты

Анализ эмпирического материала позволил выделить четыре ключевые метафорические концепции поколения, артикулируемые городской образованной молодежью среднего класса, одна из которых общая для информантов разных возрастов, три — когортно специфичные. Общая включает в себя довольно ожидаемую метафору «технологические изменения». Когортно специфичные, отражающие и разницу жизненных этапов, и поколенческие особенности, представлены метафорой «обманутые надежды» среди 30-летних, метафорой «дети 90-х» среди 25-летних и метафорой «движение вперед» среди 20-летних.

Поколение «технологических изменений»

Метафора «технологические изменения» организует представление молодежи о самой себе как особом поколении, опыт жизни которого непосредственно связан с компьютеризацией и цифровизацией. Историческая перспектива структурируется появлением интернета, формирующим новую социальную реальность:

«Поколение, которое, наверное, там, в раннем возрасте, там, до ранней подростковойности росло в мире, скажем, без интернета, а потом начало расти в мире с интернетом. Мне кажется, что именно интернет в таком, как бы, вот одно это слово. Как бы после него очень многое поменялось, очень многое» (Инт. № 10², м., 24 года, помощник генерального директора).

² Нумерация интервью организована для эмпирической базы статьи, № 1–61.

Технологическая новизна организует формативный период, определяя поколение как пионера в использовании цифровой материальной и коммуникационной среды. Например, используется образ сенсорного телефона, который маркируется как шаг вперед по сравнению с кнопчным мобильным, но менее развитым по отношению к последующим технологиям:

«Там были такие телефоны, вот такой длинный, и у него был такой треугольный, по-моему, типа стилус. И вот еще красненький такой был, типа, телефон, но там вот это тоже надо было, типа, через стилус. Вот я бы назвала вот как раз такие вот, вот этим телефоном, двумя, не знаю, вот наше поколение. Ну, когда первый раз появились, типа, сенсорные телефоны и как будто вот, это вот именно мы, это именно наше поколение. Потому что дальше-то уже все, вышел айфон, типа, вот именно вот эти телефоны зацепило наше поколение, когда мы были там в восьмом классе, типа того» (Инт. № 24, ж., 24 года, менеджер).

Метафора технологических изменений позволяет подчеркнуть изменения, свидетелями которых стали молодые на протяжении детства-юности, а не сформированность технологической среды, в которой они живут сейчас. Именно процессуальность, постепенность компьютерных новаций формирует способ воображения поколения как переходного от старого мира к новому:

«Как я говорил, мы вот на сломе эпох. То есть у нас еще есть что-то архаичное, аналоговое такое, простое, ламповое, и вот сейчас молодое поколение, которое полностью уже такое цифровизированное и учится онлайн, уже вот совершенно непонятно. А мы где-то посередине между тем старым и современным» (Инт. № 42, м., 35 лет, безработный).

«Мое поколение более переходное, опять-таки как поколение старше. То есть, как мне кажется, следующее поколение и которые пойдут за ним, они будут кардинально от нас отличаться, потому что они уже как раз-таки с самого детства во всем информационном мире, во всех гаджетах» (Инт. № 3, м., 21 год, фрилансер, технический специалист).

Молодежь артикулирует себя как активного участника цифровых изменений, а не просто пассивного потребителя новых технологий:

«Блин, мы поколение, наверное, которое сделало интернет. Ну типа. Эээ. Да. Ну, это, наверное, надо чуть-чуть продлить, наверное. Кому сейчас до 40, может быть. Потому что сейчас до 40 поколение, которое именно наполнило интернет, как сказать, сделало его какой-то очень хорошей платформой для получения знаний, для получения вообще всего практически» (Инт. № 41, м., 26 лет, студент, QA-инженер).

Но при этом подчеркивается сложный характер жизненной навигации в информационной среде, в рамках которой поколение получает амбивалентный статус: с одной стороны, непосредственного производителя, создателя контента, с другой — «ограничителя», нацеленного на управление и регуляцию информации:

«Информационное, может, поколение, поколение информации, потому что переизбыток информации, поэтому, наверное, мы либо как бы продолжаем генерировать ее в том же количестве, поэтому информационное, либо потому что нам придется ее фильтровать в будущем времени, потому что это невозможное количество просто информации для человеческого мозга» (Инт. № 29, ж., 20 лет, студентка).

Метафора технологических изменений позволяет молодежи расположить свое поколение между аналоговым и цифровым миром. Поколение воображается как взрослевшее в условиях технологических новаций, но наличие иного, «доцифрового» опыта маркируется как предел его дигитализации — оно немного «устаревшее» по отношению к сегодняшним детям и подросткам.

Поколение «обманутых надежд»

Метафора «обманутые надежды» в определении поколения доминирует среди информантов 26–35 лет. Когорта 30-летних осмысливает свое поколение через растерянность, связанную с нарушением, разрушением жизненного пути современными событиями в России, которые стали контрастом к ранее ожидавшемуся будущему:

«Ну, потому что начинали мы, росли в одной стране, а потом внезапно поняли, что она немного другая. И у нас были какие-то свои надежды, мечты насчет всего этого, мы очень долго не верили в то, что происходит, и старались не думать про это, но потом оно нас всех пробило» (Инт. № 31, м., 27 лет, фрилансер).

Молодые, на их взгляд, раньше жили в благополучных условиях и оказались не готовы к произошедшим изменениям:

«Может быть, многие из нас остаются в России, как бы держа в уме вот это прекрасное детство, которое у многих было. Надеюсь, что как-то этот прекрасный мир детства можно будет восстановить, как-то себе присвоить» (Инт. № 50, ж., 28 лет, сотрудник библиотеки).

Динамика социальных трансформаций не позволяет поколению реализовывать выстроенный ранее жизненный сценарий. Молодые определяют себя через негативную неопределенность:

Интервьюер: «Хорошо, а какое имя вы бы могли дать своему поколению?»

Информант: «Имя? Я даже... „Неопределенность“ — это считается имя? <...> Потому что вот именно что мы в такое время живем, что там сначала коронавирус — люди не понимали, что делать, потом вой... СВО, опять же, и непонятно, что будет дальше. То есть нет понимания, что уже вот вроде хотя бы что-то пошло на позитив. То есть все равно все сидят в подвешенном состоянии и ждут, не дай бог, плохих новостей. Потому что хороших-то особо не ждут. Ждут все, что „ничего там не слышно про волну новую?“» (Инт. № 57, ж., 27 лет, студентка, организатор выставок).

Радикальные изменения, повлекшие за собой разочарования и разрушение надежд, формирует поколение с низким уровнем доверия к окружающему миру, когда в любой момент мечты и надежды могут быть разрушены:

«Потому что теперь ждешь подвоха. Вот теперь ты прям ждешь вот такого подвоха. То есть ты и раньше ощущал, что что-то может пойти не так, как ты бы хотел, а теперь ты это видел. Знание — сила, и ты всегда теперь это держишь в уме. Надеюсь, теперь мы научимся это держать в уме. Я сам хочу научиться. Что лучше иметь запасной аэродром. Не знаю. Ты теперь просчитываешь, как-то будешь просчитывать возможные риски, даже которые казались раньше невозможными» (Инт. № 40, м., 33 года, инженер).

30-летние определяют себя как поколение, вынужденное постоянно подстраиваться. Но эта перманентная адаптация к изменяющимся условиям несет не гибкость и устойчивость, а усталость:

«Потому что каждые несколько лет, там 2–3–4 года, приходится сделать новый шаг, подстраиваться к новым обстоятельствам. Раньше такого не было. Настолько, по крайней мере, такого не было. Раньше шаги измерялись все-таки десятилетиями, двадцатилетиями, если мы берем, допустим. Все равно, мне кажется, были какие-то более крупные. А сейчас у нас вот этот равномерный шаг, что вот одно, другое, третье, вкупе еще с этими событиями, под которые подстраиваться надо. То есть, мне кажется, так. И мы это все проходим в расцвете сил, скажем так» (Инт. № 34, м., 34 года, предприниматель).

Отсутствие ясных перспектив в жизни, возможности реализовать ранее намеченное, необходимость подстраиваться и отслеживать изменения делают поколение «тревожным»:

«Название? Люди, которые постоянно парятся. Из-за всего. Пусть это даже какие-то мелкие неурядицы, все равно для них это прям что-то такое очень серьезное. Но это реально, мне кажется, наше поколение,

они постоянно из-за чего-то тревожатся, парятся, постоянно в каких-то поисках себя и так далее и тому подобное. Ну вот то есть как-то раньше, в том плане, мне кажется, проще было» (Инт. № 60, ж., 31 год, в декрете).

Для молодых людей мир вдруг оказался не таким, в каком они росли, на что надеялись и на что рассчитывали, про что один из информантов иронично говорит так:

Интервьюер: *«А можешь ли ты как-то назвать свое поколение? Дать ему какое-то наименование, не знаю».*

Информант: *«Сложно. Было поколение „Пенси“. Это будет, пошутим, будет поколение „Добрый Кола“. <...> Я придумал: „Поколение и точка“ (смех). Угу. (Инт. № 38, м., 28 лет, инженер)».*

30-летние локализуют свое поколение в настоящем, выстраивая поколенческое воображаемое через метафору обманутых надежд, когда картину мира и жизненные тропы разрушили социально-политические события в России. Молодежь мыслит себя зависимой от внешних обстоятельств, к которым необходимо постоянно тревожно подстраиваться. Данная когорта видит свое поколение обманутым в надежде на лучший мир, лишенным привычных оснований и стабильности и неготовым к наступившему настоящему.

Поколение «детей 90-х»

Информанты в возрасте 24–27 лет, то есть условно 25-летние, для номинации своего поколения использовали метафору «дети 90-х». Учитывая, что самые старшие информанты, оперировавшие этой метафорой, родились в 1996 году, а самые младшие — в 1999-м, такое апеллирование к историческому периоду, который они застали по касательной в раннем детстве, стало большой исследовательской неожиданностью.

Время «90-х» функционирует как культурно разделяемая метафора и задает рамку интерпретации по умолчанию:

«Ну, тут что-то из серии дети 90-х, вот что-то такое. Этим, наверное, можно многое объяснить» (Инт. № 25, ж., 25 лет, дизайнер)».

При этом «90-е» расширяются на весь постсоветский период, не только отсылая к определенному социо-историческому моменту, но и определяя происходящее в современной России. Соответственно, их наследником становится и молодежь:

«Почему-то оттенок девяностых все-таки, особенно в России, да, сама понимаешь, он... Он до сих пор чувствуется везде. Хотя двадцать третий год уже, но он всегда есть. И вот мы тогда жили. Хоть и недолго» (Инт. № 2, м., 24 года, репетитор игры на гитаре)».

90-е мыслятся как «тяжелое», полное неопределенности и лишений время, ставшее травмой родителей:

«И, помню, мама рассказывала с папой, да, то, что было очень тяжело, то есть ни денег не было, как бы, работы. Ну, короче, блин, как обычно в России, ни денег, ни работы. Вот, но еще сложнее было, плюс еще я появился, надо как-то кормить, там че-то делать, типа» (Инт. № 2, м., 24 года, репетитор игры на гитаре).

Травма, которая, в свою очередь, наложила отпечаток на детей: *«Дети родителей, переживших 90-е. Вот так вот»* (Инт. № 56, ж., 26 лет, руководитель), формируя особое поколение: *«Ребят, их могли недолюбить, и они... нежные, но умеют терпеть»* (Инт. № 45, ж., 27 лет, самозанятая).

И как собственный сложный опыт, когда самой молодежи пришлось пройти через трудности, изменение социальных контекстов, что существенным образом повлияло на формирование поколения:

*«Мне кажется, очень вполне. 90-е — это достаточно хороший период, ну, в смысле, в смысле у тебя сразу проходит ассоциация, большего не надо. Ты такой смотришь: какой мог человек в таких условиях вырасти и в такое время? Сначала ни *уя не получив, а потом получив до *уя. Ну, типа, в начале 2000-х, когда все понеслось. Вот тебе и выросла куча людей таких. *бнутиньких чуть-чуть»* (Инт. № 52, ж., 27 лет, начальник участка цеха).

Но при этом именно прошлые трудности закалили поколение, сделали его устойчивым к кризисам и изменениям, готовым к проживанию новых:

«Поколение 90-х. Не знаю, может быть, наверное, справимся — куда мы денемся. Это, как говорится, куда мы денемся с подводной лодки» (Инт. № 54, ж., 26 лет, инженер).

Использование лексемы «90-х» позволяет 25-летним презентировать себя как современников особого для страны периода в новейшей истории России. Метафора «дети 90-х» формирует поколенческое воображаемое вокруг травмы, унаследованной и собственной, связанной с переживанием трудных времен. Молодежь мыслит себя как имеющую особое прошлое, определяя себя как выживших в турбулентном периоде, а значит, готовых ко всему, что бы еще ни происходило.

Поколение «движения вперед»

Когорта 20-летних, то есть информанты в возрасте 19–25 лет, описывает свое поколение через метафору «движение вперед». С одной стороны, это движение связано с незавершившимся процессом взросления, когда воображаемая финальная точка вхождения в иной статус еще не достигнута:

«Мне кажется, мы не выросли. Мы не стали такими взрослыми-взрослыми, как наши родители. Но и детьми нас больше не назвать. Вот такие птенцы-переростки» (Инт. № 20, ж., 23 года, экономист).

Взрослость у современной молодежи, как показывают исследования, связывается со стабильностью, фиксированностью, стагнацией [Кравцова, Кузинер, 2022], поэтому маркирование себя как еще «незрелых» взрослых дает возможность для развития, изменений, динамики — как индивидуальных, так и поколения в целом:

«Поколение повзрослевших детей. Да. Да. Ну вот лично по себе я могу сказать, что вот я вроде как уже и взрослый, то есть я сам за себя отвечаю, я вот уже работаю, я стараюсь что-нибудь в своей жизни дальше делать, но при этом я в душе еще как-то ребенок все равно. То есть мне хочется повеселиться с друзьями, просто посмеяться, не знаю, подурочиться, вот» (Инт. № 11, м., 19 лет, бариста).

Но, с другой стороны, это движение связано с возможными изменениями, которые несет поколение. Заявляя о переменах, 20-летние подчеркивают агентный потенциал своего поколения, воображая последнее как способное к действию:

«Мне бы, наверное, очень хотелось сказать поколение перемен. Но, к сожалению, все как будто бы менялось до начала СВО и, возможно, до начала падения, но вот эти события, они как будто бы преступили все те изменения, которые весьма неплохо шли в нашей стране, вот. Поэтому, наверное, наверное, сейчас я могу назвать наше поколение что-то вроде первый шаг к изменениям» (Инт. № 21, ж., 25 лет, администратор).

20-летние отделяют себя от поколения родителей и поколения детей, маркируя себя как переходное поколение:

«То есть мы не такие, как наши родители, не такие, как дети, и мы как раз вот что-то между вот этими поколениями» (Инт. № 15, ж., 23 года, самозанятая).

«Просто что-то такое пограничное состояние, да» (Инт. № 5, м., 25 лет, преподаватель вуза).

Данная когорта оговаривает, что выросла в условиях относительной стабильности:

«Слушай, ну это переходное поколение. Опять же, если брать те же исторические факторы, о которых мы знаем, что тяжелые времена

строят сильных людей, сильные люди строят легкие времена, легкие времена сеют разруху, и снова появляются сильные люди после тяжелых времен. Я думаю, что мы вот это поколение легкого времени в какой-то степени» (Инт. № 1, м., 24 года, предприниматель).

Но для поколения 20-летних важно, что они разрывают связь с советским наследием, у них нет ограничивающей движение памяти о том времени, соответственно, они могут привнести новое:

«Я бы назвала нас Фреш. Фреш, да. Потому что мы уже точно никогда не были в СССР. Уже нечего вспоминать. Мы буквально из пепла какие-то восстали. И просто вот у нас страна на глазах строится. На глазах делается просто, в силах каждого что-то, ну, какую-то лепту вносить. У нас есть какая-то ответственность, я думаю» (Инт. № 19, ж., 22 года, студентка, инженер).

Стремление к изменениям через свободу, неподчинение, бунтарство включается в поколенческое воображаемое:

«Блин, ну, почему-то первое слово мне пришло на ум свободные, надо же, скорее, скорее всего, первое слово, которое приходи на ум, — это самое правильное? Вот почему, ну, я думаю, внутренне мое поколение более свободно, чем старшее поколение, но и чем младшее, потому что младшее, оно еще от родителей зависимо, наше поколение, вот мое, оно уже и от родителей не зависит, оно уже выросшее поколение, но при этом оно внутренне как будто бы более свободно. Мне кажется, у нас больше желания, что ли, не подчиняться, у нас больше развит дух бунтарства, чем у старшего поколения, которое более такое стабильное и сильнее переживает, наверно, высказывать свое какое-то мнение» (Инт. № 16, ж., 22 года, студентка, самозанятая).

У 20-летних нет плана, четкой стратегии, есть только желаемая цель:

Интервьюер: «А какое имя ты бы могла дать своему поколению?»

Информант: «Имя? Мечта. <...> Мне кажется, что все живут мечтой. Собираются ее воплотить в жизнь» (Инт. № 28, ж., 23 года, студентка).

Но эти цели, личные и общественные, становятся основанием для движения вперед:

«Поиск, может быть, назвал бы я. Поиск. Потому что, ну, я считаю, что поколение это, ну, вообще, как бы вот просто вот это, ну, это понятно, что люди, которые только строят жизнь, они ищут. Это именно поиск. Поиск человека вокруг, человека, близкого тебе, для строения, для..., для строите..., ну, не строительства, слово такое,

строительство, для построения семьи. Поиск твоего дела, которое тебе будет нравиться. Поиск себя. Поиск своих, своих желаний, своих мечт. Поиск. Ну, поиск. Потому что мы закладываем в этом периоде, в этом возрасте, наверное, все основное, что потом будем реализовывать и с чем будем жить» (Инт. № 7, м., 25 лет, заместитель начальника отдела на заводе).

20-летние выстраивают свое нарождающееся поколение через метафору движения вперед. Метафора подчеркивает воображаемую потенциальную агентность поколения и его ориентацию в будущее. Она позволяет, с одной стороны, ухватить особенности этапа жизненного курса, связанного со взрослением и поиском себя, с другой — подсветить смену исторических поколений через разрыв с советской памятью и способностью к построению нового.

Заключение

Результаты интервью с образованной городской молодежью среднего класса показали, что в своем поименовании отдельные генерации внутри поколения используют разные метафоры. 30-летние выстраивают свое поколенческое воображаемое через метафору «обманутые надежды», которая акцентирует историческое положение поколения в настоящем времени, когда мечты и желания когорты не реализовались из-за социально-политических трансформаций. Когорта 24–27-летних определяет себя через метафору «дети 90-х», синхронизируя тем самым жизненный путь поколения с пережитым трудным периодом в истории страны. Отсылка к преодоленным тяжелым 90-м свидетельствует о стремлении этой группы молодежи конституировать образ себя как способных пережить любые сложности. 20-летние определяют свое нарождающееся поколение на основании метафоры «движение вперед», что акцентирует их желание продемонстрировать свой ресурс изменений, начинающихся с этой когорты. Однако результаты демонстрируют и общее в поколенческом воображаемом для всей исследуемой возрастной группы 18–35-летних, а именно формулу «технологические изменения», на основании которой поколение мыслится как переходное между аналоговым и цифровым мирами.

Результаты показывают, что условное «молодое поколение» не воображает себя унифицированно и гомогенно, даже в близкой по социальному положению группе. В зависимости от жизненного этапа, наличествующего опыта и ресурсов для осмысления поколения разные когорты на момент проведения исследования используют разные метафоры. 30-летние, уже имеющие за плечами некоторую прожитую жизнь, в условиях сильных социально-политических трансформаций переносят ответственность на внешние обстоятельства и маркируют себя как «обманутых». 25-летние пытаются вообразить себя как устойчивых через апелляцию к «прожитым» 90-м. 20-летние, находящиеся в самом начале жизненного пути, верят в способность

своего поколения двигаться к светлому будущему. Это значит, что, с одной стороны, исторический контекст влияет на определение и переопределение поколениями себя, с другой — что очень важно сохранять чувствительность к поколенческим изменениям и подвижкам в метафорическом языке, который никогда не окончательный. Поколенческое воображаемое меняется со временем, поскольку разные периоды жизни дают разные перспективы для оценки и интерпретации поколенческого общего.

Данное исследование развивает традицию изучения поколенческих самоидентификаций, заложенную Викторией Семеновой [Семенова, 2009] и продолженных Ольгой Максимовой [Максимова, 2014]. Несмотря на то, что методологически и аналитически исследования несколько различаются, наличие эмпирических данных с шагом в десять лет (у В. Семеновой материалы 2002 года, у О. Максимовой — 2013) позволяет сделать несколько важных сравнений.

Первое — по оси самых младших когорт, то есть нарождающихся, формирующихся поколений. Так, в 2002 году 20-летние обозначали свое поколение как «послеперестроечное, послепереломное, новое, другое, будущее», без ностальгии по прошлому [Семенова, 2009: 130], в 2013 году молодые демонстрировали высокую степень индивидуализма, связывая себя в первую очередь с развитием цифровых технологий и лишь в единичных случаях позиционируя себя в исторической перспективе как «постперестроечное поколение», «поколение новой эпохи, постперестройки, с новыми взглядами и амбициями» [Максимова, 2014: 249]. 20-летние горожане в 2023 году обозначают свое поколение не как априори новое, а как переходное, с которого потенциально начнутся изменения, — аккуратно упоминая текущую политическую ситуацию и подчеркивая полный разрыв с советским прошлым. Таким образом, наряду с особенностями жизненного этапа, ориентирующего молодежь в первую очередь на будущее в каждый исследуемый период, мы видим и изменения в наррации поколений: от поколения, пришедшего после случившихся социальных трансформаций, к поколению, с которого трансформации начнутся.

Второе — по оси 30-летних как когорты уже имеющих жизненный опыт и столкнувшихся на пути своего становления с социально-политическими кризисами. Семенова описывает коллективное самочувствие 30-летних в 2002 году как движение «от эйфории к разочарованию», когда возможности, открывшиеся перестройкой после периода позднего застоя, хотя и позволили поколению преуспеть, но не привели к формированию инновационной культуры — когорта была разочарована, пессимистична и пребывала в ностальгии по советскому прошлому [Семенова, 2009: 154–157]. В 2023 году среди 30-летних горожан среднего класса можно также наблюдать разочарование, хотя повод для него стал другой вектор социальных изменений — данное поколение мыслит себя обманутым в своих ожиданиях, когда возможности для реализации жизненных планов вдруг сократились. Семенова считает, что инновационный ресурс поколения, рожденного в 1960–1970-х годах, исторически не реализовался [Семенова, 2009: 154–157]. Смогут ли нынешние 30-летние реализовать свой потенциал или станут фрустрированным поколением — покажет время.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что качественные исследования позволяют понять внутренние смыслы, метафоры, способы интерпретации поколений и сделать это очень чувствительно, улавливая нюансы в изменениях контекста, языка, возраста. А традиция исследований самоидентификаций поколений дает временную перспективу для отслеживания динамики, сравнений и оценки изменений. Поэтому анализ поколенческих нарративов никогда не финальная точка, а всегда продолжение исследовательского движения.

Благодарности

Я хотела бы поблагодарить моих коллег из Центра молодежных исследований, вместе с которыми мы реализовывали исследование, давшее эмпирический материал для данной статьи. И, конечно, я хотела бы поблагодарить всех молодых мужчин и женщин, согласившихся принять участие в нашем исследовании и поделившихся своими историями и мнениями.

Литература / References

Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. EDN: [QOECDF](#)

Bourdieu P. (2007) *Sotciologia sotcialnogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Moscow: Institut eksperimentalnoj sociologii; St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)

Здравомыслова Е., Роткирх А., Темкина А. Введение. Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 7–30. EDN: [XNGTCP](#)

Zdravomislova E., Rotkirh A., Temkina A. (2009) Vvedenie. Sozdanie privatnosti kak sferi zaboti, lubvi i naemnogo truda [Introduction. Creating Privacy as a Sphere of Care, Love and Wage Labor]. In: *Novij bit v sovremennoj Rossii: gendernie issledovaniya povsednevnosti* [Gender Studies of Everyday Life in Contemporary Russia]. St. Petersburg: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. P. 7–30. (In Russ.)

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Издательство ЛКИ, 2023.

Lakoff G., Johnson M. (2023) *Metafori, kotorimi mi zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow: Izdatelstvo LKI. (In Russ.)

Максимова О. А. Самоидентификация и коллективная память поколений современного российского общества // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. № 6. С. 246–252. EDN: [TQALWV](#)

Maksimova O. A. (2014) Self-Identification and Collective Memory of Generations in Contemporary Russian Society. *Uchenie zapiski Kazanskogo universiteta. Seria Gumanitarnie nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]. Vol. 156. No. 6. P. 246–252. (In Russ.)

Мангейм К. Очерки социологии знания. М.: ИНИОН РАН, 2000.

Mannheim K. (2000) *Ocherki sotciologii znania* [Essays on the Sociology of Knowledge]. Moscow: INION RAN. (In Russ.)

Семенова В. В. Социальный портрет поколений // Россия реформирующаяся / Под ред. Л. М. Дробижевой. М.: Academia, 2002. № 2. С. 184–212. EDN: [PDHLCV](#)

Semenova V. V. (2002) *Sotcialnii portret pokolenia* [The Social Portrait of Generations]. In: L. M. Drobizheva (ed.) *Rossiia reformiruyushchayasya* [Reforming Russia]. Moscow: Academia. No. 2. P. 184–212. (In Russ.)

Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОСПЭН, 2009. EDN: QOKHWP

Semenova V.V. (2009) *Sotcialnaya dinamika pokolenij: problema i realnost* [Social Dynamics of Generations: Problem and Reality]. Moscow: ROSPEN. (In Russ.)

Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012.

Urry J. (2012) *Sotciologia za predelami obschestv: vidi mobilnosti dlya XXI stoletiya* [Sociology Beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century]. Moscow: Izdatelskij dom VShE. (In Russ.)

Boyle K. A. (2023) Millennial Career-identities: Reevaluating Social Identification and Intergenerational Relations. *Journal of Intergenerational Relationships*. Vol. 21. No. 1. P. 89–109. DOI: <https://doi.org/10.1080/15350770.2021.1945989>

Correa T. (2014) Bottom-up Technology Transmission Within Families: Exploring How Youths Influence Their Parents' Digital Media Use with Dyadic Data. *Journal of Communication*. Vol. 64. No. 1. P. 103–124. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcom.12067>

Corsten M. (1999) The Time of Generations. *Time and Society*. Vol. 8. No. 2–3. P. 249–272. DOI: <https://doi.org/10.1177/0961463X99008002003>

Manning N. (2013) "I mainly look at things on an issue by issue basis": Reflexivity and Phronesis in Young People's Political Engagements. *Journal of Youth Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 17–33. DOI: <https://doi.org/10.1080/13676261.2012.693586>

Moreno A., Urraco M. (2018) The Generational Dimension in Transitions: A Theoretical Review. *Societies*. Vol. 8. No. 3. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.3390/soc8030049>

Omelchenko E.L. (2021) Twenty Five Years of Youth Studies: Global Names — Local Trends. In: *Youth in Putin's Russia*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 1–65 DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-82954-4_1

Roberts S., France A. (2021) Problematizing a Popular Panacea: a Critical Examination of the (Continued) Use of "Social Generations" in Youth Sociology. *The Sociological Review*. Vol. 69. No. 4. P. 775–791. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038026120922467>

Timonen V., Conlon C. (2015) Beyond Mannheim: Conceptualising How People "Talk" and "Do" Generations in Contemporary Society. *Advances in Life Course Research*. Vol. 24. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2015.03.001>

Woodman D., Leccardi C. (2015) Generation, Transitions, and Culture as Practice: a Temporal Approach to Youth Studies. In: *Youth Cultures, Transitions, and Generations. Bridging the Gap in Youth Research*. London: Palgrave Macmillan. P. 56–68. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137377234_5

Сведения об авторе:

Нартова Надежда Андреевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** nnartova@hse.ru. **ПИНЦ Author ID:** 782036; **ORCID:** 0000-0001-9026-3047; **ResearcherID:** K-6388-2015.

Статья поступила в редакцию: 14.02.2024

Принята к публикации: 06.06.2024

БАК: 5.4.4

Metaphorical Foundations of the Generational Imaginary of Urban Russian Youth³

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.2

Nadezhda Nartova HSE University, St. Petersburg,
E-mail: nnartova@hse.ru

The concept of generation has not lost its relevance for many decades; moreover, in the context of the erosion of traditional social classifications, it has acquired particular significance in the formation of social identities. Generational optics are actively used not only in academic debate, but also in political, media, and marketing. The names assigned to cohorts in public discussion become their name, sometimes a stigma or brand, but are not always recruited and used by individuals themselves to describe their generation. The metaphors used in generational names structure the understanding of a generation, its characteristics and place in the socio-historical process. Of particular interest is young people, who are actively building a picture of the world and defining their own generation. The article focuses on the metaphorical foundations of the generational imaginary of modern Russian youth. Based on the materials of 61 qualitative interviews with urban educated middle-class youth in St. Petersburg, four key metaphorical concepts of generation were identified, one of which is common to all the youth studied, three are cohort-specific. A common one involves the metaphor of “technological change”. Cohort-specific ones, reflecting both the difference in life stages and generational characteristics, are represented by the metaphor of “deceived hopes” among 30-year-olds, the metaphor of “children of the 90s” among 25-year-olds, and the metaphor of “moving forward” among 20-year-olds.

Keywords: youth; generation; metaphor; generational imaginary; qualitative methods

Author Bio:

Nadezhda Nartova — Candidate of Sociology, Senior Research, Centre for Youth Studies, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** nnartova@hse.ru. **RSCI Author ID:** 782036; **ORCID:** 0000-0001-9026-3047; **ResearcherID:** K-6388-2015.

Received: 14.02.2024

Accepted: 06.06.2024

³ This article is an output of a research projects implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.3

EDN: DAZQVK

Трудовые ценности в поколенческом аспекте на примере младших миллениалов Санкт-Петербурга

Ссылка для цитирования:

Балацук Е. С., Кресникова Е. В. Трудовые ценности в поколенческом аспекте на примере младших миллениалов Санкт-Петербурга // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 2. С. 50–68. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.3> EDN: DAZQVK

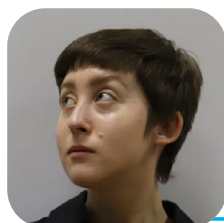
For citation:

Balatsiuk E. S., Kresnikova E. V. (2024) Work Values in the Generational Aspect on the Example of Younger Millennials of Saint Petersburg. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 2. P. 50–68. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.3>

Балацук Елизавета Сергеевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: ebalatsiuk@hse.ru

Кресникова Елизавета Витальевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: ekresnikova@hse.ru

В статье рассмотрены карьерные траектории и трудовые ценности представителей поколения младших миллениалов, проживающих в Санкт-Петербурге и работающих в сфере образования и науки, IT, промышленности и сфере услуг, имеющих стабильный средний уровень дохода. На основе анализа полуструктурированных интервью описаны и проинтерпретированы их представления о значимости постоянной занятости: желаемом уровне заработной платы, личной ответственности на рабочем месте, отношениях с коллегами, требуемых навыках, стабильности и жизненной

устойчивости. Тем не менее в нарративах встречаются и другие установки, что свидетельствует о неоднородности группы младших миллениалов. Это стремление к стабильности, коллективной поддержке и солидарности, желание избежать риска и precariousности. Особенностью трудовых ценностей младших миллениалов является их гибридный характер, определенный нами в терминах ориентации на «стабильный характер работы» и «индивидуальный характер работы». В результате в статье утверждается, что рефлексивность и индивидуализация, стремление к обретению агентности и самостоятельности могут отражать не только поколенческие ценности, но и дискурс среднего класса о труде.

Ключевые слова: трудовые ценности; младшие миллениалы; поколение; труд; работа по найму

Трудовые ценности младших миллениалов в эпоху гибкой занятости

Сфера труда в современном российском обществе может быть описана в категориях гибкости и дестандартизации многих аспектов трудовой деятельности. Такие глобальные процессы, как цифровизация, глобализация экономики и организации труда в целом, а также распространение гибких форм занятости [Стэндинг, 2014; Гребер, 2020], выражаются в ненормированности рабочего дня, отсутствии четких стандартов организации трудовой деятельности, нерегламентированности отношений работодателя с работниками. Результатами этих процессов становятся прекаризация и уязвимость работников, а также изменения в ценностных ожиданиях относительно труда.

В обществе постмодерна ответственность за структурные проблемы переносится на индивидуализированного субъекта [Beck, 1994], который должен отвечать новым требованиям и проявлять рефлексивность относительно себя и социальных условий своего труда. Процессы трансформации характера труда — гипериндивидуализация, прекаризация, маргинализация — оказывают непосредственное влияние на жизнь молодых горожан [Ernst, 2016].

Статусные социальные позиции перестают быть фиксированными, и социальные роли рефлексивно переизобретаются самими людьми в условиях неопределенности и индивидуализации [Giddens, 1991]. В этом контексте рефлексивно оцениваться могут и трудовые ценности. Критическая рефлексия [McNay, 1999; Adkins, 2003] в отношении трудовых установок может приводить к изменениям и появлению новых представлений о престиже и нормах трудовой деятельности.

Различия в трудовых ценностях прослеживаются и между поколениями. Эти расхождения обуславливаются меняющимися условиями работы на момент выхода каждого поколения на рынок труда [Cennamo, Gardner, 2008: 892]. В данной статье мы фокусируемся на младших миллениалах, которые родились в 1991–2000 гг. [Радаев, 2020]. В центре нашего анализа — трудовые

ценности работающих по найму младших миллениалов, возрастной когорты, чье взросление пришлось на период экономического спада и распространения новых технологий и социальных сетей [Радаев, 2020]. Мы исходим из идеи, что в поколении российских миллениалов существуют общие разделяемые ценности относительно труда и работы, которые были сформированы в результате трансформации социально-экономических условий. При этом внутри одного поколения трудовые ценности могут различаться, так как они будут зависеть от разных социальных позиций, в том числе от формы занятости молодых людей. Это обуславливает интерес к тому, каковы те трудовые ценности, которые разделяют младшие миллениалы, в частности те, кто проживает в большом городе (Санкт-Петербург) и занят в сфере найма.

Трудовые ценности в поколенческом аспекте

Различие в ценностных ориентациях в отношении труда проявляется на поколенческом уровне. Границы между поколениями, согласно К. Мангейму, определяются не столько единством возраста и хронологическим периодом, сколько пережитым опытом, включающим переломные и формационные политические и социо-экономические события. Этот опыт поколения впоследствии отражается в поколенческом сознании [Mannheim, 1970: 388], где переживаемые исторические события по-разному интерпретируются и становятся основанием для появления «поколенческого габитуса» [Aroldi et al., 2011].

Одна из сторон критики поколенческого подхода связана с нивелированием классового и гендерного аспектов, влияющих на конструирование и воспроизводство поколенческих установок [France, Roberts, 2015]. Поэтому в фокусе современных поколенческих исследований находится процесс реконструкции моделей классового и гендерного неравенства [Risman, 2018; Woodman, 2018]. Этот процесс затрагивает и пересмотр нормативных моделей трудового поведения, а также репрезентации себя в качестве работника той или иной сферы [Worth, 2016: 1305]. Учет этих моделей, структурирующих стиль жизни и ценности, позволяет увидеть поколение как гетерогенную общность, внутри которой ценности труда могут дифференцироваться в зависимости от других социальных позиций.

Такая внутрипоколенная дифференциация характерна и для миллениалов. Они выросли в условиях ценностных изменений относительно труда, особенно в сознании работодателей. Так, клиентоориентированность организаций сменяется ориентацией на сотрудников, что предполагает внимание к их запросам на профессиональное продвижение, развитие корпоративной социальной ответственности, а также прозрачность рабочих процессов и соблюдение баланса здорового образа жизни и труда [Calk, Patrick, 2017; Mahmoud et al., 2020]. Среди требований сотрудников значимым аспектом остается и заработная плата — как внешнее вознаграждение за труд и показатель статуса работника [Lancaster, Stillman, 2003; Arnett, 2004].

Ценности миллениалов часто ассоциируются с ценностными установками среднего класса: амбициозностью жизненных целей, надеждой на своих работодателей и настойчивостью в реализации карьерных ожиданий. Среди ключевых ценностей, касающихся организации и содержания труда, исследователи отмечают ориентацию на высокую эффективность, динамику развития, этичность и приоритет индивидуального развития и признания [O'Connor, Raile, 2015]. Отмечается значимость для этой поколенческой группы фактора гибкости, а не стабильности работы, — готовность к ее активному поиску, а также легкая смена места работы на более подходящую, соответствующую персональным запросам и требованиям [Bannon et al., 2011]. В российском контексте исследователи также отмечают ориентацию поколения миллениалов на постматериальные ценности в сфере труда, на долгосрочную профессиональную деятельность. Так, согласно данным А. Поплавской, студенты, обучающиеся в вузах, связывают свою мотивацию к будущей работе не только с заработком, но и с заинтересованностью в развитии своих навыков. В другом исследовании студенты подчеркивали важность принесения общественной пользы своей трудовой деятельностью, даже при условии ее низкой оплаты [Поплавская, 2023: 36]. При описании трудовых ценностей и карьерных траекторий миллениалов им зачастую приписывают ценностные установки неолиберальной культуры — гипериндивидуализм, ориентацию на личный успех, приоритет личного над коллективным в трудовых отношениях, готовность к гибкости карьеры, что проявляется в частой смене места работы.

Подобный дискурс миллениалов создает искаженную репрезентацию группы младших миллениалов [Mirrlees, 2015], поскольку не учитывает специфику трудовых ценностей рабочей молодежи из этой группы.

Для младших миллениалов, рожденных в 1991–2000 гг., характерен уход от линейной модели карьерной траектории: более частая смена места работы [Твенге, 2019], снижение лояльности к работодателю и компании, неготовность к планированию долговременной карьеры, а также стремление к балансу между работой и частной жизнью, меньший страх потерять работу, востребованность гибких форм занятости [Аранжин, Нехода, 2022].

Помимо общности трудовых ценностей, внутри когорты младших миллениалов можно наблюдать также и разнообразие в их трудовых ориентациях. Среди вузовской молодежи прослеживается как ориентация на высокую заработную плату и хорошие условия труда, так и ориентация на работу, которая поможет найти свое место в обществе и принести общественную пользу [Shevchuk, Strebkov, Davis, 2018; Поплавская, 2023].

Разнообразие ценностных установок по отношению к труду наблюдается и среди рабочей молодежи. Из-за специфики труда она не может рассчитывать на гибкую занятость и возможность контролировать распорядок и график работы [Hubers et al., 2011]. Исследования рабочей молодежи показывают высокую значимость гарантированной стабильности и социальных льгот [Вознесенская, 2013], для нее профессиональная самореализация не выступает основополагающей ценностью [Андреева, Лукьянова, 2019]. На этом примере можно видеть, как структура рабочих мест может отражаться на трудовых

ценностях представителей одной поколенческой группы. На гетерогенность поколения младших миллениалов в рамках их трудовых ориентаций указывает, например, и то, что для некоторых молодых людей, работающих по найму, ключевой мотивацией остается поиск стабильности и гарантированной занятости, а не успешности и возможности самовыражения [Андрианова, Тарасова, Печеркина, 2018]. Отмечается и стремление к поиску баланса между удовлетворением от содержания работы и материальным вознаграждением за труд, а не безусловное стремление к успеху [Козина, Виноградова, 2016].

Тезис о гетерогенности внутри поколения миллениалов, чье восприятие труда может обуславливаться не только возрастным и поколенческим статусом, но и другими социальными позициями, проблематизирует дискурс о единстве трудовых установок внутри одного поколения, репрезентируемого как поколение индивидуализированных работников, нацеленных на быстрый карьерный рост. Это подводит к нашему исследовательскому вопросу: какие трудовые ценности будут воспроизводить в своем нарративе младшие миллениалы, занятые в сфере найма и проживающие в таком большом городе, как Санкт-Петербург?

Методология

Представленные ниже результаты основаны на данных эмпирического исследования «Поколенческая идентичность, жизненные выборы и устойчивость российской молодежи», которое было выполнено командой Центра молодежных исследований в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2023 году. В его фокусе были поколенческие идентичности современных молодых людей, их жизненные планы, выборы и стратегии сохранения устойчивости в условиях структурной неопределенности.

Сбор и анализ данных проводились по методологии качественных исследований. В рамках проекта собрано 90 глубинных полуструктурированных интервью с молодыми людьми из Санкт-Петербурга, различающихся по форме занятости: работники, занятые на производстве; работники культурной и социальной сферы; работающие в сфере сервиса; самозанятые и предприниматели; безработные. Выборка проекта гендерно сбалансирована, возраст информантов составлял 18–35 лет. Внутри выборка делилась на две подгруппы молодежи — нарождающегося поколения (18–25 лет) и доминирующего поколения (26–35 лет), по каждой возрастной когорте было собрано 45 интервью.

Из собранных в рамках проекта глубинных полуструктурированных интервью в нашу выборку для последующего анализа были отобраны 30 интервью с молодыми людьми в возрасте 23–30 лет, 14 из которых — мужчины и 16 — женщины, работающие по найму. В рамках данной статьи в нашей выборке информанты заняты в трех сферах: в сфере культуры, в сервисе и на производстве. Те из них, кто работает в сфере производства, являются высококвалифицированными сотрудниками: двое — инженеры, один — экономист

на заводе, программист, сотрудница завода электроники, наладчик оборудования, четверо — управленцы. Пятеро сотрудников, занятых в сфере культуры, занимаются преподавательской и научной деятельностью, двое работают в библиотечных структурах, один информант — корректор текстов, двое занимают управленческие должности в организациях сферы культуры. Шестеро сотрудников из сервиса заняты в IT-сфере, трое занимают административные должности и один информант — сотрудник службы поддержки в одном из российских банков.

Первым критерием отбора информантов был возраст — в выборку вошли молодые люди, которые относятся к когорте младших миллениалов [Радаев, 2020]. Вторым критерием отбора является формат занятости: на момент сбора данных все информанты работали по найму на постоянной основе и имели трудовой договор (формальную занятость). Данный критерий определяет структуру и специфику труда, что может отражаться на осмыслении занятости самими информантами.

Информанты имеют разный бэкграунд: 12 человек из нашей выборки проживают в Санкт-Петербурге с рождения, однако большинство информантов переехало из малых и больших городов России, в их числе четыре информанта, проживавшие ранее в деревнях и поселках, и один, проживавший в военном городке. На момент сбора поля 12 информантов проживали в собственной квартире, четверо из них — с родителями или с другими членами семьи. Остальные информанты арендовали жилье самостоятельно либо с друзьями, партнерами или супругами. Оконченное высшее образование есть у 23 информантов, в их числе двое учащихся в аспирантуре. Один из информантов — в процессе получения высшего образования. Четверо информантов не окончили высшее образование и отчислились из вузов, а двое имеют среднее специальное образование.

Выборку для анализа, таким образом, составили молодые горожане, имеющие стабильный средний уровень дохода. Говоря о среднем уровне дохода, стоит упомянуть, что информанты, как правило, не озвучивали размер получаемой заработной платы. С учетом формата занятости и должности можно предположить, что «средний доход» информантов примерно соотносится с официальными данными о доходе в городе. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики средняя заработная плата работника, проживающего в Санкт-Петербурге (например, за сентябрь 2023 года, как это приведено в документе), составляет 90 тыс. рублей¹.

Это задает определенные ограничения для интерпретации результатов: рассматриваемые трудовые ценности нельзя экстраполировать на всю поколенческую когорту младших миллениалов, так как она гетерогенна. Другим существенным ограничением выступает то, что при сборе данных тема работы не была ключевой. Поэтому многие аспекты, связанные с трудом, не отражены в нарративах информантов. Например, эмпирический материал

¹ Средняя заработная плата одного работника в Санкт-Петербурге, начисленная за сентябрь 2023 года // Росстат. URL: <https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ZR092340.pdf> (дата обращения: 06.06.2024).

не позволяет рассматривать вопрос о трудовых ценностях с точки зрения гендерной проблематики.

При анализе мы сфокусировались на производстве и трансформации представлений о трудовых ценностях, через артикуляцию которых производятся и воспроизводятся классовые представления о престиже и трудовых нормах. Для рассмотрения класса в данном контексте применима концепция габитуса Пьера Бурдьё [Бурдьё, 2001], который определяет диспозицию субъекта в полях власти. Такая диспозиция зависит от обладания совокупностью капиталов и воспроизводится через действия. Эти позиции порождают представления и смыслы о привилегиях, престиже, ограничениях и возможностях [Ortner, 2006]. Тем не менее практики и предрасположенности субъекта не строго структурированы, а могут рефлексивно восприниматься и оцениваться субъектом [Бурдьё, 2001].

Воспроизводимые информантами классовые представления о ценности труда могут быть отнесены к среднеклассовым. Под средним классом в статье понимается символическое сообщество, представители которого обладают высоким уровнем человеческого капитала, заняты на позициях специалистов и управленцев высокой квалификации, имеют уровень материальной обеспеченности не ниже среднего [Головляничина, 2009; Savu, Lipan, Crăciun, 2020].

Используя методы обоснованной теории А. Страуса и Дж. Корбина, построочное кодирование и осевое кодирование, мы выделили ряд кодов из нарративов информантов, которые объединили в категории. Например, категория «опосредованный рост компетенции» состоит из таких кодов, как «хард-скиллы», «софт-скиллы», «возможность обучения». Сами категории составили блоки, связанные с разными аспектами желаемой занятости и работы. Так, в блок «возможность саморазвития» вошли категории: «непосредственный рост компетенции», «опосредованный рост компетенции», «повышение эмоциональной устойчивости». Ключевыми блоками стали следующие: «достижение определенного уровня заработка», «этика рабочей коммуникации», «возможность саморазвития» и «стабильный характер работы», «индивидуальный характер работы».

Трудовые ценности младших миллениалов в контексте их классовости

В своих нарративах о работе молодые люди описывали собственный опыт, выделяя положительные и отрицательные аспекты работы. Эти аспекты можно объединить в несколько тематических блоков, которые характеризуют представления информантов о трудовых ценностях: достижение определенного уровня заработка, соблюдение этики рабочей коммуникации, возможность саморазвития, комфортный характер работы. В совокупности представленные трудовые установки формируют представления о желаемой занятости.

Заработная плата. Для всех информантов работа осмысливается в рамках экономических категорий: как источник заработка, финансового роста, экономического благополучия. Уровень заработной платы остается важным

показателем желаемой работы. В интервью информанты не указывали конкретную сумму денег, которая являлась бы показателем экономической успешности, так как это не закладывалось в изначальный исследовательский инструмент. Тем не менее в нарративах присутствуют две линии оценки желаемого заработка. Первая линия связывает денежные ожидания с возможностью удовлетворять свой потребительский запрос и обеспечивать текущий уровень жизни:

«Какие-то больше требования по деньгам у меня сейчас появились, потому что чем больше ты зарабатываешь, тем больше ты хочешь» (Инт. № 10, Ж., 25 лет, корректор текстов).

Для информантов, которые придерживаются этой ценностной линии, желателен тот уровень заработной платы, который позволяет покрывать все потребности, соответствующие их образу жизни. Несколько информантов отмечали, что отказались работать по полученной специальности, так как профессия оказалась невостребованной на рынке труда и была малооплачиваемой:

«Хотелось, конечно, найти работу по профессии, то есть психологом по диплому, — так правильнее будет, но большая часть доступных мне профессий, как мне кажется, не удовлетворяла мои денежные потребности зарплатные» (Инт. № 4, М., 25 лет, системный аналитик).

Для таких информантов минусом желаемой работы становится фиксированный характер заработной платы без возможности ее увеличения. Отмечая свою большую включенность в работу, информанты негативно оценивали то, что на их теперешнем месте работы личная производительность не влияет на итоговый заработок:

«Не нравится — это зарплата, которая не зависит от того, как ты поработал, и она всегда у всех одинаковая и довольно, ну, на минималке по Санкт-Петербургу...» (Инт. № 24, М., 28, программист на электротехническом предприятии).

Вторая линия оценки желаемого заработка исходит из того, что он обеспечивает самостоятельность и возможность самому определять свою жизнь, особенно в период сепарации от родителей. Деньги, получаемые за работу, дают информантам свободу, возможность самостоятельно принимать решения и расставлять приоритеты:

«...То есть как будто я уже осознанно прихожу в свою сферу и делаю на этом деньги, живя свободно. То есть у меня тоже была цифра такая про свободу. Деньги, свобода, секс — это все, что мне нужно» (Инт. № 15, Ж., 24 года, менеджер).

То есть желаемый уровень трудового заработка должен давать возможность обрести контроль над жизнью и проявлять агентность. При выборе работы информанты ориентировались на определенный уровень заработной платы как необходимый минимум для начала самостоятельной жизни без участия родителей и их регулярной финансовой помощи.

Такое отношение к персональному экономическому капиталу отражает, с одной стороны, понимание работы в категориях среднего класса, для которого престиж должности выражается в том числе в определенном уровне заработка. С другой стороны, нарратив о заработке отражает рефлексивное восприятие: заработок связывается не столько с высоким социальным статусом, сколько с обретением независимости во взрослой жизни. Тем не менее хороший заработок не всегда артикулируется информантами как результат полезной и «небредовой» [Гребер, 2020], по их мнению, работы:

«...Ты десять часов сидишь на стуле, два через два я получал что-то, типа, 40 тысяч, 45, манна небесная снизошла, что меня взяли на работу, где я получаю больше, чем получал администратором, и делаю то, что мне хочется...» (Инт. № 2, М., 24 года, разработчик сайта).

На зарплатных ожиданиях информантов, возможно, сказывается стоимость жизни в Санкт-Петербурге. Сами информанты не артикулируют город как проблему, а скорее воспринимают его как ресурс для профессиональной самореализации, в том числе в качестве стимула для получения большего заработка. Такая рефлексия характерна для приехавших из других городов информантов:

«Потом, когда я переехала сюда, у меня тоже была повышенная стипендия, но для большого города это было маловато. Ну, и мне в целом уже хотелось как-то начать себя реализовывать, потому что уже достаточно такой взрослый возраст. И я начала заниматься репетиторской деятельностью» (Инт. № 20, Ж., 27 лет, начальник хлебопекарного цеха).

Деньги становятся не самоцелью, выбор работы происходит с опорой и на постматериальные ценности, но ориентация на них отмечается в качестве характерной черты младших миллениалов [Поплавская, 2023: 36]. При этом артикуляция этой трудовой ценности происходит в категориях среднего класса.

Этика рабочей коммуникации. Второй значимой трудовой ценностью выступает этика рабочей коммуникации, это упоминают почти все информанты. Они отмечали, что комфорт на рабочем месте предполагает наличие разделяемых взглядов на общественные события, солидарность. Другой составляющей этики называется доброжелательная атмосфера и возможность комфортно общаться с коллегами. Такому комфорту способствуют отсутствие возрастных и статусных барьеров при общении, готовность поддерживать

и помогать в обучении. Агентами поддержки выступают коллеги, наличие таких коллег является критерием, на который ориентируются при выборе желаемой работы:

«Потом я сменила работу, где довольно теплый коллектив и все остальное... и мне понравилось делать, выполнять данную работу, потому что меня хорошо обучают, это довольно интересно, я могу комфортно общаться, то есть нет такого какого-то возрастного это... ограничений каких-то возрастных, что я могу комфортно общаться» (Инт. № 13, Ж., 23 года, технический инженер).

Коллеги значимы и в качестве агентов внешней валидации своего труда как личного вклада в командную работу. Отсутствие же солидарности и поддержки со стороны коллектива, регулярные конфликты воспринимаются как негативная характеристика места работы.

Другими агентами, которые осуществляют валидацию труда, являются работодатели. Подобная валидация может выражаться в увеличении заработной платы, надбавках, повышении по должности, высокой оценке результатов работы. При этом образ руководителя негативен для информантов тогда, когда руководящее лицо поддерживает формальную жесткую иерархию, ставит невыполнимые задачи, не может выстроить четкий рабочий процесс:

«Это повышение в зарплате, может быть, какие-то премии. Что-то еще. Чтобы, наверное... Кто-то со стороны оценил твои какие-то новые, новые ачивки, ну типа твои новые скиллы, которые ты изучил» (Инт. № 17, М., 26 лет, инженер);

«Вот проблемы с иерархией было гораздо меньше. Как раз-таки была вот у меня на работе первой с государственной конторой, где было гораздо сложнее подойти к любому начальнику, чтобы что-то подписать, починить и так далее» (Инт. № 28, М., 29 лет, тестировщик).

То есть ценность труда осмысливается информантами с опорой на других социальных агентов, непосредственно задействованных в их работе: коллег и работодателей. Такая внешняя валидация, а также наличие общих этических оснований в работе и солидарность выступают значимой трудовой ценностью, на которую ориентируются молодые люди и через призму которой оценивают свои рабочие условия.

Значимость этики и признания может интерпретироваться и как характерная для младших миллениалов поколенческая черта [O'Connor, Raile, 2015], и как воспроизводство среднеклассового дискурса, который предполагает преуспевание за счет личных усилий [Вайс, 2021]. Таким образом, приобретенный социальный капитал используется для утверждения своего положения на рынке труда, выступает ресурсом для легитимации своего символического статуса.

Саморазвитие. Работа оценивается информантами и как источник для саморазвития, и как ресурс повышения своего уровня компетенции. Это саморазвитие может быть опосредованным — через приобретение «софт-скиллов» и «хард-скиллов». К первым информанты относят коммуникативные способности, тайм-менеджмент, умение выстраивать личные границы. «Хард-скиллами» информанты называют навыки, непосредственно связанные с выполняемой работой:

«Плюс я развивалась как преподаватель и как методист, потому что у меня были какие-то временные подработки, я была методистом по немецкому и литературе, я создавала, делала задания в формате ЕГЭ, составляла. Плюс я проверяла эти задания сама. То есть как-то редактурa, копирайтинг» (Инт. № 11, Ж., 23 года, менеджер образовательных программ).

Потребность развивать свои навыки, не всегда напрямую связанные с работой, мотивируется формированием своего потенциала как работника. Новый рабочий опыт означает накопление своего культурного капитала, что может конвертироваться в символический статус профессионала:

«...Пока вот цель — это именно приобрести опыт, который потом можно будет во что-то вот предложить другому работодателю или этому же в качестве повышения» (Инт. № 6, М., 25 лет, заместитель начальника коммерческого отдела на заводе).

Стремление к накоплению профессионального опыта и развитию навыков отражает характерную для современного общества модель неолиберальной субъектности — «предпринимательское Я». Эта трудовая модель ориентирована на создание «собственной полезности», чтобы соответствовать требованиям современного рынка [Christiaens, 2020].

Профессиональный рост. Профессиональный рост рассматривается как результат прикладываемых усилий и личностного развития. Он становится частью символического капитала и может внешне валидироваться за счет формального повышения:

«...Движение вперед, то есть, вот, стабильность, появляется от внимания и ощущений, что есть определенное развитие, есть ставящиеся и выполняющиеся задачи, которые постепенно приводят к улучшению условий труда и упрощению...» (Инт. № 5, М., 25 лет, преподаватель).

Стремление к развитию в своей сфере обусловлено как недостатком профессионального опыта и желанием его обрести, так и стремлением улучшить деятельность своей организации. Подобное желание возникает, если рабочие процессы не соответствуют ожиданиям и снижают эффективность работы:

«Случается вот эта ситуация рабочая, и я думаю о том, что я не хочу упускать этот, вот наконец-то не хочу упускать этот шанс, хочу по-работать на этой специальности, звучит круто, наверное, я получу какой-то восхитительный опыт, прокачаю себя» (Инт. № 29, Ж., 29 лет, библиотекарь).

Информанты фиксируют, что работа может выступать ресурсом для повышения собственной эмоциональной устойчивости, способом совладания со стрессом, вызванным внешними факторами и событиями, при возникновении внешних неконтролируемых рисков в социально-политической общественной жизни, в моменты переживания депрессивных состояний.

Информанты указывают, что погружение в рабочую рутину может быть формой эскапизма, отвлечения от подобного рода проблем. Такой способ совладать со стрессом наделяет регулярный, иногда рутинный, труд положительной коннотацией:

«Ну да, когда много работаешь, не сильно много думаешь про что-то, правильно? Вот и ну да, наверное, так» (Инт. № 9, М., 25 лет, преподаватель в вузе).

В целом в нарративе о ценности саморазвития информанты воспроизводят неолиберальный дискурс прагматичного индивидуализма среднего класса, который предполагает возможность самостоятельно управлять рисками для сохранения своего статусного положения [Чернова, Шпаковская, 2020].

Комфортный характер труда. Четвертой значимой ценностью труда выступает комфортный характер самой работы. Все информанты работают по найму, их занятость может быть охарактеризована как регулярная и постоянная, предполагающая наличие четких задач. В общем нарративе информантов можно выделить две линии обоснования ценности подобной занятости: первая оценивает занятость по степени ее стабильности, вторая — по степени личной вовлеченности.

Стабильный характер работы и индивидуальный характер работы. Было выделено два блока нарративов. Информанты, придерживающиеся первой оценки, отмечали, что непостоянство занятости, неясность цели и границ личной ответственности негативно сказываются на общем восприятии работы. При этом оценивался не только сам факт «постоянная работа», но и отдельные преимущества, с ней связанные, совокупность которых и составляла представление о «стабильности». Работа для этой части информантов выступает стабилизирующим элементом повседневности. Поэтому ценность трудовой деятельности для них определяется тем, насколько она создает чувство уверенности, устойчивости и постоянства:

«...Я официально работаю три года именно на нормальной должности с нормальной зарплатой. В госучреждении. Это преимущество для ипотек. Ну, как бы в целом такое негласное, вот эта стабильность

как бы» (Инт. № 8, Ж., 24, заведующая сектором во Дворце детства и юношества).

«Стабильность» выражается в ясности рабочих задач, четком графике рабочего дня, регулярности заработной платы, которая гарантирует поддержание определенного образа жизни и уверенности в будущем. Обретение такой работы дает информантам ощущение личного комфорта и пространство для того, чтобы справляться со сложностями в других сферах жизни.

Для информантов, придерживающихся второй оценочной линии, значительно разнообразие в работе, которое бы смягчило рутинность труда и потерю контроля над ним. Возможность регулировать рабочие процессы, подстраивать их под себя выступает для них значимым критерием при оценке качества рабочего места. Эта регуляция может проявляться в принятии волевых решений и ответственности за возникающие проблемы и за других коллег, в рекомендациях руководству и решении возможных конфликтов:

«...Но мне очень повезло с начальством, оно подстроило под меня весь рабочий процесс и дает мне очень большую волю в моих действиях, поэтому я себя чувствую максимально комфортно сейчас» (Инт. № 1, М., 25 лет, администратор в типографии).

Индивидуальная включенность проявляется и в таком критерии, как личный интерес к работе. В случае, если трудовая деятельность позволяет человеку самореализовываться, воплощать личный профессиональный потенциал, информант оценивает такую занятость как перспективную и значимую для своей жизненной траектории в целом. Негативные же аспекты работы нивелируются за счет возможности получить удовольствие от выполнения интересных задач:

«А я люблю всякие вот эти конкурсы, штука с олимпиадами, умею хорошие вопросы составлять, такие, где обмозговать прям нужно, вычленив информацию из каких-нибудь источников. В общем, у меня есть такая скрупулезная черта — максимально глубоко погружаться в тему. Ну, и мне это нравится» (Инт. № 18, Ж., 26 лет, преподаватель в военной академии).

Такое стремление молодых людей говорит о ценности чувства собственной агентности, о стремлении проявить себя на работе. В этом выражается рефлексивное отношение к структурно заданным условиям труда и возможности их преобразования. Информанты, оценивающие значимость работы по степени ее стабильности, воспринимают собственную агентность как обретение контроля над полученными от руководства формальными производственными заданиями.

В совокупности перечисленные ценности, которые младшие миллениалы находят в труде, формируют их представления о значимости работы.

Нарративы отражают систему смыслов городской молодежи, рефлексию и интерпретацию трудовых ценностей и их новые критерии работы в целом. Для них значим не только уровень заработка, но и личностное развитие, этика коммуникаций, реализация своего потенциала. Ценность труда связывается с восприятием своей агентности — допустимости привнесения в работу личных интересов и принципов, перестройки рабочих задач и характера коммуникации под себя. Это те критерии, на которые ориентируются младшие миллениалы при выборе работы. Такие трудовые ориентации сближают информантов с другими российскими младшими миллениалами с их ориентацией на постматериальные ценности, этичность и самовыражение. Но у некоторых присутствует и альтернативная логика: значимость труда связывается с обретением стабильности и определенного уровня достатка.

В своих нарративах о работе младшие миллениалы опираются и на культурные установки современного неолиберального общества. Перечисляемые информантами ценности характерны для трудового дискурса современного среднего класса. Работа уже не является только исключительно способом заработка, к ней предъявляются новые требования, связанные с развитием своего культурного и социального капиталов, что позволяет быть более рефлексивным и экономически успешным субъектом.

Заключение

Поколению миллениалов часто приписываются амбициозность и ориентация на саморазвитие в сфере труда [Радаев, 2020], тем не менее ценностные установки относительно труда и работы внутри этого поколения не гомогенны. В своих нарративах младшие миллениалы Санкт-Петербурга озвучили ряд значимых для них трудовых ценностей, таких как соблюдение этики рабочей коммуникации, достижение определенного уровня заработка при комфортном характере работы, развитие своего культурного и профессионального капитала как работника. Каждая из этих ценностей может расцениваться как стремление к агентности и контролю над своей жизнью.

Определенный уровень заработной платы артикулируется как средство для достижения независимости и взрослости, как внешняя валидация своего труда и путь к солидарности с коллегами, за счет чего можно повысить свой статус в рабочей сфере [O'Connor, Raile, 2015]. Понимание комфортных условий труда связывается с обретением контроля над рабочими процессами. Подобные нарративы о своей работе формируют общую систему смыслов трудовой деятельности младших миллениалов — агентность, индивидуализм, рефлексивность и гибкость трудовой карьеры [Bannon et al., 2011].

Тем не менее в нарративах встречаются и другие установки: стремление к стабильности, коллективной поддержке и солидарности, желание избежать риска и precariousности, что свидетельствует о неоднородности группы младших миллениалов. О распространенности подобных ценностных установок среди данной поколенческой группы можно судить и на основании других

эмпирических работ [Андрианова, Тарасова, Печеркина, 2018; Козина, Виноградова, 2016]. Особенностью трудовых ценностей младших миллениалов является их гибридный характер, определенный нами в терминах ориентации на «стабильный характер работы» и «индивидуальный характер работы».

Проявляемая рефлексивность и индивидуализация, стремление к формированию себя как субъекта производственной сферы могут отражать не только поколенческие ценности, но и дискурс среднего класса о труде. Поэтому закономерно предположить, что классовые ориентиры наряду с поколенческими могут выступать значимой составляющей при рассмотрении разных систем трудовых ценностей.

Литература/References

Андреева Ю. В., Лукьянова Е. Л. Между работой, детьми и торговым центром: баланс жизни и труда в семьях молодых российских рабочих // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 122–141. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.08> EDN: TGDECE

Andreeva J.V., Lukyanova E.L. (2019) Between Work, Children and Shopping Center: Work-Life Balance in the Families of Young Russian Workers. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3. P. 122–141. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.08>

Андрианова Е. В., Тарасова А. Н., Печеркина И. Ф. Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 324–343. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.17> EDN: XSWAUX

Andrianova E.V., Tarasova A.N., Pecherkina I.F. (2018) Motivation and Labor Values of Youth: Development Paradoxes. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3. P. 324–343. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.17>

Аранжин В. В., Нехода Е. В. Влияние трудовых ценностей различных поколений работников на выбор форм и видов занятости: результаты теоретического анализа // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 1. С. 161–178. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.9.1.114077> EDN: TRHHZC

Aranzhin V.V., Nekhoda E.V. (2022) Labour Values Influence on the Choice of Employment Forms and Types: Theoretical Analysis Results. *Ekonomika truda* [Russian Journal of Labor Economics]. Vol. 9. No. 1. P. 249–270. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18334/et.9.1.114077>

Бурдые П. Дом, или Перевернутый мир // Практический смысл / Под ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. С. 221–231.

Bourdieu P. (2001) Dom, ili Perevernutyj mir [Home or an Upside-down World]. In: N. A. Shmatko (ed.) *Prakticheskij smysl* [The Logic of Practice]. St. Petersburg: Aletejya. P. 221–231. (In Russ.)

Вайс Х. Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение. М.: Издательский дом ВШЭ, 2021.

Weiss H. (2021) *My nikogda ne byli srednim klassom. Kak socialnaya mobilnost vvodit nas v zabluzhdenie* [We Have Never Been Middle Class: How Social Mobility Misleads Us]. Moscow: Izdatelskij dom VShE. (In Russ.)

Вознесенская Е. Д. Молодые рабочие: из села в город // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 75–91. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2013.3.421> EDN: RDLZZD

Voznesenskaya E.D. (2013) Young Workers: from Village to City. *Sotsiologicheskij Zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3. P. 75–91. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2013.3.421>

Головляницина Е. Б. Инновационен ли российский средний класс? Особенности профессиональной структуры и трудовых ценностей среднего класса накануне кризиса // Мир России. Социология. Этнология. 2009. Т. 18. № 4. С. 19–36. EDN: [NDSVTP](#)

Golovlyanitsina E. M. (2009) The Russian Middle Class: An Innovator? Professional Structure and Job Values of the Middle Class before the Economic Crisis. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 18. No. 4. P. 19–36. (In Russ.)

Гребер Д. Бредовая работа: Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ad Marginem, 2020.

Graeber D. (2020) *Bredovaya rabota: Traktat o rasprostranenii bessmyslennogo truda* [Bullshit Jobs: A Theory]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Козина И. М., Виноградова Е. В. Молодые инженеры: трудовые ценности и профессиональная идентичность // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 215–230. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.08> EDN: [TOWNPT](#)

Kozina I. M., Vinogradova E. V. (2016) Young Engineers: Work Values and Professional Identity. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1. P. 215–230. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.08>

Поплавская А. А. Ценность труда для студентов российских вузов: логики обоснования выбора в пользу личной выгоды или общественной пользы работы // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 2. С. 11–48. DOI: <https://doi.org/10.17323%2F1726-3247-2023-2-11-48> EDN: [DLWLAG](#)

Poplavskaya A. A. (2023) The Value of Work for Russian University Students: The Logic of Justifying the Choice in Favor of Personal Gain or Social Utility. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Journal of Economic Sociology] Vol. 24. No. 2. P. 11–48. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323%2F1726-3247-2023-2-11-48>

Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Издательский дом ВШЭ, 2020. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1> EDN: [STOTFS](#)

Radaev V. V. (2020) *Millenialy: kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo* [Millennials: How the Russian Society Changes]. Moscow: Izdatelskij dom VShE. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

Standing G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Transl. from Eng. by N. Usova. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Твенге Д. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым — и абсолютно не готовым ко взрослой жизни. М.: Рипол-Классик, 2019.

Twenge D. (2019) *Pokolenie I. Pochemu pokolenie Interneta utratilo buntarskij duh, stalo bolee tolerantnym, menee schastlivym — i absolyutno ne gotovym ko vzrosloj zhizni* [iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood]. Moscow: Ripol-Classic. (In Russ.)

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. «На других надейся, а сама не плошай». Прагматический индивидуализм как дискурсивная стратегия нормализации биографий молодых представительниц среднего класса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 173–194. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1691> EDN: [UPBBAS](#)

Chernova Z. V., Shpakovskaya L. L. (2020) “God Help Those Who Help Themselves”. Pragmatic Individualism as a Discursive Strategy for Normalizing the Biographies of Young Middle-Class Women. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public

Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6. P. 173–194. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1691>

Adkins L. (2003) Reflexivity: Freedom or Habit of Gender?. *Theory, Culture & Society*. Vol. 20. No. 6. C. 21–42. DOI: <https://doi.org/10.1177/0263276403206002>

Aroldi P. et al. (2011) Generational Belonging between Media Audiences and ICT Users. *Broadband Society and Generational Changes*. Vol. 5. P. 51–68.

Arnett J.J. (2004) *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens through the Twenties*. Oxford: Oxford University Press.

Bannon S., Ford K., Meltzer L. (2011) Understanding Millennials in the Workplace. *The CPA Journal*. Vol. 81. No. 11. P. 61–65.

Beck U., Giddens A., Lash S. (1994) *The Reinvention of Politics: Towards a Theory of Reflexive Modernization*. Cambridge: Polity Press.

Calk R., Patrick A. (2017) Millennials Through the Looking Glass: Workplace Motivating Factors. *The Journal of Business Inquiry*. Vol. 16. No. 2. P. 131–139.

Cennamo L., Gardner D. (2008) Generational Differences in Work Values, Outcomes and Person-Organisation Values Fit. *Journal of Managerial Psychology*. Vol. 23. No. 8. P. 891–906. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/02683940810904385>

Christiaens T. (2020) The Entrepreneur of the Self beyond Foucault's Neoliberal Homo Economicus. *European Journal of Social Theory*. Vol. 23. No. 4. P. 493–511. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431019857998>

Ernst S. (2016) Issues and Aspects of Comparative Long-term Studies in Youth Unemployment in Europe: Biographical Constructions of "Generation Y". *Cambio: rivista sulle trasformazioni sociali*. Vol. 6. No. 12. P. 167–183. DOI: <https://doi.org/10.13128/cambio-20405>

Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity*. Cambridge: Polity Press.

Hubers C., Schwanen T., Dijst M. (2011) Coordinating Everyday Life in the Netherlands: A Holistic Quantitative Approach to the Analysis of ICT-Related and Other Work-Life Balance Strategies. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. Vol. 93. No. 1. P. 57–80. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0467.2011.00361.x>

France A., Roberts S. (2015) The Problem of Social Generations: A Critique of the New Emerging Orthodoxy in Youth Studies. *Journal of Youth Studies*. Vol. 18. No. 2. P. 215–230. DOI: <https://doi.org/10.1080/13676261.2014.944122>

Lancaster L.C., Stillman D. (2003) *When Generations Collide: Who They Are, Why They Clash, How to Solve the Generational Puzzle at Work*. New York: HarperBusiness.

Mahmoud A.B. et al. (2020) The Reincarnation of Work Motivation: Millennials vs Older Generations. *International Sociology*. Vol. 35. No. 4. P. 393–414. DOI: <https://doi.org/10.1177/0268580920912970>

Mannheim K. (1970). The Problem of Generations. *The Psychoanalytic Review*. Vol. 57. No. 3. P. 378–404.

McNay L. (1999) Gender, Habitus and the Field: Pierre Bourdieu and the Limits of Reflexivity. *Theory, Culture & Society*. Vol. 16. No. 1. P. 95–117. DOI: <https://doi.org/10.1177/026327699016001007>

Mirrlees T. (2015) A Critique of the Millennial: A Retreat from and Return to Class. *Alternate Routes: A Journal of Critical Social Research*. Vol. 26. P. 277–304.

O'Connor A., Raile A.N.W. (2015) Millennials' "Get a 'Real Job'": Exploring Generational Shifts in the Colloquialism's Characteristics and Meanings. *Management Communication Quarterly*. Vol. 29. No. 2. P. 276–290. DOI: <https://doi.org/10.1177/0893318915580153>

Ortner S.B. (2006) *Anthropology and Social Theory: Culture, Power, and the Acting Subject*. Durham: Duke University Press. DOI: <https://doi.org/10.1215/9780822388456>

Risman B.J. (2018) *Where the Millennials Will Take Us: A New Generation Wrestles with the Gender Structure*. New York: Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780199324385.001.0001>

Savu A., Lipan Ș., Crăciun M. (2020) Preparing for a "Good Life": Extracurriculars and the Romanian Middle Class. *East European Politics and Societies: and Cultures*. Vol. 34. No. 2. P. 485–504. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325419842209>

Shevchuk A., Strebkov D., Davis S.N. (2018) Work Value Orientations and Worker Well-Being in the New Economy: Implications of the Job Demands-Resources Model Among Internet Freelancers. *International Journal of Sociology and Social Policy*. Vol. 38. No. 9/10. P. 736–753. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/IJSSP-01-2018-0006>

Woodman D. (2018) Gender and Generations: Using a Generational Framework to Rethink Continuity and Change in the Gender Order. *AG About Gender-International Journal of Gender Studies*. Vol. 7. No. 13. P. 1–25. DOI: <https://doi.org/10.15167/2279-5057/AG2018.7.13.500>

Worth N. (2016) Who We Are at Work: Millennial Women, Everyday Inequalities and Insecure Work. *Gender, Place & Culture*. Vol. 23. No. 9. P. 1302–1314. DOI: <https://doi.org/10.1080/0966369X.2016.1160037>

Сведения об авторах:

Балацук Елизавета Сергеевна — младший научный сотрудник, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** ebalatsyuk@hse.ru. **ORCID:** 0000-0002-1117-305X.

Кресникова Елизавета Витальевна — стажер-исследователь, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** ekresnikova@hse.ru. **ORCID:** 0009-0009-4636-4110.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2024

Принята к публикации: 05.06.2024

BAK: 5.4.4

Work Values in the Generational Aspect on the Example of Younger Millennials of Saint Petersburg

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.3

Elizaveta S. Balatsiuk HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: ebalatsyuk@hse.ru

Elizaveta V. Kresnikova HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: ekresnikova@hse.ru

The article examines the career trajectories and work values of thirty representatives of the generation of younger millennials living in St. Petersburg and employed in education and science, IT, industry and services, with a stable average income. Based on the analysis of semi-structured interviews, narratives about the importance of permanent employment of young people are

described: the desired salary level, personal responsibility in the workplace, building relationships with colleagues, developing soft-skills and hard-skills, achieving stability and sustainability in life. Classism in the process of reproduction of labor values also remains a significant category. It is reflected in the narratives of informants about employment and is associated with gaining agency and independence in the process of gaining work experience.

Key words: labor values; younger millennials; generation; labor; employment

Authors Bio:

Elizaveta S. Balatsiuk — Junior Researcher, Center for Youth Studies, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** ebalatsyuk@hse.ru. **ORCID:** 0000-0002-1117-305X.

Elizaveta V. Kresnikova — Trainee Researcher, Center for Youth Studies, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** ekresnikova@hse.ru. **ORCHID:** 0009-0009-4636-4110.

Received: 15.04.2024

Accepted: 05.06.2024

Исследовательская рефлексия

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.4

EDN: NGDUFQ

Исследование бездомности: методология, эмоциональная вовлеченность и место исследователя в сенситивных полях

Ссылка для цитирования:

Кузинер Е. Н. Исследование бездомности: методология, эмоциональная вовлеченность и место исследователя в сенситивных полях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 2. С. 69–88. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.4> EDN: NGDUFQ

For citation:

Kuziner E. N. (2024) Homelessness: Methodology, Emotional Involvement and the Researcher's Role in Sensitive Field. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 2. P. 69–88. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.4>

Кузинер Евгения Николаевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: ekuziner@hse.ru

В фокусе статьи — исследовательская рефлексия работы социолога в уязвимом сенситивном поле на примере бездомности, а также анализ методологических аспектов изучения этого феномена. Автор обращает внимание на важность обсуждения вызовов и дилемм, с которыми сталкиваются социальные исследователи во время сбора эмпирических данных, а также языка, который используют практики при проведении интервью и презентации результатов для того, чтобы избежать экзотизации и дополнительной проблематизации групп, находящихся в уязвимой позиции. В статье затрагиваются вопросы места и роли исследователя в таких полях: выбор наиболее приемлемой методологии, степень эмоциональной вовлеченности, выстраивание границ с респондентом. Эмпирической базой работы стали данные авторского исследования, проводившегося в течение нескольких лет в соответствии с качественной парадигмой (N = 60).

Ключевые слова: качественные методы; уязвимые группы; бездомность; интервью

Введение

Вопросы методологии исследования в таком сложном поле, как изучение бездомности, редко попадают в фокус внимания авторов в качестве отдельной темы. При этом многие признают важность академического обсуждения логики выбора методов, рефлексии по поводу этической стороны изучения уязвимых сообществ, специфики эмоциональной работы в сенситивных полях [Омельченко, 2020; Hordyk, 2013; Menih, 2013; Казакова, 2010]. Авторы пишут о влиянии объекта исследования и выбранной методологии на исследовательский процесс и его результаты, а в дальнейшем — на интерпретации данных и их применение в области социальной политики помощи уязвимым группам [Hoolachan, 2015]. Анализ практико-ориентированной литературы по этой теме демонстрирует, что сотрудники НКО и социальных служб чаще используют данные, полученные с помощью количественной методологии (статистика, социально-демографические характеристики бездомных, отношение к бездомности и т.д.). Это можно объяснить тем, что практикам важно привлечь внимание к проблеме (показать количество бездомных, негативное отношение к ним). Истории людей с опытом бездомности также собираются, но, как правило, используются преимущественно для маркетинговых целей (попытка изменить существующие стереотипы, привлечение внимания к проблеме, поиск доноров). Социологический анализ в этом случае отсутствует. В академических исследованиях бездомности используются количественная [Цацура, Ключева, 2022; Pixley et al., 2020], качественная [Schmidt et al., 2015; Stephenson, 2006] и смешанная методологии [Rea, 2023; Heaslip et al., 2021; Коваленко, Строкова, 2013]. Большинство работ, как правило, начинается с обсуждения, кто понимается под «бездомными» (что будет рассмотрено и в этой статье). При этом дискуссия о методологии проведения исследования (особенно в российском научном поле) чаще всего остается вне сферы внимания.

В фокусе данной статьи — анализ методологических аспектов бездомности, рефлексия на темы, связанные с позицией исследователя в поле, с влиянием его гендерного и социального статуса, а также с этической стороной при изучении бездомности. В основе работы — исследование, проведенное автором в рамках кандидатской диссертации и посвященное гендерным аспектам бездомности. Оно проводилось в течение шести лет (2018–2022) в Санкт-Петербурге. Было взято 60 глубинных интервью с мужчинами и женщинами с опытом бездомности.

Контекст исследования и определение бездомности

Перед тем как приступить к дискуссии о методологических особенностях и вызовах, необходимо описать социальный контекст бездомности и дать ей определение. В научных и социальных дискуссиях нет общего консенсуса о том, как определяется бездомность. Однако именно от того, как мы определяем и концептуализируем этот феномен, зависит и то, кого и как мы

изучаем. В российском государственном дискурсе бездомность определяется как отсутствие регистрации и физическое отсутствие жилья¹. Сотрудники некоммерческих организаций при определении бездомности чаще всего опираются на «Европейскую типологию бездомности и жилищной маргинализации» (ETHOS), разработанную Европейской федерацией национальных организаций, работающих с бездомными (FEANTSA)². Эта типология трактует бездомность с точки зрения социального положения человека и наличия / отсутствия у него места, пригодного для проживания (не считая государственные и некоммерческие приюты). В ней выделяется четыре жизненных ситуации: уличная бездомность, проживание в приютах, проживание в небезопасных социальных условиях (включая домашнее насилие), проживание в неподходящем жилье (заброшенные здания, самодельные палатки и т.д.). Данная классификация рассматривает бездомных как гетерогенную социальную группу и позволяет охватить разные жизненные ситуации.

При изучении бездомности используются разные концепции. Бездомность может рассматриваться как социальный процесс [Watson, 2011; Платонова, 2009], как социальное положение (социальное дно и маргинализированная социальная группа) [Виноградова, 2021; Melnitzer, 2007; Осинский и др., 2003], а также как требующая обязательного решения социальная проблема [Зиннуров, 2023; Уфимцева, 2017; Коваленко, Строкова, 2013]. Последняя концептуализация бездомности особенно характерна для российских исследований.

В России данные о количестве бездомных, предоставляемые официальной статистикой, значительно отличаются от экспертных оценок (что как раз является следствием отсутствия единой методологии подсчета и консенсуса по определению бездомности). Так, согласно последней переписи населения, в России на 2020 год насчитывалось 11 285 бездомных, из них — 32 человека в Санкт-Петербурге³. Благотворительная организация «Ночлежка» приводит данные о примерно двух миллионах бездомных в России и около 60 000 человек, находящихся в ситуации бездомности, в Санкт-Петербурге⁴.

В своем исследовании я концептуализирую бездомность как динамический социальный процесс, который связан с отсутствием стабильного и безопасного жилья и вызван отсутствием или утратой ресурсов (материальных, социальных, экономических, культурных). Подобное понимание бездомности позволяет включать в поле зрения такие группы, как скрытые бездомные (живущие у знакомых или на месте работы). Этим объясняется и выбор качественной методологии исследования: именно посредством интервью и этнографических

¹ Закон Санкт-Петербурга «О социальном обслуживании населения в Санкт-Петербурге». 2019. URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2019/11/27/32/zakon_SPb_717135_red_04.07.2019_dei_01.10.2019.pdf (дата обращения: 15.03.2024).

² ETHOS — European Typology on Homelessness and Housing Exclusion // FEANTSA. URL: <https://www.feantsa.org/en/toolkit/2005/04/01/ethos-typology-on-homelessness-and-housing-exclusion> (дата обращения: 10.03.2024).

³ Данные переписи населения 2021 // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom11_tab2_VPN-2020.xlsx (дата обращение: 05.03.2024).

⁴ Результаты работы «Оценка числа бездомных на основании данных об их смертности» // ValiData. Market Research Public Opinion Studies. URL: https://homeless.ru/upload/iblock/a63/ltogi_raboty_po_modeli_HELP_VALIDATA.pdf (дата обращения 15.03.2024).

наблюдений можно лучше описать и понять опыт жизни бездомных и способы совладания с этой ситуацией.

В российском поле наблюдается практически полное отсутствие исследований, посвященных разным группам бездомных (пожилым бездомным, молодым бездомным, бездомным семьям, бездомным женщинам и т.д.). Однако у разных групп могут быть свои специфические пути попадания в статус бездомности, способы адаптации к нему и особые потребности. Именно понимание гетерогенности бездомных стало отправной точкой исследования гендерных аспектов бездомности [Кузинер, 2020]. Бездомные женщины как объект исследования для магистерской диссертации, а затем и для кандидатской были выбраны как одна из уязвимых и «невидимых» групп. Как и в отношении общего количества бездомных, в России отсутствует статистика по количеству бездомных женщин⁵ (данные общественных организаций и социальных исследований приводят пропорцию в 70–80% бездомных мужчин и 20–30% бездомных женщин)⁶. Однако женский опыт бездомности отличается от мужского (как и опыт других групп бездомных). Женщины оказываются наиболее стигматизированной подгруппой внутри этой стигматизированной группы (здесь добавляется и самостигматизация) [Bretherton, 2020]. В ситуации бездомности они подвергаются большей опасности [Rea, 2023]. На момент начала исследования (2018 год) в России также практически не было гендерно чувствительных сервисов (например, женских приютов).

Малая представленность женщин среди «видимой» группы бездомных (посетители социальных сервисов, жители приютов), отсутствие исследований, посвященных женской бездомности в России, — одна из причин начала данного исследовательского проекта. На момент начала исследования (2018 год, Санкт-Петербург) в Петербурге была достаточно развита социальная помощь бездомным людям: здесь существовала старейшая организация помощи бездомным людям «Ночлежка», а в 2023 году открылась первая в России медицинская клиника для бездомных. При этом город, по статистике НКО, занимает второе после Москвы место по количеству бездомных людей. На момент начала исследования в городе практически не было гендерно чувствительных сервисов для бездомных.

С полем бездомности я была знакома, так как работала волонтером в различных благотворительных организациях. При выборе темы я руководствовалась личным интересом, природным любопытством, а также сложностью поля. Гендерный фокус возник во время первичного анализа существующих исследований на тему бездомности и моего личного интереса.

⁵ Почему бездомность для женщины — больше, чем просто отсутствие крыши над головой? // Нужна помощь. 2023. URL: <https://nuzhnapomosh.ru/media/post/pochemu-bezdomnost-dlya-zhenshiny-bolshe-chem-prosto-otsutstvie-kryshi-nad-golovoj/> (дата обращения: 01.03.2024).

⁶ Социологический портрет бездомного (по данным межрегионального исследования «Правовые и социальные аспекты проблемы бездомности», 2006 год) // Бездомность в современной России: проблемы и пути их решения. Вестник межрегиональной сети «За преодоление социальной исключенности». Вып. 1 / Сост. А. Варсопки, Е. Ринн. СПб. 2008. URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/3017_import.pdf (дата обращения: 01.03.2024)

Как исследователю мне было интересно понять, как женщины, оказавшиеся на грани или в ситуации бездомности, справляются с ней, как адаптируются, какие у них жизненные траектории, что они испытывают, оказавшись в такой ситуации. Изначально я брала глубинные интервью с женщинами, проживающими в приютах при НКО, однако со временем фокус моего исследования расширился. Я познакомилась с другими исследователями. Мы стали ходить в заброшенные дома, палаточные лагеря, чтобы изучать разнообразный опыт бездомности и не ограничивать себя исследованием одной жилищной ситуации. Для своей кандидатской диссертации я решила провести исследование в целом гендерной специфики бездомности, для чего начала брать интервью и у бездомных мужчин.

Теоретической основой исследования стала теория социального капитала П. Бурдьё, а также развивающие ее концепции женского капитала и физического женского капитала [Watson, 2016]. В своей работе я изучаю, как конструируется маскулинный и феминный капитал в биографиях людей с опытом бездомности, как он используется для совладания с этой жизненной ситуацией. Также работа опирается на методологию гендерного анализа. Бездомность рассматривается как социальное состояние, наступившее в результате отсутствия необходимых ресурсов. При этом в состоянии бездомности мужчины и женщины как социальные агенты вырабатывают свои стратегии совладания с ситуацией бездомности.

Исследование бездомности: обзор методологической дискуссии

Социологические работы в области бездомности можно представить в виде нескольких групп: исследования, посвященные статистическим данным (количество и учет бездомных, проблемы подсчета и диагностики, выбор наиболее верной методологии) [Tsai, Alarcón, 2022; Талынев, Хвоин, 2018; Прохоров и др., 2017; Schneider et al., 2016]; исследования отношения к бездомности [Глушко, 2022]; исследования опыта бездомных [Stephenson, 2017; Højdestrand, 2011].

Качественные методы (биографические интервью, этнография) признаются исследователями бездомности как самый адекватный способ изучения уязвимых групп [Hoolachan, 2016], позволяющий предоставить право голоса людям, попавшим в столь уязвимое положение [Watson, 2023; Higgitt et al., 2003]. В последнее время среди зарубежных исследователей все более популярными становятся партисипаторные активистские методы и техники, основанные на творческих практиках. Например, такие как совместные с участниками исследования театральные постановки, базирующиеся на их жизненных историях, и дальнейший совместный анализ нарративов [Ansloos, Wager, 2019], совместное создание из текстов интервью поэтических текстов [Hordyk et al., 2014], фотовыставки и представление данных материалов широкой публике. Данные техники используются для усиления роли самих

изучаемых в проведении исследования, а результат работ заключается не только в научном вкладе в существующую дискуссию, но и в социальных действиях отдельных структур, способных повлиять на положение информантов.

Гендерные исследователи подчеркивают важность партисипаторных и арт-исследований, что дает возможность снять стигму с изучаемой группы, выровнять позицию исследователя и со-участников (информантов), дает им право на анализ своего опыта. Социологам это позволяет выйти за рамки классических академических работ и получить новые импульсы для научной рефлексии [Clover, 2011]. Однако партисипаторные исследования имеют и свои ограничения: члены данной группы, принимающие участие и в сборе данных, и в их анализе, не всегда обладают необходимыми компетенциями, что может влиять на качество исследования. «Со-участвующий» подход может также помешать сохранять объективность при анализе данных, а полученные результаты чаще всего могут быть отнесены к конкретному кейсу без возможности экстраполировать полученные знания на другие группы.

Российские исследователи бездомности чаще подходят к этой теме как к социальной проблеме, а цель исследования видят в том, чтобы понять, как можно ресоциализировать бездомных, «вернуть» их к «домашней» жизни [Метелева, Богданова, 2022; Низиньковская, 2020; Коваленко, Строкова, 2013].

Качественная методология, включая этнографию, пусть и нечасто, но все же используется в исследованиях бездомных в России. Шведская исследовательница Това Хольденстранд занималась этим вопросом в Санкт-Петербурге. В опубликованной по результатам книге она отмечала, что наблюдения, интервью, мини-беседы позволили ей достаточно глубоко изучить феномен бездомности, проанализировать его и «вписать» в социально-политический контекст России в конце 1990-х. Интересно, что автор-антрополог чаще всего использовала метод мини-бесед с одними и теми же информантами на протяжении своего исследования. Это позволило не только уточнять по ходу работы какие-то факты, но и «следовать» за своими информантами, наблюдать за их жизненными траекториями [Hojdenstrand, 2013]. Светлана Стивенсон, изучая бездомность в Москве, использовала наблюдения и глубинные интервью, чтобы понять пути попадания в ситуацию бездомности, стратегии адаптации к уличным условиям, а также барьеры выхода из бездомности. Она обращалась и к методу незаконченных предложений, просила ответить на вопрос «Кто я?», что позволяло не только дать информантам повод для глубокой рефлексии, но и суммировать предыдущий нарратив [Stephenson, 2006].

Исследования помогающих организаций чаще всего направлены на выявление масштаба проблемы и отношения к ней других людей⁷. Это объясняется практико-ориентированностью данных организаций, желанием не просто исследовать феномен, но привлечь к нему внимание широкой общественности, что, в свою очередь, может повлиять на государственные меры поддержки и пожертвования.

⁷ Данные исследований // «Ночлежки». URL: https://moscow.homeless.ru/who_is/ (дата обращения: 15.03.2024).

Если судить по собственному опыту автора, качественная методология как эффективный метод исследования бездомности воспринимается практиками слабо: по их мнению, результаты такого исследования не имеют той доказательной базы, которую предоставляет статистика. Однако если рассматривать опыт бездомности комплексно, то одних подсчетов и перечня основных причин попадания в эту ситуацию явно будет недостаточно для понимания жизненного опыта людей, что затруднит оказание реальной помощи. Кроме того, теряется агентность и «голос» исследуемой группы, не учитывается разный опыт бездомности (например, бездомные женщины намного реже, чем мужчины, находятся в ситуации уличной бездомности), а также тот факт, что люди с опытом бездомности могут не хотеть быть «ресоциализированными». Опыт последних также имеет право быть учтенным, а его изучение может дать информацию практикам в области помощи бездомным о том, в каких помогающих сервисах нуждаются люди, не желающие или не готовые жить в приютах.

Методология исследования

В основе данной статьи лежат результаты кандидатской диссертации, посвященной гендерному анализу причин бездомности и стратегий совладания с ней. Эмпирические данные получены в ходе полевого исследования, проведенного с 2018 по 2021 год в Санкт-Петербурге по стратегии качественной методологии. Именно качественные методы позволили ответить на главные вопросы исследования: как мужчины и женщины попадают в ситуацию бездомности, как с ней справляются и какие существуют гендерные особенности этого явления.

Методология включает:

1. Глубинные интервью с людьми, имеющими опыт бездомности. Рекрутинг проходил через общественные организации, коллег и информантов. Рекрутинговая стратегия предполагала охватить людей с разными жилищными ситуациями и разным стажем бездомности. По мере развития исследования, уточнения и расширения исследовательского вопроса для отбора дополнительных случаев была использована теоретическая выборка. Всего в выборку вошли люди с различным опытом бездомности: проживающие как в приютах, так и в заброшенных зданиях. В ходе исследования всего было собрано 60 интервью с мужчинами и женщинами, на момент сбора данных проживавшими в Санкт-Петербурге. Все интервью проводились очно, места варьировались от приютов до кафе и парков. Гайд включал в себя тематические блоки и вопросы, что позволило реконструировать жизненный путь информантов, включающий опыт бездомности. В ходе интервью я расспрашивала участников об их жизни: основные социально-демографические характеристики, семья, детство, образование, карьера, опыт отношений, «жилищная» история и опыт бездомности, текущая официальная жилищная ситуация (есть ли регистрация, жилье в собственности и т.д.). Я интересовалась

у информантов, как они справляются с ситуацией бездомности, как самоидентифицируют себя (считает ли человек себя бездомным, почему) и как определяют понятие «дом». На первом этапе исследования интервью были полуструктурированными, в дальнейшем добавились элементы нарративного интервью.

2. Наблюдения за работой сервисов для бездомных во время моего волонтерства в проектах «Ночной автобус», «Благотворительная больница», в приюте «Покровской общины», что предполагало посещение мест проживания информантов (приюты, заброшенные дома, самодельные конструкции). За 2018–2021 годы было проведено более 100 наблюдений продолжительностью от часа до четырех часов в среднем. Метод наблюдения позволил получить дополнительную информацию, связанную с организацией быта информантов, их коммуникацией с другими.
3. Дополнительно было решено взять экспертные интервью с сотрудниками НКО, работающими с бездомными. Всего было проведено десять интервью.

Возраст участников составил от 31 до 72 лет. Большинство из них сталкивались с различными формами бездомности (уличная бездомность, ночевки в подвалах домов или заброшенных зданиях, проживание у друзей или партнеров, проживание в приютах). 45 участников переехали в Санкт-Петербург из других регионов, в том числе десять человек имели другое гражданство. У трех человек были советские паспорта.

В фокусе данной статьи методологические вызовы, с которыми сталкиваются исследователи труднодоступных и уязвимых групп [Венкатеш, 2018], позиция исследователя и стратегии взаимодействия с информантами. Подробные результаты исследования опыта бездомных женщин и сравнения их опыта с мужским изложены в другой статье автора [Кузинер, 2020].

Выход в поле: выбор исследовательской позиции и стратегии поведения

Вопрос о выборе исследовательской позиции исследователя изначально не рефлексировался автором статьи и возник уже во время проведения первых интервью в связи с появлением коммуникативных барьеров между исследователем и информантами (отказ от интервью, односложные ответы, нежелание рассказывать подробно о своей жизни, снисходительное отношение к исследователю как к «домашнему» человеку и т.д.). Исследовательская роль, стратегии поведения вырабатывались в процессе, менялись в зависимости от обстоятельств.

Возникло несколько вариантов ролей, которые можно было бы использовать в работе: исследователь (общение только во время интервью и наблюдений), исследователь-волонтер (общение во время сбора данных и оказание помощи по запросу), исследователь-приятель (добавлялись общение и встречи вне исследования, эмоциональная поддержка).

Основной критерий выбора той или иной модели поведения — желание глубже изучить биографические траектории информантов, их взаимодействия с другими. Без налаживания связи и хотя бы нескольких встреч добиться этого достаточно сложно. В ходе сбора эмпирических данных были апробированы все роли (на выбор которых влияло и желание самих информантов). Роль только исследователя применялась достаточно редко и в основном с мужчинами. Роль исследователя-приятеля была опробована с двумя женщинами, однако ввиду сильной эмоциональной вовлеченности и двоякого отношения информантов («твой опыт отличен от нашего, ты никогда нас не поймешь») было решено отказаться от такой модели поведения в пользу роли исследователя-волонтера. Данный стиль поведения оказался наиболее удачным, помогал, с одной стороны, выстроить границы между исследователем и информантом, а с другой стороны — наладить продолжительный контакт. Модели поведения во время наблюдений зависели от обстановки. Если это были волонтерские проекты, то использовалась роль исследователя-волонтера. В местах проживания информантов чаще всего применялись приятельская (если я уже знала своих информантов) и исследовательская модели (если договаривалась о встрече не я). Смена стратегий поведения помогала подстроиться под разных информантов и маневрировать в разных обстоятельствах. Далее в статье приведено более подробное описание этапов исследования и выбираемых стратегий взаимодействия с участниками исследования.

Только исследователь

На первом этапе рекрутинг осуществлялся через сотрудников помогающих организаций, с которыми у меня был опыт общения в период волонтерства. Обычно я приходила в женские комнаты с сопровождающими сотрудниками, которые спрашивали, хочет ли кто-то дать интервью для исследования. В данном случае у меня была исключительно одна роль — исследовательская. Меня изначально представляли как исследователя, поэтому коммуникация велась сверху вниз. В такой ситуации у меня возникали сомнения относительно добровольности согласия на участие в исследовании, так как жительницы находились в относительно зависимом от НКО положении и могли подумать, что отказ от интервью может повлиять на их дальнейшее проживание. Также были сомнения в насыщенности интервью. Дело в том, что в некоторых НКО достаточно часто берут интервью у жителей приюта для различных целей (например, для PR-целей или для СМИ), и в какой-то момент появилось опасение, что полученные таким образом истории могут оказаться заученными и отрепетированными.

Сначала было принято решение вести общение с позиции «только исследователь». Я обратилась за консультацией к психологам, работающим с бездомными женщинами, чтобы мне подсказали, как правильно общаться с женщинами с опытом бездомности, какие могут возникнуть проблемы в ходе беседы. Консультация помогла отойти от экзотизации исследуемой группы, а также настроиться эмоционально на разговор на чувствительные

темы. Однако исключительно исследовательская позиция ограничивала репертуар моделей поведения, расставляла четкие границы, мешая установить более тесный контакт с информантами. Дальнейший опыт показал, что при исследовании сенситивных тем большую роль играет формат общения между исследователем и информантом. Позиция только исследователя делает существующее неравенство еще более явным и четким, что, возможно, хорошо для разового интервью, но не подходит для дальнейшей коммуникации (многие информанты могли помочь в дальнейшем рекрутинге, чему способствовало бы неформальное взаимодействие с ними). Однако более разнообразный репертуар ролей требует большей эмоциональной вовлеченности и ресурсности от исследователя.

Исследователь-волонтер и исследователь-приятель

По возможности я стала менять локацию для проведения интервью и приглашать информанток побеседовать не на территории приюта. Это помогало, с одной стороны, создать ощущение свободного выбора и отсутствия контроля (некоторые женщины позже, при назначении встречи по телефону, отказывались от участия в исследовании), с другой — перемещало информанток в более неформальную обстановку. В ходе исследования я познакомилась с коллегами, которые тоже изучали бездомность, это позволило не только обмениваться опытом, дискутировать, но и выходить на другие локации — заброшенные здания, в места, где бездомные разбивали палатки.

Интервью с людьми, проживающими вне приюта, отличались от интервью с жителями приютов. Согласно исследованию Сандры Бусериус, представители сенситивных социальных групп чаще всего имеют негативный опыт взаимодействия с людьми другого социального статуса, поэтому погружение в их обстановку, взаимодействие на их территории увеличит шанс получения достоверных, полезных и более глубоких данных [Bucerijs, 2013]. Процент отказа от беседы значительно увеличился, но при этом интервью, как правило, проходили в привычной, «своей» обстановке информанта и в более приватном месте (даже если интервью проводились на улице, то мы могли отойти от остальных и побеседовать наедине). Сомнений в добровольности выбора при этом у меня не было. В данном случае роль только исследователя, как правило, исключалась сама собой: оказываясь на территории информанта, в более комфортной для него обстановке, удавалось выстроить более доверительную беседу.

Смена локации меняла и отношение — беседа в кафе могла перерасти в неформальное общение, ко мне могли относиться как к источнику помощи (волонтеру) или как к источнику поддержки (приятелю). Однако данные роли требуют большей ответственности и эмоциональной работы. Используя данные модели поведения, я совершила несколько исследовательских ошибок.

После одного интервью информантка спросила, могу ли я помочь ей с поиском ее ребенка, которого забрала служба опеки, и она не знает, где он сейчас. Я ответила утвердительно, хотя не была уверена, что могу помочь. Потом она несколько раз звонила мне и спрашивала, узнала ли я что-нибудь, однако у меня не было времени и не было понимания, как ей помочь. Иногда в погоне

за интервью, особенно если исследовательское поле труднодоступное, мы можем что-то пообещать информанту, лишь бы он согласился побеседовать. Я поняла, что обещать что-то можно, только если ты уверен, что можешь помочь, иначе это испортит отношения с информантом, репутацию и просто такое поведение неправильное. Впоследствии я не брала на себя такую ответственность, честно говоря, что я исследователь и не смогу помочь, но могла дать контакты помогающих служб, позвонить куда-нибудь по просьбе информантов.

Приятельская роль заключалась в том, что я оставалась на связи с некоторыми из информантов, обменивалась новостями, периодически встречалась с ними. Для меня было важно проследить дальнейшую траекторию человека, глубже узнать нюансы его биографии, барьеры выхода из ситуации бездомности. Проблематичность данной роли заключается в том, что в ходе исследования может потеряться объективность, а также стереться граница между исследователем и его исследованием. При изучении уязвимых групп также сильно влияние социального неравенства: прогулявшись по парку, ты идешь домой, а твоя приятельница — в лучшем случае в приют. Мне звонили ночью, просили о помощи, ночлеге, теплом душе, просто разговоре. Рефлексируя над этой ролью, сложно сказать, насколько она приемлема и этична.

Работа в поле: стратегии выравнивания статуса и контроль эмоций

Выбрав позиции волонтера и приятеля, я преследовала одну цель — попытаться выровнять позиции исследователя и информанта. Для участников исследования я априори была чужаком, так как не была бездомной и не имела такого опыта. На отношение ко мне также значительно влиял мой возраст (большинство моих информанток были старше меня), что вызывало несколько снисходительное отношение. «Ну что тебе еще рассказать, девочка?» — информантка Т. несколько раз во время интервью возмущалась, что я задаю глупые вопросы. Все это звучало так, словно я рассматриваю ее опыт сверху вниз, как нечто экзотичное.

«Инф.: Девушка, такие вопросы меня добивают, в любом подвале есть электричество, в любом. <...> Да, для вас это дико, объяснять... ну... делаешь горячей, холодней, также я стирала там, не на машинке, а на руках» (ж., 56 лет, стаж бездомности более 8 лет).

С подобными сложностями я пыталась бороться с помощью нескольких стратегий.

Стратегия сближения

Я увеличивала частоту контактов с одними и теми же информантами. После нескольких встреч (в приюте и в других сервисах) я уже становилась знакомой хотя бы визуально. Далее перед интервью я могла во время беседы

рассказать про свой жизненный опыт (неудачи в жизни, развод, проблемы с жильем). Это не уравнивало нас до конца, но «очеловечивало» меня в глазах информантов. В дальнейшем я приняла роль стороннего наблюдателя, «доверенного» аутсайдера [Buceri, 2013] или исследователя-волонтера, который, пусть и не обладает разделяемым опытом, но знает об опыте бездомности через практики помощи бездомным. Здесь также возникло несколько дилемм, связанных с соблюдением личных границ. Некоторые информанты после интервью восприняли это как услугу, в обмен на которую я должна им помочь — найти работу, жилье, помочь с возвращением детей. Звонки могли происходить в любое время суток. Выстроить личные границы было достаточно сложно, потому что во время общения на чувствительные темы исследователь демонстрирует эмпатию и поддержку [Menih, 2023]. В данном случае я была честной, стала четче проговаривать свою роль и цели исследования, подчеркивая, что я в первую очередь исследователь (некоторые воспринимали меня как соцработника или журналиста). Если я могла помочь и это не мешало моей исследовательской работе, то я помогала. В других случаях советовала, куда можно обратиться. Однако погружаться в исследования уязвимых сообществ значит быть вовлеченным. Как показывают другие работы, посвященные бездомным (в частности, женщинам) и другим уязвимым группам, здесь предполагается активная эмоциональная вовлеченность исследователя [Омельченко, 2020]. В силу обстоятельств я стала координатором группы поддержки для бездомных женщин. С одной стороны, это помогло мне в наблюдениях, с другой стороны — очень сильно вовлекло эмоционально, что в дальнейшем привело к выгоранию и усталости от поля.

Стратегия выстраивания границ и/или отдаление

В ходе исследования я сталкивалась с ситуациями, когда нужно было четко обозначить границы. Когда я начала брать интервью у мужчин, то стала получать к себе излишнее внимание. С одной стороны, я вызывала интерес: мужчины хотели со мной пообщаться и соглашались на интервью чаще, чем женщины. С другой стороны, в некоторых случаях интерес мог зайти дальше и проявиться в поглаживании руки при прощальном рукопожатии, звонках с просьбой встретиться вне интервью. Однажды я пыталась договориться об интервью с женщиной, которая жила в самодельном шалаше с группой бездомных. Она была очень неконтактной, общалась со мной через своего мужа, у которого я уже взяла интервью и у которого был мой номер. В один из вечеров мне позвонил этот мужчина, я думала, что мы будем договариваться об интервью с его женой. «Привет, котик», — услышала я в трубке, а на фоне — голос моей неудавшейся информантки с обценной лексикой в мой адрес. Так я поняла, что интервью не состоится. С другой стороны, я смогла отразить этот момент, что иногда я не могу чувствовать себя в безопасности, если становлюсь объектом повышенного внимания со стороны мужчин. Но у меня был дом, были друзья и близкие, которые в любой момент могли бы мне помочь и обеспечить безопасность, чего не было у бездомных женщин.

Эмоциональная вовлеченность исследователя

Исследователи уязвимых сообществ чувствуют свою ответственность за этические аспекты, связанные с обеспечением безопасности и эмоционального комфорта информантов [Menih, 2023]. Если информанты, рассказывая о своем опыте, реагировали эмоционально (например, начинали плакать), я старалась их успокоить, сделать паузу либо предложить поменять тему. Также я всегда была готова предоставить информацию о сервисах психологической помощи. В первую очередь для меня был важен принцип ненасильственности и эмоционального комфорта информантов. Все участники интервью и наблюдений были проинформированы о целях исследования и о том, что будет вестись аудиозапись, им была гарантирована анонимность.

В ходе общения я часто слышала достаточно сенситивные, эмоционально окрашенные истории. Женщины делились пережитым опытом насилия, негативным отношением со стороны социальных институций. Дети, их потеря стали одним из главных нарративов исследования в женских интервью. В одном интервью Н. рассказала мне о выкидыше, который у нее произошел на довольно позднем сроке, другая информантка — о том, как после родов в больнице у нее забрали ребенка.

*«Пришла, это самое, что-то раз, пузо болит по дороге... пошла подмылась, переоделась, болит, болит, нажимала, нажимала на живот. Короче, у меня получился, я вот так побоялась, видела только, что маленький дитенок, да, ну мальчик, видимо, с п***кой, он не закричал. Я, это самое, [Имя гражданского мужа], давай скорей мне тогда пакет. Вытряхнула его это самое, ну я... не вызывала скорую, ничего, т.е. все это обошлось, как бы место вышло вот это вот» (ж., 56 лет, стаж бездомности более 8 лет).*

*«Я даже когда рожала, схватки шли, воды отошли, муж вызвал скорую, меня привезли, у меня схватки, эти — *ненормативная лексика*, как начали меня *ненормативная лексика* бить. <...> Кровь-то берут <...> Ты вичовая. Если я была вичовая, у меня муж в больнице сколько лежит, по психушкам. Что-то он чистый. <...> Ребёнок здоровый. Маленькая родилась, но обалденная. Просто (врачам) нужен был ребёнок. Доношенная, но маленькая. У меня сразу её (забрали). Единственное — санитарка подошла, уже родила, меня в палату переложили. Вставай. Что такое? У тебя ребёнка забрали. Вставай, пошли, хоть посмотришь. Сейчас собираю одежду, говорю, ее ворую и ухажу. Нет, так у тебя не получится, у нас охрана на дверях» (ж., 42, стаж бездомности более 10 лет).*

Чтобы не выгореть самой, я постоянно обсуждала исследование и получаемые данные со своими коллегами в Центре молодежных исследований, а также на различных конференциях, в которых принимала участие. Обсуждение помогло улучшить методологию исследования и анализ полученных данных. Эмоционально абстрагироваться от исследовательского поля мне также помогла работа в других исследовательских проектах, не связанных со сферой бездомности.

После сбора эмпирики: анализ, рефлексия, обсуждение

В ходе работы я постоянно возвращалась к получаемым данным, читала транскрипты интервью, дневники наблюдений, чтобы спланировать анализ эмпирики. Данные помогли мне скорректировать объект исследования, в результате были добавлены интервью с мужчинами, чтобы исследовать не только женский опыт бездомности, но для сравнения и мужской. Качественная методология позволила более гибко работать с данными и сенситивными темами. Я дословно транскрибировала интервью, использовала разные техники кодирования (вручную, а также с помощью QDA miner), что позволило с большей рефлексией работать над материалом.

В первые два года я анализировала интервью в логике обоснованной теории (версия А. Страуса и Б. Глейзера) с применением элементов нарративного анализа, что позволило понять, как информанты интерпретируют свое положение, какие стратегии адаптации выбирают, как выстраивают жизненные траектории. Концепция дома, через которую я исследовала женские стратегии адаптации к ситуации бездомности, помогла концептуализировать бездомность как процесс, в результате которого происходят потеря и приобретение дома. В нарративах женщины называли домом семью и людей, в то время как у мужчин дом чаще всего ассоциировался с материальным домом. Концепт «небезопасного дома» в некоторых случаях помог выявить специфические черты женской бездомности и ее основную причину — домашнее насилие. При этом дом рассматривался как важный элемент патриархальной культуры, где женщина занимает позицию хранительницы домашнего очага, а мужчина — главы дома.

В дальнейшем я провела гендерный анализ полученных нарративов, чтобы выявить различия в мужском и женском опыте проживания бездомности. В качестве теоретической рамки была использована теория капиталов, что связалось с избранной методологией (гендерный анализ интервью подразумевает анализ в распределении ресурсов, возможностей, ограничений в зависимости от гендера⁸). Исходя из рассмотрения бездомности как процесса, можно заключить, что человек постоянно находится в поисках / процессе создания дома, и это предусматривает использование ресурсов, уже приобретенных прежде или приобретаемых, видоизменяющихся в процессе жизнедеятельности. Так появилось понятие женского, или «феминного», капитала, который используют женщины, чтобы либо не попасть на улицу, либо справиться с ситуацией бездомности. В свою очередь, мужчины используют мужской капитал.

Важным элементом в исследовании я считаю регулярные обсуждения с коллегами находок в поле, появляющихся трудностей и постоянную рефлекссию относительно правильности своих действий. Такие «супервизии» помогали отрефлексировать собранный материал и его качество, а также эмоционально разгрузиться.

⁸ Гендерный анализ. Принципы и элементы // UNRCCA. URL: https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/unrcca_handout_gender_analysis_2020_rus_0.pdf (дата обращения: 19.03.2024)

Заключение

Методологические вызовы, возникающие при изучении уязвимых групп, таких как бездомные, требуют особого внимания и обсуждения как исследователей, так и практиков в области социальной работы. Бездомные сталкиваются со стигматизацией, часто становятся жертвами насилия (особенно уязвимы женщины), при этом в академической и общественной дискуссиях они рассматриваются в большинстве случаев с точки зрения их ресоциализации и практически не фигурируют как самостоятельные акторы, что лишает эту группу субъектности и «права голоса». Отчасти это связано с отсутствием полноценной дискуссии, посвященной методологии изучения бездомности и тем сложностям, с которыми сталкиваются исследователи-практики. Бездомные остаются экзотической, маргинальной социальной группой, воспринимаемой как крайне сложная для исследований.

В ходе исследования я также столкнулась с определенными методологическими сложностями, которые пыталась преодолевать разными способами. Одна из первоочередных проблем была связана с выбором исследовательской позиции и стратегии поведения, которые напрямую влияют на ход работы. Было определено три роли: роль исследователя, роль исследователя-волонтера и роль исследователя-приятеля. Первая роль четко выстраивала границы, ограничивала репертуар коммуникации с исследуемыми. Исследователь-волонтер и приятель относительно похожи и могут перетекать друг в друга. Выбор роли и стратегии поведения зависел от входа в поле, от гендера информанта (с мужчинами чаще всего была роль только исследователя и иногда волонтера) и его желания коммуницировать. Роли волонтера и приятеля позволяли расположить к себе информантов, настроить их на более-менее продолжительное общение, что помогало в исследовании биографических траекторий. Однако данные позиции обязывали к регулярной помощи, поддержке (финансовой и эмоциональной). Я считаю, что в данных случаях нет универсальной модели, главный принцип — баланс между позициями и постоянная рефлексия.

Другой исследовательской трудностью стало явное неравенство в позициях, особенно при рекрутинге через сотрудников НКО. С одной стороны, четкая расстановка границ помогает избежать проблемных мест (недопониманий, требований помощи). С другой стороны, она может влиять на ход интервью и качество нарратива в худшую сторону (вам либо скажут очень мало, либо то, что вы хотите услышать, но необязательно правду). Данную проблему можно решить с помощью стратегии сближения путем рассказа личной жизненной истории (роль приятеля), однако в случае интервью с мужчинами иногда приходится использовать стратегию отдаления, чтобы обеспечить себе комфорт и безопасность.

Исследуя уязвимую группу, сталкиваешься с достаточно сенситивными темами, справиться с которыми помогают частое обсуждение поля с коллегами и публичные выступления, можно поделиться предварительными результатами. Такие супервизии дают возможность не только справиться

с эмоциональной нагрузкой, но и отрефлексировать эмпирические находки, а также работать над языком обсуждения стигматизированных сообществ.

Благодаря выбору качественной методологии можно услышать голос уязвимой группы, продемонстрировать гетерогенность группы, причины нынешней уязвимой ситуации и пути совладания с ней. «Живой» голос исследуемых позволяет «очеловечить» исследуемую группу, показав, что это обычные люди со своим опытом и потребностями, что, в свою очередь, помогает бороться с негативными стереотипами о бездомных.

В ходе исследования также возникла рефлексия о степени участия исследователя в жизни своих информантов: нужно ли помогать, давать деньги, общаться вне исследования? Данные вопросы остаются дискуссионными и ситуативными. Однако чем шире репертуар ролей исследователя, тем больше возможностей для сбора разнообразных данных.

Благодарность

Хочу сказать искреннее спасибо всем участникам и участницам моего исследования, без которых ничего бы не получилось. Спасибо комьюнити-центру для бездомных женщин, Астрид Невски, Павлу Иноземцеву и другим коллегам за помощь в поле. Огромная благодарность моему научному руководителю Елене Леонидовне Омельченко за веру в меня, эмоциональную поддержку и вдохновение.

Литература/References

Венкатеш С. Главарь банды на день. Изгой-социолог выходит на улицы. М.: РИПОЛ классик, 2018.

Venkatesh S. (2018) *Glavar bandy na den. Izgoj-sociolog vyhodit na ulicy* [Gang Leader for a Day: A Rogue Sociologist Takes to The Streets]. Moscow: RIPOL klassik (In Russ.)

Виноградова Г. В. Концепция бездомности как процесс маргинализации личности: направления и уровни // Социология. 2021. № 3. С. 201–208. EDN: [UKDCGA](#)

Vinogradova G. V. (2021) The Concept of Homelessness as a Process of Personal Marginalization: Directions and Levels. *Sociologiya* [Sociology]. No. 3. P. 201–208. (In Russ.)

Глушко М. В. Отношение современной молодежи к пребыванию бездомных в родном городе // Выход в город. М.: Московский городской педагогический университет, 2022. С. 44–51. EDN: [RPXCAV](#)

Glushko M. V. (2022) Otnoshenie sovremennoj molodezhi k prebyvaniyu bezdomnyh v rodnom gorode [The Attitudes of Modern Youth to the Stay of the Homeless in Their Hometown]. In: *Vyhod v gorod* [Entrance to the City]. Moscow: Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet. P. 44–51. (In Russ.)

Зиннуров А. А. Актуальность проблемы бездомности для российского общества и пути ее решения // Стратегии развития общества и социальная работа. Р.: Южный федеральный университет, 2023. С. 283–289. EDN: [WSEVEN](#)

Zinnurov A. A. (2023) Aktualnost problemy bezdomnosti dlya rossijskogo obshchestva i puti ee resheniya [The Relevance of the Problem of Homelessness for Russian Society and Ways to Solve It]. In: *Strategii razvitiya obshchestva i socialnaya rabota* [Strategies of Society Development and Social Work]. Rostov-on-Don: Yuzhnyj federalnyj universitet. P. 283–289. (In Russ.)

Казакова А. Ю. Современные городские трущобы: методико-методологические проблемы изучения маргинальных слоев // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 2. С. 80–90. EDN: [MVPXKD](#)

Kazakova A. U. (2010) Modern Urban Slums: A Methodology and Methodological Problems of Studying the Marginalized Groups. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. No. 2. P. 80–90. (In Russ.)

Коваленко Е. А., Строчкова Е. Л. Бездомность: есть ли выход? М.: Фонд «Институт экономики города», 2013.

Kovalenko E. A., Strokova E. L. (2013) *Bezdomnost: est li vyhod?* [Homelessness: Is there a Way Out?]. Moscow: Fond "Institut ekonomiki goroda". (In Russ.)

Кузинер Е. Н. «Пойду домой, домой это значит в подвал»: повседневные практики и стратегии выживания бездомных женщин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 273–298. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1653> EDN: [YXVWCG](#)

Kuziner E. N. (2020) "I Will Go Home, With Home Meaning Basement": Homeless Women's Daily Practices and Coping Strategies. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4. P. 273–298. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1653>

Метелева Е. Р., Богданова Г. С. Решение проблемы бездомности: модель социальной адаптации и ресоциализации лиц без определенного места жительства в регионе // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 170–192. DOI: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-170-192> EDN: [QZPHXI](#)

Metelleva E. R., Bogdanova G. S. (2022) Solving the Homelessness Problem: Model of Social Adaptation and Re-socialization of Homeless People in a Region. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya* [Public Administration Issues]. No. 1. P. 170–192. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-170-192>

Низиньковская В. В. Пути и методы решения проблемы бездомности в России // Актуальные проблемы современной науки: теория и практика. Н.: Научно-издательский центр «Мир науки», 2020. С. 422–424. EDN: [VWRTMF](#)

Nizinkovskaya V. V. (2020) Puti i metody resheniya problemy bezdomnosti v Rossii [Ways and Methods of Solving the Problem of Homelessness in Russia]. In: *Aktualnye problemy sovremennoy nauki: teoriya i praktika* [Actual Problems of Modern Science: Theory and Practice]. Neftekamsk: Nauchno-izdatelskij centr "Mir nauki". P. 422–424. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. «Я ничем вам не помог...»: исследовательская рефлексия вслед неудачному интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 1. С. 81–95. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.5>

Omelchenko E. L. (2020) "I didn't help you in any way...": Research Reflection After a Failed Interview. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No. 1. P. 81–95. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.5>

Осинский И. И., Хабеева И. М., Балдаева И. Б. Бездомные-социальное дно общество // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 53–58. EDN: [OOMWWF](#)

Osinski I. I., Khabaeva I. M., Baldaeva I. B. (2003) Homeless — Social Bottom of the Society. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1. P. 53–58. (In Russ.)

Платонова Н. М. Бездомность в современной России: причины и следствия // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2009. Т. 11. № 1. С. 56–60.

Platonova N. M. (2009) Homelessness in Modern Russia: Causes and Consequences. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psihologii i socialnoj raboty* [Scientific Journal of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work]. Vol. 11. No. 1. P. 56–60. (In Russ.)

Прохоров П. Э., Карманов М. В., Васильева А. В., Егорова Е. А. Методологические основы количественного анализа бездомности // Инновационное развитие российской экономики. М.: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2017. С. 246–250. EDN: YMXLNJ

Prohorov P. E., Karmanov M. V., Vasileva A. V., Egorova E. A. (2017) Metodologicheskie osnovy kolichestvennogo analiza bezdomnosti [Methodological Foundations of Quantitative Analysis of Homelessness]. *Innovacionnoe razvitie rossijskoj ekonomiki* [Innovative Development of the Russian Economy]. Moscow: Rossijskij ekonomicheskij universitet imeni G. V. Plehanova. P. 246–250. (In Russ.)

Талынев В. Е., Хвоин Н. Н. Социальный учет бездомных граждан в Санкт-Петербурге // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 2. С. 264–276. EDN: YLJCRF

Talynyov V. E., Khvoin N. N. (2018) Social Register Of the Homeless in Saint-Petersburg. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences]. No. 2. P. 264–276. (In Russ.)

Уфимцева Е. И. Социальные модели преодоления бездомности: российская практика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 3. С. 291–297. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-3-291-297> EDN: ZTNGHT

Ufimceva E. I. (2017) Social Models of Overcoming Homelessness: The Russian Practice. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya* [Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology]. Vol. 17. No. 3. P. 291–297. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-3-291-297>

Цацура Е. А., Ключева Н. Ю. Социально-демографические характеристики, условия жизни и потребности людей в ситуации бездомности в Москве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 409–429. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1949> EDN: HLPHHA

Tsatsura E. A., Klueva N. U. (2022) Socio-Demographic Characteristics, Living Conditions, and Needs of Homeless People in Moscow. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2. P. 409–429. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1949>

Ansloos J. P., Wager A. C. (2019) Surviving in the Cracks: A Qualitative Study with Indigenous Youth on Homelessness and Applied Community Theatre. *International Journal of Qualitative Studies in Education*. Vol. 33. No. 1. P. 50–65. DOI: <https://doi.org/10.1080/09518398.2019.1678785>

Bretherton J. (2020) Women's Experiences of Homelessness: A Longitudinal Study. *Social Policy and Society*. Vol. 19. No. 2. P. 255–270. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1474746419000423>

Bucierius S. M. (2013) Becoming a "Trusted Outsider": Gender, Ethnicity, and Inequality in Ethnographic Research. *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 42. No. 6. P. 690–721. DOI: <https://doi.org/10.1177/0891241613497747>

Clover D. (2011) Successes and Challenges of Feminist Arts-based Participatory Methodologies With Homeless/Street-involved Women in Victoria. *Action Research*. Vol. 9. No. 1. P. 12–26. DOI: <https://doi.org/10.1177/1476750310396950>

Heaslip V., Green S., Simkhada B., Dogan H., Richer S. (2021) How Do People Who Are Homeless Find Out about Local Health and Social Care Services: A Mixed Method Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. No. 1. P. 1–46. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph19010046>

Higgitt N., Wingert S., Ristock J., Brown M., Ballantyne M., Caett S., Coy K., Home O. G. (2003) *Voices From the Margins: Experiences of Street-Involved Youth in Winnipeg*. Winnipeg: Winnipeg Inner City Research Alliance.

Hordyk S. R., Soltane S. B., Hanley J. (2014) Sometimes You Have to Go Under Water to Come Up: A Poetic, Critical Realist Approach to Documenting the Voices of Homeless Immigrant Women. *Qualitative Social Work*. Vol. 13. No. 2. P. 203–220. DOI: <https://doi.org/10.1177/1473325013491448>

Höjdestrand T. (2009) *Needed by Nobody: Homelessness and Humanness in Post-Socialist Russia*. Ithaca: Cornell University Press.

Melnitzer S. B. (2007) Marginalization and the Homeless: A Prescriptive Analysis. *Journal of Social Distress and the Homeless*. Vol. 16. No. 3. P. 193–220. DOI: <https://doi.org/10.1179/sdh.2007.16.3.193>

Menih H. (2023) Challenges and Complexities When Researching Vulnerable Populations and Sensitive Topics: Working with Women Experiencing Violence and Homelessness. In: *Fieldwork Experiences in Criminology and Security Studies: Methods, Ethics, and Emotions*. Cham: Springer International Publishing. P. 119–140.

Schneider M., Brisson D., Burnes D. (2016) Do We Really Know How Many Are Homeless?: An Analysis of the Point-In-Time Homelessness Count. *Families in Society: The Journal of Contemporary Social Services*. Vol. 97. No. 4. P. 321–329. DOI: <https://doi.org/10.1606/1044-3894.2016.97.39>

Tsai J., Alarcón J. (2022) The Annual Homeless Point-in-Time Count: Limitations and Two Different Solutions. *American Journal of Public Health*. Vol. 112. No. 4. P. 633–637. DOI: <https://doi.org/10.2105/AJPH.2021.306640>

Pixley C. L., Henry F. A., DeYoung S. E., Settembrino M. R. (2021) The Role of Homelessness Community Based Organizations During COVID-19. *Journal of Community Psychology*. Vol. 50. No. 4. P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1002/jcop.22609>

Rea J. (2023) Social Relationships, Stigma and Wellbeing Through Experiences of Homelessness in the United Kingdom. *Journal of Social Issues*. Vol. 79. No. 1. P. 465–493. DOI: <https://doi.org/10.1111/josi.12572>

Schmidt R., Hrenchuk C., Bopp J., Poole N. (2015) Trajectories of Women's Homelessness in Canada's 3 Northern Territories. *International Journal of Circumpolar Health*. Vol. 74. No. 1. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.3402/ijch.v74.29778>

Stephenson S. (2006) *Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315258829>

Watson J. (2011) Understanding Survival Sex: Young Women, Homelessness and Intimate Relationships. *Journal of Youth Studies*. Vol. 14. No. 6. P. 639–655. DOI: <https://doi.org/10.1080/13676261.2011.588945>

Watson J. (2023) Homelessness Through a Feminist Lens. In: *The Routledge Handbook of Homelessness*. New York: Routledge. P. 119–129.

Watson, J. (2016) Gender-Based Violence and Young Homeless Women: Femininity, Embodiment and Vicarious Physical Capital. *The Sociological Review*. Vol. 64. No. 2. P. 256–273. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12365>

Сведения об авторе:

Кузинер Евгения Николаевна — младший научный сотрудник, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа Экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** ekuziner@hse.ru. **ПИНЦ Author ID:** 1078252; **ORCID:** 0000-0002-2475-1760; **ResearcherID:** AAF-8160-2019.

Статья поступила в редакцию: 03.04.2024

Принята к публикации: 03.06.2024

БАК:5.4.4

Homelessness: Methodology, Emotional Involvement
and the Researcher’s Role in Sensitive Field

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.4

Evgenia N. Kuziner HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: ekuziner@hse.ru

The focus of the article is a research reflection on the sociologist’s work in a vulnerable sensory field, using homelessness as an example, as well as an analysis of methodological aspects of studying this phenomenon. The author draws attention to the importance of discussing the challenges and dilemmas faced by social researchers during empirical data collection, as well as the language used by researchers and practitioners in conducting interviews and presenting results, avoiding exoticization and additional problematization of groups in vulnerable positions. The article touches on the place and role of the researcher in such fields, emotional involvement and boundary building, relationships with other experts and the challenges of choosing the most appropriate methodology. The empirical basis of the article is the data of the research conducted by the author in a qualitative paradigm over several years (N= 60).

Keywords: qualitative methods; vulnerable groups; homelessness; interviews

Author Bio:

Evgenia N. Kuziner — Junior Researcher, Centre for Youth Studies, HSE University, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** ekuziner@hse.ru. **RSCI Author ID:** 1078252; **ORCID:** 0000-0002-2475-1760; **ResearcherID:** AAF-8160-2019.

Received: 03.04.2024
Accepted: 03.06.2024

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.5
EDN: MFFLFC

Особенности межпоколенной семейной коммуникации миллениалов с родителями: отношение к браку

Ссылка для цитирования:

Салангина О. Н. Особенности межпоколенной семейной коммуникации миллениалов с родителями: отношение к браку // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 2. С. 89–112. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.5> EDN: MFFLFC

For citation:

Salangina O. N. (2024) Features of Intergenerational Family Communication of Millennials with Their Parents: Attitude to Marriage. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 2. P. 89–112. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.5>

Салангина Ольга Николаевна

МГУ им. М. В. Ломоносова;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: salangina.olga2016@yandex.ru

Данная статья посвящена изучению проблематики межпоколенной коммуникации в рамках семьи между представителями поколения миллениалов и их родителями по поводу брака и сожительства. На основе ряда эмпирических данных были сделаны выводы об изменении поведенческих практик планирования брака поколением миллениалов в сравнении с их родителями (представителями реформенного поколения). Миллениалы откладывают момент вступления в брак, и все больше распространяется практика сожительства, что не было характерно для их родителей. Статья представляет результаты пилотажного исследования с использованием метода глубинного интервью и метода кейс-стади. Были определены критерии в виде аналитической схемы для дальнейшего исследования данной проблематики. Также сделаны выводы о том, что расхождения в ценностях и практиках двух поколений порождают разнообразие межпоколенной коммуникации — от солидарности до неявного конфликта. Было предложено в качестве гипотезы выделить амбивалентную солидарность как основной

тип межпоколенной коммуникации миллениалов и их родителей в условиях ценностного конфликта.

Ключевые слова: поколение; межпоколенная коммуникация; миллениалы; брак; сожительство

Введение

Межпоколенные отношения — это те отношения, в которые могут вступать как большие социальные группы на уровне общества, так и отдельные индивиды, занимающие определенные социальные позиции на уровне семьи, например, родители и дети. Как на уровне общества, так и на уровне семьи межпоколенные отношения существуют в виде диалога между группами людей или отдельными индивидами, который может разрешаться разными способами — от конфликта до контракта. Один из факторов, влияющих на характер межпоколенных отношений на уровне семьи, — это различие в семейно-брачных ценностях, которые формируются преимущественно в процессе социализации под влиянием различных социокультурных, исторических процессов. В сложившихся исторических условиях России происходит формирование нового взгляда на создание семьи, поэтому по поводу этих взглядов возможны межпоколенные конфликты в семье между родителями и детьми как представителями разных поколений. У молодого поколения складывается иная система семейно-брачных ценностей, которая отличается от системы ценностей родителей. В связи с этим встает научная задача: рассмотреть, как представители двух поколений в семье, вступая в межпоколенные отношения по поводу семейно-брачных отношений, способны формировать этот диалог поколений и какими способами разрешаются подобные конфликты между взрослыми детьми (представителями поколения миллениалов) и их родителями как представителями более консервативного поколения (условно представители реформенного поколения). Расхождение в ценностях поколений может привести к различным формам разрешения этого расхождения, какую форму межпоколенной коммуникации выбирают миллениалы и их родители по поводу брака и семьи.

Межпоколенная коммуникация

Поскольку в любом обществе одновременно присутствуют несколько поколений, то проблематика отношений между представителями разных поколений всегда была актуальной как для повседневной жизни и публичного пространства, так и для научного изучения. В настоящее время в литературе в основном обсуждаются четыре формы диалога разных поколений: разрыв поколений, конфликт поколений, контракт поколений и солидарность.

В данной статье мы предполагаем обсудить проблему межпоколенного взаимодействия не столько на уровне общества в целом, сколько на уровне межличностного прямого взаимодействия представителей двух поколений в рамках семьи как проблеме отношений условных «отцов» и «детей», где под «отцами» понимаются представители пореформенного поколения, а под «детьми» — представители поколения миллениалов, где возможные конфликты поколений появляются и разрешаются в открытой форме семейного взаимодействия и разрешаются так же, как личностные конфликты, лицом к лицу.

Для этого была избрана наиболее острая тематика возможных конфликтов — отношение к браку и семье, где ценностный разрыв на уровне общества наблюдается наиболее ярко.

Цель исследования состояла в выявлении способов взаимодействия представителей двух поколений при существенном расхождении в ценностях и преимущественных формах разрешения конфликтов, характерных для этих поколений.

Поскольку поколение — это определенная возрастная группа, находящаяся в контексте временной локализации, обладающая единым опытом и в результате этого — едиными ценностями, которые были сформированы в рамках формативного периода под воздействием значимых общественных процессов [Мангейм, 2000], каждое поколение имеет собственные представления и мнения по тому или иному вопросу. Отсюда вытекает и проблематика межпоколенных отношений как форма социального взаимодействия, которая может принимать различные конфигурации от конфликта до компромисса.

При рассмотрении межпоколенной коммуникации на уровне семьи необходимо различать этапы взросления личности, так как в зависимости от возраста представителей более молодого поколения межпоколенная коммуникация обладает разными характеристиками и вместе с тем выполняет разные роли в процессе социализации. В более юном возрасте характер коммуникации имеет культурно-преемственный характер, родители выступают в качестве транслятора ценностей, определенных привычек и паттернов поведения. Накопленный опыт родителей передается детям, происходит трансмиссия культурного наследия, ценностей, что обеспечивает непрерывность общества [Бурмыкина, 2019]. Когда человек взрослеет, вступает в формативный период, некий набор установок, паттернов поведения, который был передан от семьи (опыт прошлого поколения, ценности, принципы), становится объектом осмысления, в результате чего критическая интерпретация полученного наследия приводит к изменениям в мировоззрении, ценностях, поведенческих практиках. Отсюда и межпоколенная коммуникация меняет свой характер, теперь представители молодого поколения по-новому смотрят на те или иные процессы, через призму своего мировоззрения оценивают опыт и знания родителей. Новое видение, свежий взгляд может проявляться и в коммуникации поколений в виде согласия или же, наоборот, в виде конфликта двух точек зрения.

Типы межпоколенной коммуникации

На основании обработки литературных источников нами были выведены следующие возможные типы межпоколенной коммуникации в семье.

Первый тип можно определить как солидарность. Отношения солидарности могут выражаться в чувстве единения, семейной близости, что в совокупности создает условия для успешного взаимодействия между поколениями [Bengston, 2001]. Эмпирически солидарность в ходе межпоколенного диалога может выявляться через критерии *согласия во мнениях относительно ценностей и ориентаций представителей двух поколений; частоту общения; достижение понимания взаимных обязанностей и ожиданий относительно друг друга*.

Второй тип межпоколенной коммуникации — амбивалентность [Pillmer, Lüscher, 1998], двойственность. С одной стороны, взрослые дети стремятся к независимости (финансовой, психологической и т.д.), однако, с другой стороны, готовы оказывать помощь родителям. Это также может выражаться в готовности родителей помочь советом своим взрослым детям, но при этом они же не готовы принимать советы уже от своих родителей.

Амбивалентность может проявляться и через *противоречивые, конфликтные нормы и требования со стороны родителей*. Или, другими словами, конфликт норм и ожиданий определенного поведения. Ярким примером является ожидание родителей, что молодые люди будут строить свою образовательную и трудовую карьеру и в то же время не будут откладывать создание семьи и появление ребенка на более поздний период [Pillmer, Lüscher, 1998].

Третий тип взаимоотношений между поколениями — *конфликт*. В условиях переходного исторического периода, масштабных динамических изменений во всех структурах общества при смене бытовых и культурных стандартов и сопутствующих им социальных конфликтах [Глотов, 2004] может наблюдаться обострение межпоколенных разногласий, которые приобретают конфликтный характер. Опора на традиции и опыт старшего поколения сменяется на активность молодого поколения. Традиции и опыт старшего поколения уже не актуальны, поэтому меняется форма межпоколенной преемственности. Проявляется это в первую очередь в отказе от опыта родителей и формировании нового видения, ценностей и норм. Молодым людям нужны новые ориентиры, так как старые перестали определять будущее.

На микроуровне, то есть на уровне межпоколенной коммуникации в рамках семьи, ценностный межпоколенный конфликт можно определить как совокупность целенаправленных и повторяющихся ситуативных социальных действий по отношению друг к другу для достижения определенного результата — разрешения межпоколенного противоречия. Обычно эмпирически это проявляется как *расхождение во взглядах, несогласие с противоположной стороной; непонимание и нежелание понять друг друга; столкновение интересов, напряженные взаимоотношения и противодействие сторон; конфронтация; противоборство мнений; антагонизм или разрыв отношений* [Вдовина, 2008].

Межпоколенный конфликт может выражаться в разных формах, например, такие конфликты могут быть кратковременными или долговременными, редкими или частыми, а также открытыми (когда четко выявлены субъекты, объект и мотивы конфликта, интересы его участников, этот конфликт осознается участниками как явный) и скрытыми (со слабо структурированными интересами, скрытым поведением и т.п.) [Паршина, 2013].

Таким образом, вариативность межпоколенной коммуникации определяется, во-первых, особенностями этапа социализации «детей» в семье: с изменением возраста ребенка меняются характеристики коммуникации и ее функции. А во-вторых, наличием различных способов коммуникации. В основе подобных различий лежат расхождение во мнениях по тому или иному вопросу, расхождение в ценностях или несоответствие ожиданий с реальными поведенческими практиками. Все это в конечном счете приводит к формированию разных типов межпоколенной коммуникации в рамках семьи — от солидарности до конфликта.

Социальный контекст изменения поведенческих практик планирования брака

В фокусе нашего интереса взаимодействие двух поколений на микроуровне — условных родителей и детей, представляющих два поколения — пореформенное поколение и миллениалов, формирование которых совпало с разными периодами российской истории, что и предопределило их разные позиции, в частности в отношении семейно-брачной сферы жизни. Согласно мнению экспертов, за поколение миллениалов в России принимаются люди, родившиеся преимущественно в период реформ (1982–2000 гг.), но их взросление происходило в более стабильный и относительно благополучный период — с начала нового тысячелетия (2001–2016 гг.) [Радаев, 2020]. Поколение родителей миллениалов появилось на свет в период застойного зрелого социализма (1968–1981 гг.), а социализация и вхождение во взрослую жизнь происходили в период горбачевской перестройки и последующих либеральных реформ (1985–1999 гг.).

Одна из причин возможных сложностей в их коммуникации по поводу семейно-брачных отношений — планирования и заключения брака — это разное отношение собственно к браку и вопросам планирования этого события, что отражается в их практиках. Представители поколения миллениалов не спешат заключать брак, поскольку распространяется практика сожительства. Это подтверждают статистические данные¹: если проследить динамику изменений количества браков по полу, по возрасту и по годам (с 1990 по 2020 год; период взросления реформенного поколения — с 1990 по 2000 год, а период взросления поколения миллениалов — с 2000 по 2020 год), то можно заметить,

¹ Демография. Браки по возрастам жениха и невесты // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 15.01.2024).

что количество браков в возрасте до 18 лет и 18–24 с каждым годом становится меньше по сравнению с предыдущими годами (учитывая также общее количество зарегистрированных браков), в то время как количество браков в возрасте 25–30 и более 30 лет становится больше по сравнению с предыдущим годом. Таким образом, наблюдается тенденция откладывания момента вступления в брак, что прослеживается на протяжении всего периода взросления поколения миллениалов. Важно отметить, что период с 1995 по 2004 год был переходным от одной модели поведения реформенного поколения к модели поведения поколения миллениалов, от паттерна более раннего вступления в брак к другому паттерну, к более позднему вступлению в брак. Согласно той же статистической базе, существенное отличие обнаруживается при сравнении среднего возраста заключения брака до 1994 г., который составлял 18,6, и среднего возраста вступления в брак, характерного на период с 2015 по 2017 год, — 25,3.

В подтверждение вышесказанного на основе данных Всесоюзной переписи населения в 1989 году [Болдырев, 1990] и Всероссийской переписи населения в 2010 году можно констатировать: 75% мужчин и 55,4% женщин (представители поколения миллениалов) в возрасте 20–24 года никогда не состояли в браке в 2010 году, в то время как 60% мужчин и 33% женщин (представители реформенного поколения) в возрасте 20–24 никогда не состояли в браке в 1989 году. Сравнивая возрастную категорию 25–29 лет представителей реформенного поколения и миллениалов, можно наблюдать, что доля миллениалов, никогда не состоявших в браке, составляет 38,9% мужчин и 25,3% женщин, в то время как доля представителей реформенного поколения, никогда не состоявших в браке, составляет 19,5% мужчин и 11,7% женщин. Таким образом, доля миллениалов, никогда не состоявших в браке, в каждой указанной возрастной категории значительно больше, чем представителей реформенного поколения в таких же возрастных категориях соответственно, поэтому можно сделать вывод, что практики планирования брака двух поколений значительно различаются.

Одновременно с откладыванием момента вступления в брак распространяется практика сожительства. Например, в 2017 г. был проведен опрос студенческой молодежи Санкт-Петербурга, в результате исследования были получены следующие данные: только 12% респондентов сообщили, что отношения необходимо зарегистрировать, большинство же — около 70% — убеждено, что официально оформлять отношения нет необходимости [Нечаева, Бурмыкина, 2020]. Можно отметить также гибкость данной нормативной системы: быть в браке более предпочтительно, но необязательно. Современная нормативность, оставаясь общественным регулятором, в большей мере учитывает личностное своеобразие человека, чем традиционная.

В 2021 году аналитический центр Юрия Левады провел исследование по оценке отношения к браку различных возрастных групп². Опрос проведен

² О семье и браке. Результаты опроса // Аналитический центр Левада-Центр*. 2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/04/19/o-seme-i-brake-2/> (дата обращения: 20.02.2024).

* АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1623 человека в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ. Позитивные ответы респондентов на вопрос «Насколько вы согласны с тем, что необязательно вступать в брак, можно просто жить вместе?», были соотнесены с возрастными характеристиками респондентов (первая возрастная группа — 18–39 лет, вторая — 39–54). Результаты показали, что доля респондентов первой возрастной группы (которая соотносится с возрастом поколения миллениалов), позитивно ответивших на этот вопрос, составляет 69,5%, в то время как доля респондентов второй возрастной группы (которая соотносится с возрастом родителей миллениалов), позитивно ответивших на данный вопрос, составляет 64%.

Таким образом, на основе представленных данных можно заключить, что представители поколения миллениалов имеют более свободные установки по отношению к браку и сожительству, чем реформенное поколение. Это проявляется в откладывании момента вступления в брак и распространении практики сожительства. Первые партнерские союзы молодых людей стали выполнять функцию «пробного» незарегистрированного брака [Ипатова, Тынди́к, 2015].

Современное поколение миллениалов считает финансовую независимость, инвестиции в свой личный капитал, образование более важными факторами взросления, в то время как семья, брак и рождение детей называются в качестве вторичных факторов. Согласно заключению демографа Е. Митрофановой, среди первых демографических событий предпочтение чаще отдается партнерствам, тогда как события, требующие принятия более долгосрочной ответственности (брак и деторождения), откладываются на более поздний возраст в сравнении с предшествующим поколением (реформенное поколение) [Митрофанова, 2019].

Для обозначения социального феномена отложенного демографического взросления был введен специальный термин. Джеффри Арнетт выделяет его как отдельный этап взросления, когда молодые люди уже не подростки, но и еще не совсем взрослые, и обозначает его как “*emerging adulthood*”: молодые люди получают образование, пытаются найти свое предназначение, строят карьеру, путешествуют, а вступление в брак и рождение детей откладывают на более поздний срок [Arnett, 2000].

Таким образом, для миллениалов характерны откладывание момента вступления в брак и ориентация на сожительство, тогда как поколение их родителей (условно реформенное поколение) следовало традиционной модели брачных отношений. Можно заключить, что массовые поведенческие практики миллениалов свидетельствуют о расхождении в семейно-брачных ценностях, в частности в *отношении к сожительству и браку*, что может стать причиной возникновения ценностного конфликта, так как различие мнений становится объектом обсуждения в семье. Поэтому ценностный конфликт поколений может быть изучен как конфликт внутрисемейной коммуникации: каким образом семейно-брачные ценности, а именно отношение к сожительству и планированию брака, организуют эти взаимоотношения и какой тип коммуникации характерен для внутрисемейного межпоколенного диалога.

Методическая часть построения исследования

Для реализации представленной аналитической модели изучения данного феномена было проведено пилотажное исследование методом глубинного интервью с представителями поколения миллениалов, в котором обсуждались темы взаимоотношений с их родителями по поводу сожительства и планирования брака.

Проведено 6 глубинных интервью с молодыми представителями поколения миллениалов в возрасте от 22 до 28 лет: 4 девушки и 2 юношей, все проживают в Москве. Данная возрастная группа была выбрана в связи с тем, что молодые люди этого возраста находятся на этапе планирования брака. Данная группа была выровнена по следующим критериям: а) не состоит в браке; б) находится в отношениях с партнером и проживает вместе с ним (отдельно от родителей). Также при отборе был учтен дополнительный аспект: наличие коммуникации с родителями по поводу планирования семьи и брака. Перед интервью респондентам предлагалось заполнить анкету для отбора тех, кто подходит по всем указанным выше критериям.

Интервью состояло из трех тематических блоков.

1) Блок социально-демографической информации и общих ценностей ориентирован на то, чтобы определить, что является наиболее значимым на данный период — обучение, построение карьеры, путешествие, самореализация, брак, создание семьи.

2) Блок «брачные ценности» ориентирован на то, чтобы определить, какую ценность представляет брак для молодых людей; брак в глазах поколения миллениалов и как они относятся к сожительству до брака.

Относительно родителей и общения с ними: как их родители оценивают такое понятие, как «брак», что они вкладывают в данное понятие; как они относятся к сожительству и как оценивают такую практику поведения; сравнение мнения молодых людей и позиции их родителей по поводу брака и сожительства.

3) Блок «межпоколенная коммуникация»: каким образом строится межпоколенная коммуникация по поводу брака и сожительства и каковы ее особенности. Так как теоретически были выявлены основные типы межпоколенной коммуникации — солидарность, амбивалентность, конфликт, — то вопросы здесь были ориентированы на выявление реакции на то или иное мнение миллениалов и их родителей (со слов молодых людей), согласия или несогласия друг с другом, ценностных различий или сходств по поводу сожительства, брака и его планирования.

Важно оговориться, что в пилотажном исследовании были опрошены только представители миллениалов, поэтому реакция и оценки родителей оценивались с позиции самих молодых людей.

Место проведения интервью: программа для организации видеоконференций Zoom.

В результате тематического анализа интервью было выделено 20 основных категорий.

Дополнительным методом пилотажного исследования стал кейс-стади, проведенный для анализа непосредственных межличностных способов взаимодействия представителей двух поколений в ходе общения по поводу брака и сожительства. Были проведены интервью с матерью и с дочерью из одной семьи. Основные критерии отбора кейса: а) представитель молодого поколения находится в отношениях и проживает вместе с партнером, отдельно от родителей; б) наличие коммуникации по поводу различного отношения к браку и сожительству.

В качестве участников межпоколенной коммуникации: девушка в возрасте 22 лет (представитель поколения миллениалов) и ее мать в возрасте 45 лет (представитель реформенного поколения).

Результаты исследования

Жизненные ценности

В первую очередь необходимо указать, какие основные ценности характерны для опрошенных миллениалов на данном жизненном этапе. Были выделены следующие основные подкатегории: «карьера», «профессиональная реализация», «важны все аспекты», «заработок». Следует отметить, что в первую очередь для респондентов оказался важен аспект самореализации, построения карьеры. Никто из респондентов не упомянул значимость семьи на данном жизненном этапе:

«Самое важное сейчас — это как-то самореализоваться в жизни, добиться каких-то профессиональных успехов. Ну, вообще как-то определиться немножко со своей профессией» (Инф. 3, жен., 23 года).

«На данный момент скорее заработок, потому что это некая, скажем так, безопасность, если что — я смогу менять место жительства без проблем, страну жительства. Если, короче, появится там ребенок, условно, то будет возможность его обеспечить, ну, и так далее, то есть скорее заработок» (Инф. 5, муж., 28 лет).

Также было упомянуто, что все аспекты в жизни являются значимыми и ценными, то есть не было выделено определенной иерархии ценностей, а скорее была выделена совокупность значимых элементов:

«То есть понятно, что это и карьера, которая позволит зарабатывать средства, и семья, и процесс создания собственной семьи, и здоровье, и образование — это все отдельные части, вещи, которые в целом образуют систему какую-то единую построения жизни» (Инф. 4, муж., 24 года).

Таким образом, на данном жизненном этапе для опрошенных миллениалов более важно получить образование, профессионально реализоваться,

финансово себя обеспечить, тогда как создание своей семьи не является приоритетным. Либо же для опрошенных миллениалов характерен комплексный подход, то есть выделяется значимость всех сфер жизни.

Отношение к сожительству

Опрошенные представители миллениалов положительно оценивают сожительство до брака, так как считают этот опыт очень значимым при дальнейшем построении своей семьи. Некоторые респонденты указывают, что опыт совместного проживания очень важен, несмотря на все «предрассудки»:

«Если кому-то комфортно жить вместе сразу, то я, ну, как-то, думаю, что не стоит доверять каким-то предрассудкам и стоит действительно там пожить вместе» (Инф.1, жен., 23 года).

«В современном обществе уже невозможно не жить до брака, это определенная устоявшаяся форма поведения», — считают опрошенные. Если раньше присутствовало общественное осуждение, то сейчас представители миллениалов подчеркивают, что молодые люди не осуждают такое поведение:

«Мне кажется, что в современном мире — это даже, мне кажется, даже нужная вещь» (Инф. 3, жен. 22 года).

«В социуме уже нет понимания того, что — по крайней мере среди молодых, — нет понимания того, что это уже какой-то грех... никто тебя чаще всего не осудит, ну, по крайней мере из молодежи, если узнают, что ты там ночуешь у своего парня» (Инф. 3, жен. 22 года).

Кроме того, молодые люди подчеркивают, что сожительство дает возможность узнать друг друга лучше:

«Совместное проживание, оно позволяет узнать человека получше» (Инф. 4, муж., 24 года).

Таким образом, с точки зрения миллениалов, сожительство как форма поведения выступает в качестве необходимого этапа при планировании создания семьи, можно наблюдать отказ от навязанного мнения со стороны общества и впоследствии ориентир на более свободные установки.

Отношение к браку

Опрошенные миллениалы склоняются к определению брака как некой формальности:

«Просто формальный процесс... я рассматриваю только как нечто формальное, вот что вот ваши отношения друг к другу брак не сильно поменяет» (Инф. 2, жен., 23).

Формализация отношений предполагает другой правовой режим, что значимо при планировании детей. Опрошенные миллениалы подчеркивают, что при рождении детей наличие брака является необходимым с юридической точки зрения:

«Если у вас будет ребенок, то вам нужен брак с юридической точки зрения. Это намного удобнее заключить брак, если вы планируете детей» (Инф. 2, жен., 23);

«Жениться и только потом рожать детей с точки зрения юриспруденции» (Инф. 3, жен., 22).

Подобные ответы могут говорить о том, что все же для молодых людей брак может быть важным, но, скорее, как формальный институт. Однако в ответах респондентов отмечается также традиционная значимость брака:

«Склоняюсь все-таки из-за каких-то устоявшихся традиций, что ребенка нужно рожать в браке, но это не является обязательным» (Инф. 3, жен., 22 года);

«Больше традиционно заложено то, что ребенок, рожденный вне брака, что придется объяснять ребенку, почему вы не заключили брак» (Инф. 2, жен., 23 года).

Но подчеркивается, что это не является чем-то обязательным:

«Не думаю, что это там ультраобязательно» (Инф. 5, муж., 28 года).

Поэтому, несмотря на определение брака как некой формальности, нельзя отрицать роль традиции, которая может влиять на принятие решения, но важно обозначить, что для опрошенных миллениалов все же не обязательно следовать устоявшимся традициям, и это свидетельствует о более свободной позиции по данному вопросу.

Опрошенные представители миллениалов аргументируют свое мнение с точки зрения разграничения понятий «брак» и «семья». Чтобы стать семьей, необязательно заключать брак, миллениалы подчеркивают, что в обществе путаются эти два понятия, однако важно разграничивать, что есть семья и что означает брак:

«Семья для меня не начинается, когда в тот момент, когда вы вступили в брак» (Инф. 4, муж., 24 года).

Из-за разграничения двух понятий меняется и отношение к браку, так как ценность семьи выше, чем ценность брака. По мнению опрошенных миллениалов, взаимоотношения в семье играют более значительную роль, чем формальное заключение отношений:

«Подходят к своему решению завести ребенка, то если они являются любящими родителями, заботятся о нем, то какая разница, есть ли у них кольцо на пальце?» (Инф. 3, жен., 22 года).

«Главное — какая обстановка в семье, а не наличие штампа в паспорте» (Инф. 4, муж., 24 года).

Однако наряду с такой позицией существует мнение, что брак — это новая ступень в отношениях:

«Я тоже думаю, что брак — это развитие, ступень развития отношений» (Инф. 1, жен., 23).

Помимо того, молодые люди высказали мнение о том, какой возраст является идеальным для регистрации брака и какие факторы в наибольшей степени влияют на принятие решения о регистрации брака. Респонденты считают, что идеальный возраст для регистрации брака — 23–27 лет, аргументировано это тем, что в молодом возрасте можно ошибиться с выбором партнера. Однако возраст не ключевой фактор, который предопределяет решение о регистрации брака. Респонденты выделяли такие факторы, как *«уверенность в завтрашнем дне», заработок и образование:*

«Вам нужно время, чтобы встать на ноги...» (Инф. 3, жен., 22 года).

«Ну, скажем так, скорее какая-то, чтобы было больше некой безопасности и определенности, вот не касательно взаимоотношения, а касательно каких-то бытовых условий, ну, грубо говоря, жилье, заработок, какая-то определенность с работой и прочее» (Инф. 5, муж., 28 лет).

Отношение к браку у миллениалов неоднозначное. С одной стороны, заключение брака является формальностью или даже необязательным элементом, но, с другой стороны, опрошенные миллениалы выделяют ряд других значимых факторов, которые важно учитывать при планировании брака: наличие образования, заработок, уверенность. Это может говорить о понимании того, что брак требует определенной подготовки, то есть информанты осознают значимость данного действия.

При сравнении отношения к браку опрошенных миллениалов с мнением более старшего поколения (реформенного поколения), опираясь на вышеприведенные данные других исследований, можно сделать вывод, что для реформенного поколения больше характерно мнение о том, что для создания «семьи» важно заключить брак, в то время как для опрошенных миллениалов наличие брака не гарантирует наличие семьи, семья может быть и без заключения брака. Такое различие понятий может говорить о разной ценностной оценке брака.

Коммуникация с родителями по поводу сожительства

В результате анализа были выявлены два основных типа коммуникации, характерных для общения между опрошенными представителями миллениалов и их родителями: 1) недовольство, несогласие, возмущение; 2) принятие, согласие с позицией молодых людей.

Каждый из этих типов проявляется в ходе обсуждений данной темы в семье. Недовольство родителей может выражаться напрямую в виде возмущения и непонимания:

«По сути, жили вместе за городом вместе с его родителями, и тогда родители это воспринимали очень болезненно» (Инф. 3, жен., 22).

Родители могут стать инициаторами начала разговора о заключении брака под влиянием родственников, что говорит о значимости для них общественного мнения:

«Первый же разговор был про то, что вот, что родственники, что вот все говорят, все спрашивают, а как же это они... маме важно мнение других людей, особенно если это родственники, особенно если тут мой дядя. Как бы ну, как сказать, мужчина — авторитет. Люди говорят, как же так, а как так это же ненормально — и мама это у них перенимает. И она считает, да, что это не очень хорошо» (Инф. 2, жен., 23).

В таких случаях под влиянием факторов среды формируется тип коммуникации, который выражается в несогласии старшего поколения с младшим. Но при этом в других случаях представители реформенного поколения могут относиться к числу тех, кто считает, что сожительство до брака — вполне нормальная практика:

«Она относится к совместному проживанию до брака позитивно» (Инф. 4, муж., 24).

Таким образом, межпоколенная коммуникация по поводу сожительства может принимать форму несогласия, ценностного конфликта, когда мнения представителей двух поколений не сходятся, и иногда может выражаться в солидарности, то есть в согласии по поводу практики сожительства своих детей.

Коммуникация по поводу брака

В результате обобщенного анализа полученных данных были выделены основные формы коммуникации по поводу планирования брака: 1) формат неоткровенных разговоров; 2) прямые вопросы со стороны родителей; 3) наставления со стороны родителей; 4) отсутствие сильного давления/принуждения; 5) формат общения и обсуждения данной темы.

Для первой формы коммуникации характерно наличие подобных тем в процессе общения, однако разговоры не приобретают характера глубоких рассуждений:

«Такие темы, конечно, поднимаются, но, как я уже сказала, это не из разряда того, что это какие-то задушевные разговоры» (Инф. 3, жен., 22 года).

Важно отметить, что такой тип коммуникации наблюдается у тех, у кого в принципе не близкие взаимоотношения с родителями.

Для следующей формы коммуникации характерны инициированные родителями прямые вопросы о планировании брака. Это может проявляться в прямых вопросах:

«Это просто, когда мы с молодым человеком приезжаем к своим родителям, они могут спросить: “Когда у вас свадьба?”» (Инф. 3, жен., 22 года).

Либо родители могут косвенно подвести молодых людей к вопросу о браке, а точнее, о необходимости регистрации брака:

«Обычно это заход издалека, через какую-то соседнюю тему или, как это, вообще смежную, вот и пытаются меня подвести к этой мысли. Ну, скажем так, не получается» (Инф. 4, муж., 24 года).

Однако не всегда дело ограничивается вопросами, иногда это более строгие наставления со стороны родителей — уже пора заключать брак и заводить детей. Основные аргументы родителей сводятся к следующему:

«Семья всегда должна быть» (Инф. 3, жен., 22 года).

«Уже пора, можно мы встречаемся уже 5 лет, как мы встречаемся, и на эти разговоры про то, что пора бы уже там жениться и детей» (Инф. 3, жен., 22 года).

Примечательно, что родители в своей аргументации руководствуются нормативными требованиями: необходимо следовать определенному правилу, соответственно, и их дети должны делать также. В то время как опрошенные представители поколения миллениалов склонны утверждать, что каждому следует поступать так, как он считает нужным:

«В целом это как людям комфортно» (Инф. 5, муж., 28 лет).

«Не может существовать единого рецепта какого-то совместной жизни» (Инф. 4, муж., 24 года).

Представители реформенного поколения больше ориентируются не на личные переживания, а на общественную оценку и устоявшиеся традиции.

В целом данная тема не становится причиной возникновения глубинного конфликта в семье, чаще это приводит к обсуждению, обмену мнениями.

Представители поколения миллениалов обычно спокойно реагируют на подобные инициативы со стороны родителей. Они стремятся изложить свою точку зрения и объяснить, по какой причине поступают таким образом и почему откладывают момент регистрации брака. Это может проявляться в виде шуток:

«Я обычно шучу, что ну выходи замуж за кого хочешь, я как бы не запрещаю — делай что хочешь, вот, я буду делать что я хочу» (Инф. 4, муж., 24 года).

Или в спокойном разъяснении своей позиции:

«Я стараюсь до последнего объяснить свою позицию. Спокойно объяснить, что, ну, вот мне же нужно найти работу, там, обустроить дом, где мы будем жить, да и деньги нужно на все это» (Инф. 5, муж., 28 лет).

Родители же могут реагировать по-разному, например, респонденты подчеркивают, что, хотя родители могут принять позицию молодых людей, они все равно остаются при своем мнении:

«В целом моя мама соглашается, но какие-то вещи, которые вот человек умом понимает, но на уровне восприятия они остаются старыми» (Инф. 4, муж., 24 года).

Молодые респонденты отмечают, что их представление о браке отличается от представлений их родителей. Для реформенного поколения брак является чем-то обязательным:

«Мама из того времени, когда брак, ну, скажем так, это скорее, я скажу так, это брак — это была вещь такая само собой разумеющееся, то есть там начали жить друг с другом, поженились, заводите детей. Такая в каком-то смысле обязательная» (Инф. 4, муж., 24 года).

«Глобально нет, но очевидно, что для них это более, более значимая, важная вещь. Тип ценность для меня, конечно, важна, но она не такая, очевидно, не такая высокая, как у родителей» (Инф. 5, муж., 28 лет).

Для родителей брак может выступать защитой от распада семьи, определенным гарантом сохранения семьи. Однако если говорить про представителей поколения миллениалов, то в ответ родителям миллениалы могут ответить, что сейчас, например, как таковой брак уже не влияет на формирование

семьи. Тем более, как было сказано выше, для миллениалов семья и брак — это разные вещи:

«На мой взгляд, теперь брак никак не влияет на укрепление семьи, ну, кроме как конкретных, каких-то исключительных случаев» (Инф. 2, жен., 23 года).

Размышляя о браке как гарантии того, что партнер будет с человеком всю жизнь, миллениалы задаются вопросом:

«Я говорю — а что, если в браке, то брак его удержит?» (Инф. 2, жен., 23 года).

В процессе коммуникации происходит обмен мнениями, однако каждый остается при своем.

Таким образом, можно сделать вывод, что, со слов миллениалов, позиция родителей по отношению к браку отличается от их мнения: брак для них обладает бóльшим значением по сравнению с молодыми. Для родительского поколения брак определяет взаимоотношения в семье; в то время как миллениалы, наоборот, считают, что намного важнее, каким образом складываются взаимоотношения в семье, нежели сам факт формального заключения брака.

Таким образом, мы наблюдаем различное понимание такого понятия, как «брак», представителями двух поколений, это, отражаясь в коммуникации между отцами и детьми, и может стать причиной появления дискуссий и споров. Однако можно сделать вывод, что глубинного конфликта, который бы выражался в агрессивной форме, нет, хотя и присутствует ценностный конфликт, который порождает различные формы *амбивалентной коммуникации*: то есть наблюдается ценностный конфликт, однако в процессе коммуникации это может выражаться в понимании и принятии мнения друг друга.

Кейс-стади: внутрисемейная коммуникация относительно брака и сожительства

Для начала необходимо определить близость отношений дочери и ее матери. Респондент, представитель миллениалов, оценивает отношения как недоверительные, особенно это проявлялось, когда респондент жил вместе с родителями. Какими-то моментами жизни респондент может поделиться с родителями, но обсуждать личную жизнь с партнером у респондента нет желания. Это можно определить как *амбивалентность взаимоотношений*:

«Ну, у меня не было с ними никогда сильно доверительных отношений, и, когда я еще жила с ними, мне очень хотелось побыстрее от них уехать, потому что там были ссоры и недопонимания. И когда я переехала в три месяца как, мы стали общаться реже, но при этом общение стало гораздо более спокойным... Однако в какие-то откровения мы

не вступаем это просто на бытовом уровне. Какие-то переживания насчет работы, а вот про личную жизнь с молодым человеком особо не обсуждаем» (дочь, жен., 22 года).

С позиции матери взаимоотношения с дочерью оцениваются также неоднозначно. Есть общение, коммуникация по тем или иным вопросам, но при этом есть и понимание, что у дочери может отсутствовать желание делиться чем-то с родителями:

«Я считаю, что, конечно мы общаемся. Мы разговариваем с ней на разные темы, но я думаю, что у нее все равно есть какие-то, ну, скажем так, не секреты, но какие-то такие моменты, которые она, наверное, не хочет со мной обсуждать» (мать, жен., 45 лет).

Если говорить о дочери, то в целом для респондента на данный момент в приоритете профессиональная реализация:

«Профессиональная реализация, то есть поиск какой-то работы, где я буду чувствовать развитие своих навыков» (жен., 22 года).

Сожительство до брака респондентом оценивается положительно, так как это позволяет получить опыт совместного проживания, выстраивания быта, понимания друг друга. Респондент подчеркивает, что в современном мире практически невозможно не жить вместе до заключения брака:

«Жить вместе — это совершенно другое, чем просто встречаться и состоять в отношениях, потому что во время проживания совместного могут появиться какие-то конфликты, которых не возникало раньше... мне кажется, начинать жить вместе после брака — это даже уже нереально почти в современном мире» (жен., 22 года).

Если говорить о браке, то респондент достаточно детально описывает свое отношение:

«Свадьба должна быть организована на бюджет именно молодоженов, что, ну, конечно же, родители могут помогать, но все-таки, когда тебе даже 22, когда только что окончил университет, ты еще не полноценно зарабатываешь. Нужно время, чтобы встать на ноги, чтобы найти нужную работу, у вас нет возможности откладывать какие-то большие деньги на свадьбу, но у нас принято все-таки играть свадьбу на всех родственников... То завязано на формальном заключении, то есть это вы с юридической точки зрения имеете уже другие права, по-другому воспринимается социумом. Но в принципе да, даже не знаю, наверное, если вы и без брака живете вместе, я не знаю, десять лет. То, кто может вас назвать не семьей? Мне кажется, что, ну, я не вижу какой-то прям острой потребности в браке в современном обществе» (жен., 22).

Но вместе с тем респондент оценивает регистрацию брака, как что-то «романтическое»:

«Это как-то, знаешь, более такой романтики, что ли, вносит. То есть, когда вы встречаетесь уже пять лет, тебе делают предложение, и вот эта вот вся романтическая история продолжается» (жен., 22).

Мать респондентки, будучи представителем реформенного поколения, уже иначе интерпретирует такое понятие, как брак:

«Брак в первую очередь — ответственность, доверие. То есть здесь в первую очередь ответственность перед человеком, с которым ты связываешь свою судьбу. Вот, ну, и, конечно, в дальнейшем перед детьми, потому что в браке, естественно, это естественно, что появляются дети» (жен., 45 лет).

Важно обратить внимание на то, как различается трактовка такого понятия, как «брак», разными поколениями. Если дочь определяет брак как нечто формальное, юридически закрепленный союз (при этом отмечая, что брак вносит некую романтику в отношения), то определение матери обладает совершенно другим характером. Она вкладывает в это понятие другое значение: «ответственность» и «доверие», что не было озвучено ее дочерью. Для матери брак является действительно значимым и важным, поэтому она понимает, что для современной молодежи сожительствовать — это нормальная практика, но, с другой стороны, считает, что если молодые люди находятся в отношениях, проживают вместе, то это должно прямо вести к регистрации брака:

«Я понимаю, что в современном мире это имеет место быть, вот такая практика. И, но я считаю, что все-таки нужно, если уже решили, как возникли какие-то чувства между молодыми людьми, если живут вместе и если как-то очень долго в отношениях, то вот следует заключить официальный брак и проживать вместе» (жен., 45 лет).

Переходя непосредственно к межпоколенной коммуникации, отметим, что инициатором обсуждения темы планирования брака чаще всего становится мать. С ее стороны могут поступать следующие вопросы:

«Ну что, когда у вас свадьба?» (жен., 22 лет).

«Да, бывает, я уже неоднократно говорила о том, что нужно просто тогда пожениться, если вы уже решили жить вместе. Это уже говорит о том, что вы созрели для более таких серьезных отношений, для совместного проживания, почему бы не заключить брак, ну, создать именно вот полноценную семью» (жен., 45 лет).

Во фразе родителя четко прослеживается значимость регистрации брака: если молодые люди уже совместно проживают, то заключить брак является значимым шагом к созданию полноценной семьи.

Реакция дочери на подобные разговоры выражается в спокойном объяснении своей позиции:

«Объясняю свою позицию. Я говорю, что ну вот свадьба пока не планируется, да у меня есть другие ценности» (жен., 22 года).

Родитель оценивает реакцию своей дочери следующим образом:

«Ну, бурной реакции нет. То есть, ну, как-то так нейтрально. Говорит, что да, мы живем вместе и нам хорошо вместе. Нам нужно работать, зарабатывать какой-то капитал, а уже потом брак и все остальное» (жен., 45 лет).

Кроме того, важно подметить, как дочь комментирует отношение родителей к ее мнению:

«Они просто считают, что я еще молодая — ничего не понимаешь, что вообще-то давным-давно уже пора жениться, а ты глупости здесь какие-то говоришь, точнее, замуж выходить (жен., 22).

Можем заметить определенное недоверие к дочери: по мнению родителей, их уже взрослая дочь не обладает достаточными знаниями и жизненным опытом, чтобы принимать решения, как правильно жить.

Во время интервью представительница старшего поколения не высказалась по этому поводу, но все же такая позиция может говорить об определенном авторитете родителей. Нужно поступать так, как говорят старшие, потому что знаний и опыта у них значительно больше, чем у молодых людей.

Важно обозначить, что во время интервью представительница старшего поколения позиционирует себя, как часть определенного поколения, для которого характерны свои поведенческие паттерны:

«Мое поколение жили именно вот таким образом, что нужно выйти замуж, родить детей и, естественно, мы работали. Вот и что-то сейчас меняется, но просто меняются люди, но жизнь как бы такая же, также выходят замуж, рожают детей, работают... Карьеру, карьеру строить вообще можно десятилетиями, ребенок здесь не помеха... То есть наше поколение росло именно так, и я считаю, что сейчас тоже так же должно быть, так правильно» (жен., 45 лет).

Таким образом, в интервью отражены две типичные позиции: дочь рассуждает с позиции первичной значимости самореализации, мать высказывает позицию совмещения семейных и социальных ролей и отмечает значимость

«должного в обществе». Такие фразы, как *«так правильно»*, *«так должно быть»*, свидетельствуют о том, что мать в понимании семьи ориентируется на нормативные представления о должном.

Обе респондентки характеризуют свою коммуникацию друг с другом как обсуждение, обмен мнениями, где, несмотря на различное понимание брака, семьи, глубинный конфликт отсутствует:

«Ну, до конфликтов серьезных никогда не доходило. Это могут быть просто спор... это просто вот перекидываемся мнениями, которые противоположные, и затихаем» (жен., 22 года).

«Сильных конфликтов нет, но все равно, когда я высказываю свое мнение по этому поводу, я чувствую со стороны дочери какой-то, какое-то неприятие моего мнения» (жен., 45 лет).

Однако у матери есть надежда, что однажды ее дочь поменяет свое мнение:

«Я не то чтобы настаиваю на этом, но задаю такие вопросы, может быть, чтобы надоумить, чтобы подумали про брак и детей... ну, конечно, я ожидаю с ее стороны принятия моего мнения и как-то чтобы они задумалась об этом» (жен., 45лет).

Важно подчеркнуть, что в процессе такой коммуникации по поводу семейно-брачных ценностей отсутствует какое-либо принуждение к действию. Это также подмечает более молодой респондент:

«Но опять-таки никто никого не заставляет это делать. Они будут безумно рады, если я все-таки прислушаюсь, но сильно не давит» (жен., 22 года).

Можно сделать следующие выводы: данный кейс является примером того, каким образом может складываться коммуникация по поводу сожительства и планирования создания своей семьи между представителями разных поколений в рамках одной семьи. Разное понимание брака и его роли, разное понимание необходимых условий для создания семьи, ориентация представителя миллениалов на принцип «я хочу» и вместе с тем ориентация родителя на «как должно быть» — данные различия выражаются в межпоколенной коммуникации в виде обсуждений, обмена мнениями, споров, но важно подчеркнуть, что подобная коммуникация не выражается в виде глубинного конфликта и не принимает форму принуждения, однако надежда на изменение мнения дочери у родителя все же есть. Данный тип межпоколенной коммуникации можно определить, как *межпоколенный ценностный конфликт*, который не выражается в агрессивной форме, но проявляется в несоответствии убеждений и установок по поводу сожительства и планирования брака.

Заключение

В результате проведения пилотажного исследования можно сделать первичные выводы и сформулировать несколько критериев для дальнейшего изучения данной проблематики (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Критерии для исследования межпоколенной коммуникации миллениалов и их родителей по поводу брака и сожительства

	Представители поколения миллениалов	Родители миллениалов (условно представители реформенного поколения)
Отношение к сожительству	Положительная оценка.	Возможна неоднозначная оценка: положительное и негативное отношение.
Отношение к браку	Брак — некая формальность и необходимость при рождении детей.	Брак — некая ценность, необходимость для семейных отношений.
Ориентация на чужое мнение	Присутствует индивидуализм в планировании семьи.	Присутствует ориентация на чужое мнение.
Способы обмена мнениями	Объяснение своего мнения.	1) Наставления. 2) Вопросы. 3) Принятие/согласие.
Межпоколенный ценностный конфликт	<i>Разное отношение к сожительству и браку, различное понимание ценности брака может проявляться в коммуникации между представителями двух поколений в виде несогласия.</i>	
Разрешение ценностного конфликта	1) Объяснение своего мнения. 2) Уход от разговора.	1) Стремление навязать свою точку зрения. 2) Принятие мнения молодых людей, однако не отказ от своих собственных убеждений.
Солидарность	Солидарность межпоколенных отношений может выражаться в виде <i>согласия и принятия мнения друг друга</i> , однако каждая из сторон коммуникации может остаться при своем мнении.	
Амбивалентность отношений	С одной стороны, можно наблюдать наличие межпоколенного ценностного конфликта в несогласии друг с другом, но, с другой стороны, возможно наблюдать принятие мнения своего собеседника. Также амбивалентность выражается в том, что поддержка хороших отношений с родителями представляет определенную ценность, именно поэтому межпоколенный конфликт выражается не в агрессивной форме, а скорее в виде обсуждений и обмене мнениями.	

Предложенная аналитическая схема изучения межпоколенных отношений опирается на данные предыдущих «больших» исследований, где зафиксированы существенные расхождения в ценностях и практиках двух поколений относительно семейно-брачного поведения, что вытекает из различий поколенческого опыта реформенного поколения и миллениалов в разных социальных контекстах. Мы также зафиксировали возможные типы межпоколенной коммуникации при возможном наличии подобных расхождений (солидарность, амбивалентность, конфликт) и возможные эмпирические эквиваленты.

Переходя на микроуровень, мы попытались определить возможные способы и формы разрешения подобных расхождений в случае непосредственного общения представителей двух поколений в рамках семейного общения. Пилотажное глубинное исследование позволило выявить разнообразие возможных форм семейного взаимодействия по ключевым вопросам расхождения во взглядах: ценностям семьи в общей иерархии жизненных ценностей; различии понятий семьи и брака представителями двух поколений; отношении к добрачному сожительству; ориентации на мнение нормативно-должного и собственное мнение. При этом было выявлено также достаточно ожидаемое разнообразие в семейных практиках межпоколенного взаимодействия — от солидарности до неявного конфликта.

Избранный дополнительный методический инструмент позволил несколько уточнить и углубить представление об основном типе межпоколенной коммуникации на уровне семьи, поскольку отражал непосредственное общение представителей двух поколений по одному узкому кругу вопросов — отношение к браку и сожительству. На основании пилотажного исследования можно определить и предложить в качестве гипотезы основной тип такого взаимодействия «амбивалентная солидарность» — как попытку разрешать ценностный конфликт представителей двух поколений путем переговоров и компромиссов, не доводя до прямого конфликта.

Аналитическая схема рассмотрения проблематики межпоколенной коммуникации предусматривает как предварительный анализ больших количественных данных, так и рассмотрение возможной аналитической модели, углубление в детализацию одного избранного узкого аспекта с погружением в микроанализ.

Литература/ References

- Болдырев В. А. Итоги переписи населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1990.
 Boldyrev V. A. (1990) *Itogi perepisi naseleniya SSSR* [Results of the USSR Population Census]. Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)
- Бурмыкина О. Н. Тенденции изменений межпоколенных семейных отношений // Петербургская социология сегодня. 2019. № 2. С. 134–153. DOI: <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-12.37dm-dk27> EDN: SMCOTK
- Burmykina O. N. (2019) Trends of Changes of Intergenerational Family Relations. *Peterburgskaya sociologiya segodnya* [Petersburg Sociology Today]. No. 2. P. 134–153. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-12.37dm-dk27>

Вдовина М. В. Конфликтные взаимоотношения поколений в семье и их регулирование // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 315–321. EDN: JZBMKR

Vdovina M. V. (2018) Conflicted Interaction Between Generations in a Family and Its Settlement. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]. No. 3. P. 315–321. (In Russ.)

Глотов М. Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 42–48. EDN: OWMZGP

Glotov M. B. (2004) Generation as a Category of Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10. P. 42–48. (In Russ.)

Ипатов А. А., Тындик А. О. Репродуктивный возраст: 30-й летний рубеж в предпочтениях и биографиях // Мир России. 2015. Т. 24. № 4. С. 123–148. EDN: UIPFFB

Ipatova A. A., Tyndik A. O. (2015) Reproductive Age: 30 Years Old in Preferences and Biographies. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 24. No. 4. P. 123–148. (In Russ.)

Мангейм К. Проблема поколений // Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции / Под ред. Скворцова Л. В. / Пер. с англ. Е. Я. Додиной. М.: ИНИОН РАН, 2000.

Mannheim K. (2000) Problema pokolenii [The Problem of Generation]. In: *Skvortsov L. V. (ed.) Ocherki sociologii znaniya: Problema pokolenii — sostyazatel'nost' — ekonomicheskie ambicii* [Essays on the Sociology of Knowledge: The Problem of Generation — Competition — the Nature of Economic Ambition]. Transl. from Eng. by E. Ya. Dodina. Moscow: INION RAN.

Митрофанова Е. С. Модели взросления разных поколений Россиян // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 53–74. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10427> EDN: GSPFFS

Mitrofanova E. S. (2019) Models of the Transition to Adulthood of Different Russian Generations. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 6. No. 4. P. 53–67. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10427>

Нечаева Н. А., Бурмыкина О. Н. Теоретическое наследие С. И. Голода и современные исследования семьи, брака межпоколенных отношений // Петербургская социология сегодня. 2020. № 13–14. С. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-13-14.kexs-2d58> EDN: RPFXYI

Nechaeva N. A., Burmykina O. N. (2020) Theoretical Heritage of S. I. Golod and Modern Studies of Family, Marriage and Intergenerational Relationship. *Peterburgskaya sociologiya segodnya* [St. Petersburg Sociology Today]. No. 13–14. P. 5–22. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-13-14.kexs-2d58>

Паршина В. В. Межпоколенческие конфликты как одна из проблем функционирования молодой семьи: теоретический аспект // Проблемы современной науки и образования. 2013. № 4. С. 134–137. EDN: SCPLJ

Parshina V. V. (2013) Intergenerational Conflicts as One of the Problems in the Functioning of a Young Family: Theoretical Aspect. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Problems of Modern Science and Education]. No. 4. P. 134–137. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Издательский дом ВШЭ, 2020. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1> EDN: STOTFS

Radaev V. V. (2020) *Millenialy: kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo* [Millennials: How the Russian Society Changes]. Moscow: Izdatelskij dom VShE. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1985-1>

Arnett J. J. (2000) A Emerging Adulthood. Theory of Development From the Late Teens Through the Twenties. *American Psychologist*. Vol. 55. No. 5. P. 469–480.

Bengston V. (2001) Beyond the Nuclear Family: The Increasing Importance of Multigenerational Bonds. *Journal of Marriage and Family*. No. 63. P. 1–16.

Pillmer K., Lüscher K. (1998) Intergenerational Ambivalence: a New Approach to the Study of Parent-Child Relations in Later Life. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 60. No. 2. P. 413–425.

Сведения об авторе:

Салангина Ольга Николаевна — студентка магистратуры, МГУ им. М. В. Ломоносова; старший лаборант, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. **E-mail:** salangina.olga2016@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию: 10.04.2024
Принята к публикации: 06.06.2024

BAK: 5.4.4.

.....

Features of Intergenerational Family Communication of Millennials with Their Parents: Attitude to Marriage

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.5

Olga N. Salangina Lomonosov Moscow State University,
Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia
Email: salangina.olga2016@yandex.ru

This article is devoted to the study of the problems of intergenerational communication within the family between representatives of the millennial generation and their parents about marriage and cohabitation. Based on empirical data, it was concluded that there are changes in the behavioral practices of marriage planning by the millennial generation in comparison with their parents (representatives of the reformed generation). Representatives of millennials postpone the moment of marriage and the practice of cohabitation is becoming more widespread, which was not typical for their parents. This article presents the results of a pilot study using the in-depth interview method and the case study method. Criteria were defined in the form of an analytical scheme for further research of this issue. It was also concluded that differences in the values and practices of two generations give rise to a variety of intergenerational communication — from solidarity to implicit conflict. However, it was proposed as a hypothesis to single out ambivalent solidarity as the main type of intergenerational communication in the form of resolving a value conflict without leading to a direct conflict.

Keywords: generation; intergenerational communication; millennials; marriage; concubinage

Author Bio:

Olga N. Salangina — MA Student, Lomonosov Moscow State University; Senior Laboratory Assistant, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia. **E-mail:** salangina.olga2016@yandex.ru.

Received: 10.04.2024
Accepted: 06.06.2024

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.6

EDN: WEFLUQ

Интерсекциональный подход к изучению неравенства: групповой научно-образовательный проект

Ссылка для цитирования:

Жесько Э.М., Петрухин Л.Н. Интерсекциональный подход к изучению неравенства: групповой научно-образовательный проект // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 2. С. 113–128. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.6> EDN: WEFLUQ

For citation:

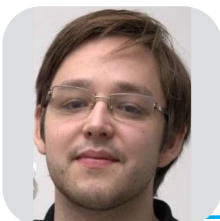
Zhesko E.M., Petrukhin L.N. (2024) Intersectional Approach in Social Inequality Research: Group Project. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 2. P. 113–128. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.6>

Жесько Элла Михайловна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: ezhesko@hse.ru

Петрухин Леонид Николаевич

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: petruhinleonid@gmail.com

Настоящая статья содержит результаты научно-образовательного проекта, направленного на тестирование возможностей интерсекционального подхода для описания матрицы социального неравенства в российском контексте. На основе анализа индивидуализированных нарративов информантов, принадлежащих к потенциально дискриминируемым группам, авторы предприняли попытку отследить взаимовлияние разнонаправленных векторов социального неравенства, которые предопределили их жизненный путь. В результате эмпирического апробирования данного подхода были обозначены границы применимости интерсекционального анализа, указаны

его методологические достоинства и недостатки, осуществлена рефлексия опыта применения концепции, а также даны некоторые рекомендации по дальнейшему развитию подобных образовательных проектов.

Сопоставляя результаты работы всех участников группового проекта¹, авторы пришли к выводу, что картина сложного переплетения механизмов социальной иерархии применительно к рассмотренным индивидуальным случаям зачастую может быть представлена как «оплетение» ключевого параметра дискриминации рядом второстепенных, что создавало сложный, углубленный в контекст конкретной социальной ситуации, индивидуализированный механизм стратификации.

Данный проект осуществлялся коллективом студентов по инициативе профессора Елены Юрьевны Рождественской в рамках курса «Биографический метод в социологии» по магистерской программе «Комплексный социальный анализ» НИУ ВШЭ.

Ключевые слова: интерсекциональный подход; научно-образовательный проект; ОВЗ; третий возраст; гендерная идентичность; религиозная идентичность.

Интерсекциональный подход к исследованию социального неравенства

Интерсекциональный подход в общественных науках возник во второй половине 1980-х в процессе критики доминировавших в научном дискурсе функционалистских взглядов на общество, редуцировавших социальную жизнь до взаимодействия устойчивых унифицированных факторов [Гаврилюк, 2018]. Исходившая, главным образом, от феминистских авторов, критика касалась проблематичности подобных допущений при анализе социального неравенства. Перспективность внесения дополнительных измерений социальной стратификации была продемонстрирована на примере роли гендерной компоненты при определении доступности некоторых профессиональных позиций [Murgatroyd, 1982]. Гендер как ключевое основание для критики традиционной системы социальной стратификации был избран интерсекциональными исследователями вследствие необоснованной на их взгляд фокусировки этого подхода на мужчинах-главах домохозяйств и при этом игнорировании роли неоплачиваемого домашнего труда женщин и, соответственно, их вклада в неформальную экономику, а также их ограниченных возможностей для трудоустройства [Stanworth, 1984].

¹ Авторы используют материалы всех участников коллективного проекта, как первичные тексты проведенных интервью, так и аналитические записки, написанные отдельными участниками. Участники проекта — студенты 2 курса магистратуры НИУ ВШЭ: Леонид Петрухин, Анастасия Смирнова, Дмитрий Резников, Акиф Гаджиев, Татьяна Даутова, Данила Иванов, Полина Крапчатова, Анна Гребенкина, Дмитрий Подгорный, Кира Легут, Элла Жесько, Ксения Дукельская, Александра Машковская, Эстер Борисса, Тамара Мхитарян, Дмитрий Потапов, Марфа Фирсуткина, Кристина Хылпус.

В более поздних работах теории интерсекционального подхода расширили фокус факторов социальной дискриминации и вывели их за пределы гендерной принадлежности. В качестве основных характеристик, влияющих на социальный статус, стали рассматриваться раса [Crenshaw, 1991; Hogan, 2001], класс [Choo, 2010], возраст [Harnois, 2014] и сексуальность [Valocchi, 2005]. Главная черта, которая отличает последователей интерсекционального подхода, заключается в отказе от утверждения одного единого фактора как основания всей системы социального неравенства и указании на сложную взаимосвязь социальных характеристик, лежащих в основе “матрицы” угнетения. Идея интерсекциональности состоит в том, что факторы социальной дискриминации воздействуют не изолированно, но взаимно усиливают друг друга в точках пересечения, создавая особый «узор», специфический для каждой социальной позиции с учетом ее контекстуальных особенностей [Темкина, Здравомыслова, 2017]. Тем не менее, несмотря на этот теоретический постулат, перед интерсекциональным анализом на протяжении всей истории его существования по-прежнему остается неотвеченным вопрос: можно ли считать одно из оснований угнетения определяющим социальное положение индивида [Cho, 2013].

Таким образом, в генезисе интерсекционального подхода закрепился ряд характерных черт. Во-первых, это критическое отношение, часто феминистического толка, к доминирующим парадигмам изучения социального неравенства. Во-вторых, приоритет отношений власти при изучении проблемы неравенства. В-третьих, зачастую интерсекциональные исследователи во главу угла ставят гендер как одно из важных оснований социальной стратификации, хотя и предпринимаются попытки связать разные векторы дискриминации между собой [Harnois, 2014].

Применение интерсекционального подхода

Интерсекциональный подход предполагает описание социальной позиции индивида или группы индивидов как состояния на пересечении нескольких осей властных отношений. При этом исследовательская задача состоит в том, чтобы вскрыть комплексный механизм формирования социальной позиции в стратификационной системе и обнажить разносторонние социальные векторы, одновременное действие которых в каждой конкретной ситуации определяет положение группы в пространстве власти и угнетения [Темкина, Здравомыслова, 2017]. Можно выделить три направления приложения интерсекционального подхода: к группе, процессу, к социальной системе [Choo, 2010]. В первом, интракатегориальном [McCall, 2005], случае исследователи выбирают определенную депривированную группу, например, не-белые женщины [Esnard, 2018], мигранты [Рочева, 2014; Mountz, 2022] или не-гетеросексуальные люди [Valocchi, 2005], артикулируют их проблемы, чтобы затем определить возможные мотивы политического действия, которое может быть направлено на улучшение жизненных условий данной группы.

Процессно-ориентированный подход сфокусирован на том, каким образом разные векторы дискриминации, взаимодействуя, вносят свой вклад в формирование социального статуса [McCall, 2005]. Авторы этого направления отходят от категорий идентичности и статусов, сосредотачиваясь на «интеркатегориальности» как процессе взаимовлияния векторов дискриминации [Choo, 2010]. В рамках этого подхода исследуются процессы социального конструирования неравенства, как попытка ответить на вопрос о том, как гендер, раса, возраст и другие характеристики, определяют положение группы в системе социальной стратификации [Castiello, 2013].

Наконец, исследователи, придерживающиеся системного подхода, фокусируются не на разрозненных проявлениях неравенства (в сфере труда, образования и др.), а рассматривают отношения, основанные на гендере, классе и расе, как ядро, воспроизводящее капиталистическую экономику, определяющее режимы занятости и экономическую стратификацию [Peterson, 2005]. Векторы дискриминации изначально интегрированы в социальную систему и диктуют формирование социальных институтов в том виде, в котором они существуют в каждый конкретный момент, что указывает на невозможность рассмотрения векторов дискриминации изолированно [Choo, 2010].

Вне зависимости от направления, эвристика интерсекционального анализа заключается в критике одномерного подхода к неравенству и привнесение дополнительных измерений социальной стратификации. Предлагаемые варианты, тем не менее, не лишены недостатков. Сосредоточенность на исследовании единичных случаев, характерная для интро- и интеркатегориальных подходов, не способствует формированию согласованной модели, связывающей множество оснований неравенства в теорию, описывающую воспроизводство системы социальной стратификации. В то же время системный подход, ориентированный на более комплексный взгляд на вклад интерсекциональных компонент в социальное неравенство, делает принципиально неразделимыми основания дискриминации и сформированную ими систему социальной стратификации, что снижает аналитический потенциал подхода.

Помещение проблемы неравенства в центр исследовательского интереса, с одной стороны, наделяет интерсекциональный подход своеобразием, с другой — вызывает ряд трудностей для эмпирической реализации концепции. Выход в поле сопряжен с двумя ключевыми опасностями. С одной стороны, прямое обращение к информантам с просьбой описать свой опыт дискриминации неэтично и требует определенной рефлексии со стороны информанта, поскольку далеко не все представители изучаемых групп осознают депривацию, с которой сталкиваются в повседневности. Попытки исследователя приблизиться к сюжетам дискриминации на этапе интервью могут быть поняты как наведение на одобряемый ответ, а попытки обнаружить «между строк» необходимые маркеры после интервью — как додумывание. С другой стороны, необходимая операционализация дискриминации для каждой конкретной исследуемой группы формирует у исследователя определенные ожидания от информанта, что не только не освобождает от наведения, но и ограничивает

внимание к вариантам дискриминации вне заданной на этапе разработки инструментария рамки.

Дискриминация, поскольку она вплетена в ткань повседневности, заметна только теоретически подкованному критическому взгляду. Во многом представление о дискриминированном положении группы — результат проведения работы по сопоставлению повседневного опыта разных групп и рефлексии. В любом случае слишком оптимистично ожидать критического осознания своего угнетенного положения от представителей потенциально дискриминируемых групп, которое бы достаточно явно и недвусмысленно постулировалось в структурированном исследовательском интервью. Получается, что понятие дискриминации представляет сложность, потому что его эмпирическая проверка ограничена способностью информанта к рефлексии, равно как и рассуждение о проблематичности угнетенного состояния с привлечением эмпирического материала. Тем не менее, исследовательская практика демонстрирует [Рочева, 2014; Тартаковская, 2015], что, при всех обозначенных сложностях, успешное эмпирическое исследование опыта дискриминации осуществимо.

Итак, в качестве наиболее продуктивного направления интерсекционального анализа видится гендерное неравенство, поскольку это один из первичных аспектов в процессе развития подхода, а также экономическое неравенство как следствие воздействия множества дискриминирующих факторов. Уместен фокус на случаях дискриминации в сфере образования и труда, поскольку эти аспекты влияют на положение индивида или группы в системе экономической стратификации наиболее явно. Одним из важнейших вопросов остается соотношение факторов дискриминации: и если в рассматриваемом случае мы наблюдаем наличие лишь одного доминирующего фактора дискриминации, свидетельствует ли это о неприменимости интерсекционального подхода?

Возможности подхода для определения «узора» векторов дискриминации

Интерсекциональный анализ представляет собой не только теоретический подход, созданный для изучения многослойных механизмов социальной стратификации, но и инструмент политического действия. Одна из целей теоретиков интерсекционального анализа — предложить альтернативный язык описания социальной стратификации для того, чтобы эффективнее бороться с существующей системой угнетения. Исследователи, принадлежащие к интерсекциональному направлению, открыто признают свою публичную ангажированность и политизированность целей [Темкина, Здравомыслова, 2017].

Одновременно с призывами к политическому действию, последователи интерсекционального подхода не только описывают основополагающие факторы угнетения, но и расширяют перечень учитываемых параметров, в результате чего возникает эффект «эт-сетера», когда список факторов угнетения заканчивается фразой «и так далее», отсылая к потенциальной возможности

существования параметра, еще не учтенного исследователем, который, тем не менее, может оказывать влияние на поддержание неравенства [Butler, 1990]. По мнению Юваль-Дэвис, экспансия интерсекционального анализа оказывается оправданной, поскольку предоставляет возможность контекстуального изучения механизмов неравного распределения ресурсов, характерных для данной культурной среды или ситуации [Yuval-Davis, 2011].

На примерах, приведенных эмпирической части данной статьи, в качестве оснований дискриминации авторами был рассмотрен возраст, этничность, религиозная идентичность и телесность. Приведенные примеры объединяет не только тематическая направленность, но и схожесть проблем, с которыми столкнулись информанты.

Подготовка данного текста проходила поэтапно. Коллектив авторов разделился на семь групп, каждая из которых выбрала эмпирический объект, разработала инструментарий и провела полуструктурированное интервью с одним или двумя информантами. По результатам анализа эмпирического материала каждая подгруппа представила текстовый отчет, содержащий попытку интерпретации эмпирического материала в логике интерсекционального подхода. На втором этапе тексты были переданы Э. Жесько и Л. Петрухину для отбора и компоновки полученного материала в целостную работу и создания предваряющих и резюмирующих комментариев, в результате чего была подготовлена данная публикация.

На примере изложенных далее случаев мы демонстрируем возможную многомерность оснований дискриминации, при этом гендер как фактор во всех случаях играл не первостепенную, но существенную роль, хотя и уступал по своему влиянию таким параметрам как религия, этничность, труд и возраст.

Опыт девушек мусульманок, получающих высшее образование

Проведенные интервью описывают опыт двух мусульманок: Д., выросшей в мусульманской среде, и М., пришедшей к исламу после замужества. Д. — татарка, проживающая в Набережных Челнах. Ей 24 года, она замужем. Преподает иностранный язык и заочно обучается в магистратуре. М. проживает в Москве. Ей 29 лет, она также замужем. Работает на административной должности в одном из московских ВУЗов и там же обучается в магистратуре. Подбор информанток осуществлен так, чтобы главным фактором, дифференцирующим их опыт, была глубина и длительность погружения в религиозную среду.

Данный подпроект представлял собой попытку описать, каким образом секулярные и сакральные ценности, имеющие конфронтующую природу, адаптируются девушками-мусульманками, получающими высшее образование; каковы факторы дискриминации, которые испытывают девушки, в том числе в стенах университета.

Наиболее заметным проявлением религиозной дискриминации, с которым сталкивались информантки, была неприспособленность инфраструктуры под

нужды мусульманских ритуалов, при этом гендерная специфика состояла в напряжении между ожиданиями от женщин в секулярном обществе и религиозных предписаний.

Анализируя данный случай, наша коллега отмечала, что в опыте информантки можно выделить структурный и социальный типы дискриминации. Первый состоит в отсутствии молельной комнаты в университете, что препятствует комфортному сочетанию религиозной, профессиональной и академической видов деятельности. Для совершения намаза информантка вынуждена пользоваться общественным гардеробом.

Относительно социального типа дискриминации исследовательница отмечала, что восприятие факторов дискриминации респондентка описывала как сложную картину, которую можно интерпретировать как совмещенное действие гендерно окрашенных религиозных предписаний и социальных ожиданий секулярного общества относительно поведения женщин:

«Эти люди называли меня монашкой... она просто взяла и начала меня проклинать на ровном месте, хотя я в первый раз вижу эту женщину» (М., 24 года).

Также информантка в качестве вербального проявления дискриминации отмечала такие неэтичные вопросы окружающих как:

«А почему вы носите платок? А вы в душе тоже в нем? Как купаетесь? А по дому тоже так ходите?» (М., 24 года).

В случае информантки-мусульманки Д. на перечисленные параметры дискриминации наложился вектор этничности. Поскольку ее этническое окружение в большинстве своем не исповедует ислам, то она оказалась более чувствительной к дискриминации, «возникшей» уже после принятия ею ислама. По сравнению с предыдущей информанткой она чаще отмечала вербальные проявления дискриминации в свой адрес со стороны ближайшего социального окружения (родственников, однокурсников в университете, преподавателей и незнакомцев в метро):

«Мне звонила тётя и говорит: вот, зачем ты так в платке начала ходить, ты же на Лубянке постоянно. Был же теракт какое-то время назад, тебя там будут останавливать» (Д., 29 лет)

«Есть одна девочка... Она сама тоже верующая, она христианка. Она мне как-то сказала: ой, у тебя такие глаза красивые, и вообще ты так хорошо выглядишь, хотя и мусульманка» (Д., 29 лет).

В российском контексте ключевыми для определения положения в системе социальной стратификации выступает пересечение факторов гендера, класса и этничности [Богданова, Бредникова, 2012]. В случае М. и Д. для

определения положения в социальной иерархии наибольшее значение имеет пересечение гендерного и религиозного статуса, что входит в конфликт с ожиданиями секулярного общества и выражается в инфраструктурных барьерах при повседневных ситуациях взаимодействия респонденток. Как показала на французском примере Жюльет Ренн [Rennes, 2012] религиозная дискриминация (например, негативное отношение к хиджабу) оказывается продуктом не только религиозной, но и гендерной, этнической и политической дискриминации по отношению к мигрантам.

Ситуация интернализации дискриминации при перемещении в иную культурную среду

Фокусируясь на механизме дискриминации при пересечении векторов этнического, религиозного, гендерного и трудового статуса, наши коллеги анализировали опыт двух мигрантов из стран с мусульманской культурой. Г. — первая информантка — сорокапятилетняя уроженка Узбекистана, приехала в Москву в 2014 г., работает домработницей. Второй информант, Ю., уроженец Афганистана, ему пятьдесят четыре года, он работает в университете на инженерной должности.

Ожидая обнаружить субъективное восприятие ситуации как дискриминирующей, вместо этого в данном случае исследователи столкнулись с ситуацией интернализации возможной дискриминации со стороны этнического большинства. Предшествующий религиозный и гендерный статус респондентов во многом предопределил их повседневность: труд, домашнюю работу, распределение ролей в семье. Толчком для возникновения ощущения «дискриминированного» для информантов стала смена культурного контекста, вызванная миграцией. В результате произошло несколько иное: с одной стороны, дистанцирование от наиболее неудобных форм исходной культуры и, с другой стороны, интеграция с наиболее приемлемыми нормами принимающей культуры.

Оба информанта придерживаются традиционной для исходной культуры гендерно окрашенной модели семейных отношений. Круги общения супругов не пересекаются, при этом семьи, в основном, общаются с мигрантским окружением из своей культуры исхода:

«У женщин свой круг, в общем. У нас, не знаю, так принято — или как сказать? — но женщины обычно с женщинами общаются. Из афганских семей, которые с женами, детьми...» (Ю., 54 года)

«Очень много [друзей] было, когда я сиделкой была. Сейчас мой муж... он меня как бы перегородил [ограничил от общения с друзьями]» (Г., 45 лет).

При общем следовании традиционной модели семьи, характерной для исходной культуры, информанты избирательно критикуют эту модель, оценивая ее уже с позиции норм новой среды там, где им это удобно:

«У нас ведь [в Афганистане] так и принято: мужчина сказал — значит, все. Это тупизм, я считаю. Вот это “я мужчина, а ты сиди молча” — это в Афганистане очень распространено» (Ю., 54 года)

«Такого, что женщина обязательно это делает, а я мужчина обязательно то делаю — у нас [в семье] такого, слава Богу, нет» (Ю., 54 года).

Нормы исходной культуры в новом контексте принимаются или отвергаются ситуативно. Результатом становится специфическая идентичность мигрантов, которая черпает из обеих культур наиболее оправданные с точки зрения прагматики повседневной жизни практики и мнения, а неудобные и усложняющие жизнь определяет как дискриминирующие. Таким образом, восприятие существующей в традиционных культурах гендерной дискриминации обостряется новыми условиями среды (этнической, правовой, культурной дискриминацией принимающей страны [Rennes, 2012]) и формирует специфическую форму восприятия своего статуса, которая совмещает оценку с точки зрения норм исходной и принимающей культуры.

Возраст, гендер, труд: проблема актуализации своей идентичности в третьем возрасте

На этом кейсе исследователи ставили цель изучить способы совмещенного воздействия гендерного, возрастного и трудового измерений статуса на восприятие себя с точки зрения дискриминации, поскольку в российском контексте статусы «старика» и «пенсионера» имеют негативные коннотации [Рогозин, 2012].

В основу анализа было положено интервью с Н., работающей пенсионеркой 63 лет. При описании своего опыта информантка настаивала на неприятии себя с точки зрения медиализованного возраста старости [Смолькин, 2007] и утверждала, что субъективное восприятие своего возраста важнее телесных проявлений старения и нормативно установленных рамок «старости»:

«Мне вот 63 года. А я в душе — как будто мне 45» (Н., 63 года).

По словам авторов этого подпроекта, информантка хоть и упоминала отдельные возрастные проблемы (например, больную ногу), но не артикулировала эту проблему, как значимую.

При анализе этого кейса исследователи заключили, что в данном случае происходит использование дискурсивных и телесных практик «управления» возрастом и гендерной идентичностью. Информантка дистанцировалась от своего возрастного статуса посредством тактики «либерализации от старения» [Максимова, 2020] на дискурсивном и практическом уровнях, при этом она старалась сохранять свою феминную идентичность.

Фиксировалось, что дистанцирование от нормативного представления о старости происходит обычно как избегание двух ключевых социальных маркеров статуса старости: нетрудоспособности и бесполости [Shadrina, 2022] и вербализация значимости трудовой занятости. В данном случае информантка продолжает работать и ведет активный образ жизни. Ответом на «бесполость» старости в ее случае является позиционирование себя как женщины даже в условиях, когда среда не поддерживает демонстрацию феминности. В описании своего опыта информантка пыталась вербально нейтрализовать маскулинный образ своего увлечения рыбалкой и подчеркивала свою женскую идентичность (напр., тяга к ювелирным украшениям, ношение сережек и т.д.).

Исследователи пришли к заключению, что в жизненном опыте информантки преобладают индивидуальные компенсаторные практики, которые направлены на преодоление стигматизации человека пожилого возраста.

Авторы отмечают, что Н. своими практиками осознанно или неосознанно дает ответ стереотипам старения и феминности. Она скорее придерживается тактики либерализации от старения. Такая линия поведения может быть ответом на общепринятые стереотипы, но, в то же время, может рассматриваться и как переопределение стигмы пожилого возраста. Этот индивидуальный опыт соответствуют типичным российским сценариям гендерно-возрастного социального контракта: женщина-добытчица и опекунша», считают исследователи.

Дистанцирование от дискурса медикализации старости происходит посредством противопоставления своей политики стандартным атрибутам старения: «нетрудоспособности» и «бесполости» и сохранения нормативных представлений о женственности, не свойственным ее возрасту [Низамова, 2016].

Ограничения и применимость интерсекционального подхода

Переходя к обобщениям, необходимо отметить, что несмотря на то, что все участники проекта выбирали объект, учитывая важность гендера при интерсекциональном анализе, в некоторых работах вклад гендерной компоненты в социальное положение информантов оказался незначительным. Из семи проектов только три, которые были представлены выше, отражали принципы многовекторной дискриминации, в остальных случаях отчетливо доминировало только одно основание. В данном разделе изложим предположения о причинах ограниченной применимости интерсекционального подхода к отдельным кейсам.

Три из четырех проектов, наименее показательных с точки зрения интерсекционального подхода, посвящены исследованию взаимодействия гендера и нетипичной телесности. Это были кейсы, ориентированные на изучение: 1) особенностей гендерной идентичности у мужчин-инвалидов (на материале интервью с сорокасемилетним мужчиной с ДЦП, который проживает в нестольном городе); 2) значимость женственности для человека с ограниченными возможностями (на материале интервью с двадцатисемилетней девушкой

с ОВЗ, которая проживает в не столичном городе и ведет популярный видеоблог о макияже); 3) воспроизводство маскулинности при описании опыта переживания депрессии (на материале интервью с девятнадцатилетним мужчиной, на момент интервью в течение 10 месяцев жил с диагностированной эндогенной депрессией).

Во всех трех случаях возникало напряжение при попытках объединения гендерного основания дискриминации и телесности. В отличие от изложенного выше примера со старением, медиализация дискурса о телесности вытеснила гендерные различия, информанты часто говорили о гендерной неразличимости женского и мужского опыта в случае нетипичной телесности. По их мнению, это связано с негативным влиянием инфраструктурной компоненты — неприспособленности среды к потребностям людей с ОВЗ. Хотя и есть основания подозревать наличие гендерной компоненты дискриминации, но медиализированная оптика не позволяла информантам рассуждать о других аспектах неравенства.

Замкнутость на медицинской интерпретации состояния своего тела ставит информантов в ситуацию противостояния диагнозу, что отодвигает на задний план восприятие гендерных, экономических и других оснований угнетения. В результате информанты предъявляют исследователям героическую я-концепцию или, напротив, подчиняются медиализирующему дискурсу, но в любом случае исключают из поля зрения иные параметры угнетения.

Основные результаты работы над проектом и рекомендации по его развитию

Предваряя заключение, следует сказать об основных результатах научно-образовательного проекта. Среди основных причин недостаточно позитивного результата апробирования теоретического подхода в процессе нашего проекта лежит ряд недочетов организационного характера, несоответствие выбранных методов своеобразию интерсекционного подхода и недостаточно внимательный отбор целевых групп для проведения полевого этапа.

Приведенные эмпирические иллюстрации демонстрируют потребность в более детальной артикуляции возможностей и ограничений интерсекционного подхода при выборе эмпирического материала: без четкого понимания того, как определять векторы дискриминации, в большинстве случаев не удастся найти достаточно убедительные аргументы для подтверждения тезиса об интерсекциональности. Не каждый случай обращения к представителям потенциально дискриминируемой группы позволяет получить информацию, достаточно релевантную для цели исследования, поэтому необходимо при определении эмпирического объекта использовать опыт предшествующих исследователей. С другой стороны, поскольку опыт дискриминации не всегда осознается информантами, нужно быть готовым к тому, что придется предпринять многократные выходы в поле, для того, чтобы добиться достаточного насыщения эмпирического материала.

В нашем случае следовало больше внимания обратить и на специфику структурированного интервью как основного метода. Поскольку формат интервью предполагает предъявление исследователю своей я-концепции, где «я» представлено обычно в наилучшем свете, то извлечение из нарратива опыта дискриминации достаточно затруднено. В большинстве случаев исследователям не удавалось сфокусировать беседу на теме дискриминации, а где это все же получилось, опыт дискриминации был интегрирован информантами в «героическую» я-концепцию. В качестве решения на будущее предлагается либо метод более углубленной беседы, например, с применением метода биографического интервью, либо более сфокусированная техника с использованием дополнительных инструментов, например, виньеток. Хотя специфика структурированного интервью и сыграла свою негативную роль в процессе изучения интерсекциональности, это не единственное негативное следствие проекта. Существуют научные работы, где авторам удалось обнаружить и раскрыть действие матрицы дискриминации, опираясь на материалы интервью с представителями угнетенных групп [Рочева, 2014; Тартаковская, 2015]. Тем не менее приведенные примеры могут служить не только содержательным результатом проекта, но и иллюстрацией возможных ограничений интерсекционального подхода.

В связи с описанными сложностями при эмпирической реализации проекта представляется необходимым и возможным сформулировать несколько рекомендаций по проведению аналогичных научно-образовательных проектов в будущем.

- группе участников проекта следует выбирать один эмпирический объект, при этом каждая подгруппа участников может формулировать свой исследовательский вопрос;
- требуется обоснование применимости интерсекционального подхода к исследованию выбранного эмпирического объекта на базе доступной литературы и статистических материалов;
- перед выходом в поле будет полезно согласование социально-демографических характеристик потенциальных информантов;
- унификации требует и инструментарий, что упрощает сопоставление полученных данных.

Усиление координации участников образовательного проекта упростит подготовку финального отчета в формате статьи и позволит, помимо перечисления результатов работы каждой группы, сделать более глубокие выводы, опираясь на многомерный взгляд на объект исследования.

Заключение

Последователи интерсекционального анализа критикуют традиционные подходы к пониманию социальной иерархии на основании того, что, имея в качестве основы своего концептуального аппарата ряд фиксированных категорий (гендер, класс, этничность и проч.), они не способны в полной мере ухватить многомерную систему отношений доминирования и подчинения.

Сторонники этого подхода используют при этом критерий контекстуальности. Контекстуальность интерсекционального подхода видится одновременно и его ограничением, поскольку не позволяет построить универсальную схему взаимодействия факторов дискриминации, и его достоинством, поскольку значителен аналитический потенциал его сфокусированности, узкой направленности, если эмпирический объект был выбран удачно.

Успешным результатом всего проекта стала возможность уловить сложный рисунок переплетения оснований для дискриминации, в которых гендерное основание чаще всего имело не первостепенное, но все же существенное значение. Исследователи показали панораму, в которой ключевое основание неравенства (религия, этничность или возраст) дополнялось, усиливалось и корректировалось второстепенными — гендером, видом трудовой деятельности, семейной ролью и другими. Большинство информантов все же ощущают дискомфорт по одному из автономно действующих оснований дискриминации, но представляется возможным вычленение и других векторов при более внимательном рассмотрении предъявляемой информантами я-концепции.

В качестве образовательного проекта подобный формат коллективного полевого исследования видится продуктивным. Несомненно, необходима обширная доработка формата и концепции проекта, однако повторение и развитие подобного опыта может способствовать развитию у студентов навыков работы в коллективе, ведения научной коммуникации с коллегами при разработке проекта. Также проект может быть полезен как возможность получить опыт подготовки публикации в научном журнале. С учетом обозначенных преимуществ и тонких мест можно считать первый опыт данного научно-образовательного проекта вполне успешным, главным образом, в методологическом плане.

Литература/References

Богданова Е., Бредникова О. Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни. СПб.: Алетейя, 2012. EDN: [SUGXEN](#)

Bogdanova E., Brednikova O. (2012) *Vdali ot gorodov. Zhizn postsovetsoj derevni* [Far from Cities. Life of a Post-Soviet Village]. St. Petersburg: Aletejya. (In Russ.)

Гаврилюк Т. В., Боcharов В. Ю. Интерсекциональность как способ концептуализации гендерного и классового неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 3. С. 537–545. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-537-545> EDN: [YBKHNB](#)

Gavrilyuk T. V., Bocharov V. Yu. (2018) Intersectionality as a Way of Conceptualizing Gender and Class Inequality. *Zhurnal issledovanij socialnoj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 16. No. 3. P. 537–545. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-537-545>

Максимова О. Старость или «третий возраст»? Дискурсы субъективного восприятия индивидами собственных возрастных изменений // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 2. С. 22–44. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44> EDN: [WRLVSK](#)

Maksimova O. (2020) Old Age or “Third Age”? Discourses of Individuals’ Subjective Perceptions of Their Own Age-Related Changes. *Laboratorium: zhurnal socialnyh issledovanij* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. No. 2. P. 22–44. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44>

Низамова А. Н. Активное долголетие и внешний вид: как теоретическая концепция регулирует самовосприятие в старшем возрасте? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 569–582. EDN: [XHFLWL](#)

Nizamova A. N. (2016) Active Ageing and Outward Appearance: How Do Theoretical Conceptions Affect Self-Perception in Old Age? *Zhurnal issledovanij socialnoj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 14. No. 4. P. 569–582. (In Russ.)

Розозин Д. М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93. EDN: PUQRSD

Rogozin D. M. (2012) Liberalization of Aging, or Labor, Knowledge and Health in Old Age. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4. P. 62–93. (In Russ.)

Рочева А. Л. «Понаехали тут» в роддомах России: исследование режима стратифицированного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 3. С. 367–380. EDN: TMZWQF

Rocheva A. L. (2014) "A Swarm of Migrants in our Maternity Clinics!": The Study of Stratified Reproduction Regime in the Case of Kyrgyz Migrants in Moscow. *Zhurnal issledovanij socialnoj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 12. No. 3. P. 367–380. (In Russ.)

Смолькин А. А. Медицинский дискурс в конструировании образа старости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 2. С. 134–141. EDN: LDGYFP

Smolkin A. A. (2007) Medical Discourse in the Construction of the Old Age Image. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 10. No. 2. P. 134–141. (In Russ.)

Тартаковская И. Н. Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 84–93. EDN: TUHQVL

Tartakovskaya I. N. (2015) The Gender Order Reproduction Via Career Strategies: Intersectional Analyses. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5. P. 84–93. (In Russ.)

Темкина А. А., Здравомыслова Е. А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 5. С. 15–38. EDN: ZVMKER

Temkina A. A., Zdravomyslova E. A. (2017) Intersectional Turn in Gender Studies. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 20. No. 5. P. 15–38. (In Russ.)

Butler J. (1990) *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity*. London: Routledge.

Cho S., Crenshaw K. W., McCall L. (2013) Toward a Field of Intersectionality Studies: Theory, Applications, and Praxis. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 38. No. 4. P. 785–810. DOI: <https://doi.org/10.1086/669608>

Choo H. Y., Ferree M. M. (2010) Practicing Intersectionality in Sociological Research: A Critical Analysis of Inclusions, Interactions, and Institutions in the Study of Inequalities. *Sociological Theory*. Vol. 28. No. 2. P. 129–149. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2010.01370.x>

Crenshaw K. (1991) Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color. *Stanford Law Review*. Vol. 43. No. 6. P. 1241–1299. DOI: <https://doi.org/10.2307/1229039>

Esnard T., Cobb-Roberts D. (2018) Comparative Intersectionality: An Intra-Categorical Approach. In: *Black Women, Academe, and the Tenure Process in the United States and the Caribbean*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-89686-1_5

Harnois C. E. (2014) Are Perceptions of Discrimination Unidimensional, Oppositional, or Intersectional? Examining the Relationship among Perceived Racial–Ethnic-, Gender-, and Age-Based Discrimination. *Sociological Perspectives*. Vol. 57. No. 4. P. 470–487. DOI: <https://doi.org/10.1177/0731121414543028>

Hogan R. (2001) Class, Race and Gender Inequality. *Race, Gender & Class*. Vol. 8. No. 2. P. 61–93.

McCall L. (2005) The Complexity of Intersectionality. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 30. No. 3. P. 1771–1800. DOI: <http://dx.doi.org/10.1086/426800>

Mountz A., Mohan S. S. (2022) Human Migration in a New Era of Mobility: Intersectional and Transnational Approaches. *Global Social Challenges Journal*. Vol. 1. No. 1. P. 59–75. DOI: <https://doi.org/10.1332/RFXW5601>

Murgatroyd L. (1982) Gender and Occupational Stratification. *Sociological Review*. Vol. 30. No. 4. P. 574–602.

Peterson S.V. (2005) How (the Meaning of) Gender Matters in Political Economy. *New Political Economy*. Vol. 10. No. 4. P. 499–521. DOI: <https://doi.org/10.1080/13563460500344468>

Rennes J. (2012) Gender Relations at the Intersection of Race, Class, and Age: Gender Studies and Debates in France in the First Decade of the Twenty-first Century. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 3. No. 3. P. 143–162.

Shadrina A. (2022) Enacting the Babushka: Older Russian Women “Doing” Age, Gender and Class by Accepting the Role of a Stoic Carer. *Ageing and Society*. Vol. 44. No. 2. P. 457–474. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0144686X2200037X>

Stanworth M. (1984) Women and Class Analysis: A Reply to John Goldthorpe. *Sociology*. Vol. 18. No. 2. P. 159–170. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038584018002001>

Valocchi S. (2005) Not Yet Queer Enough: The Lessons of Queer Theory for the Sociology of Gender and Sexuality. *Gender and Society*. Vol. 19. No. 6. P. 750–770. DOI: <https://doi.org/10.1177/0891243205280294>

Yuval-Davis N. (2011) *The Politics of Belonging. Intersectional Contestations*. London: Sage. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446251041>

Сведения об авторах:

Жесько Элла Михайловна — магистр социологии, стажер-исследователь, Центр фундаментальной социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** ezhesko@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 1152667; **ORCID ID:** 0000-0003-4949-3646; **ResearcherID:** AEN-9527-2022.

Петрухин Леонид Николаевич — магистр социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** petruhinleonid@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 14.02.2024

Принята к публикации: 05.06.2024

BAK: 5.4.4

Intersectional Approach in Social Inequality Research: Group Project

DOI: 10.19181/inter.2024.16.2.6

Ella M. Zhesko

HSE University, Moscow, Russia

E-mail: ezhesko@hse.ru

Leonid N. Petrukhin

HSE University, Moscow, Russia

E-mail: petruhinleonid@gmail.com

This article represents the results of an educational project aimed at testing the possibilities of an intersectional approach to describe the matrix of social inequality in the Russian context. Through an analysis of the narratives of eight informants

belonging to potentially discriminated groups, the authors attempted to trace the connection between multidirectional vectors of discrimination in their life experiences. As a result, the boundaries of applicability of intersectional analysis were outlined, its methodological advantages and disadvantages were indicated, research reflection on the experience of using the concept was given, as well as recommendations for the further development of the educational project.

Comparing the results of the work of colleagues, the authors came to the conclusion that the picture of a complex interweaving of hierarchy mechanisms in the cases considered often represented an "interlacement" of a key parameter of discrimination with a number of secondary ones, which created a complex, individualized pattern of stratification, deepened in the context of a specific social situation.

A significant limitation of the intersectional approach is its dependence on context. The applicability of a structured interview for the implementation of this task within the framework of an intersectional approach also seems problematic. The authors of the reviewed texts analyzed the experience of one or two informants which is not enough to draw conclusions about the systemic nature of the detected problems. A larger sample of works should be used or other methods should be used, such as deepening existing information through the use of biographical interviews.

This article presents the results of a group educational project conducted with the participation of a team of authors on the initiative of Elena Yuryevna Rozhdestvenskaya as part of the course "Biographical Method in Sociology" of the master's program "Complex Social Analysis" of the Higher School of Economics.

Keywords: intersectional approach; educational project; disabilities; third age; gender identity; religious identity

Authors Bio:

Ella M. Zhesko — MA in Sociology, Trainee Researcher, Centre for Fundamental Sociology, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** ezhesko@hse.ru. **RSCI Author ID:** 1152667; **ORCID ID:** 0000-0003-4949-3646; **ResearcherID:** AEN-9527-2022.

Leonid N. Petrukhin — MA in Sociology, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** etruhinleonid@gmail.com.

Received: 14.02.2024

Accepted: 05.06.2024

Интеракция. Интервью. Интерпретация

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(ЭЛ № ФС 77-73688 от 14 сентября 2018 г.)

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Главный редактор:
Виктория Владимировна Семенова

Редакция:
Александрина Владимировна Ваньке
Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Технический редактор:
Ольга Николаевна Салангина

Компьютерная верстка:
Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:
Анна Николаевна Кокарева

Журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация» включен в базу РИНЦ и перечень ВАК.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

2024. Том 16. № 2. Дата выхода в свет 28.06.2024.

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
Тел.: +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, korp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com